РОССІЙСКІЙ ѲЕАТРЪ

или

Полное собранїе

всѣхъ

Россїйскихъ Ѳеатральныхъ

сочиненїй.

Часть XVI.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академїи Наукъ,

1787 года.

КОМЕДІИ.

Томъ VII.

ЧУДОВИЩИ

КОМЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРМАСЪ.

ГИДИМА, жена ево.

ИНФИМЕНА, дочь ихъ.

ВАЛЕРЪ, любовникъ ее.

ДЮЛИЖЪ, петиметеръ.

ХАБЗЕЙ, ябедникъ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ, педантъ.

ДОДОНЪ, судья.

ФИНИСТЪ, судья.

ФИНЕТТА, служанка Бармасова.

АРЛИКИНЪ, слуга Бармасовъ.

Прим: *Сія Комедія сочинена въ Іюнѣ мѣсяцѣ* 1750 *года, на приморскомъ дворѣ.*

ЧУДОВИЩИ

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БАРМАСЪ и ГИДИМА.

ГИДИМА.

Я и слышать не хочу, чтобъ дочь моя была за Хабзеемъ. Спашное ли ето дѣло, чтобъ я дочь свою выдала за ябедника?

БАРМАСЪ.

Мы люди разореныя, да ежели едакова человѣка у насъ въ роднѣ не будетъ; такъ мы и совсемъ пропадемъ.

ГИДИМА.

Инфимена будетъ за Дюлижемъ.

БАРМАСЪ.

Да что тебѣ въ немъ нравится?

ГИДИМА.

Все.

БАРМАСЪ.

Однакожъ, чтожъ бы то такое было?

ГИДИМА.

Все, все я говорю. Волосы подвиваетъ онъ хорошо, по Французски немножко знаетъ, танцуетъ, одѣвается по щегольски, знаетъ много Французскихъ пѣсенъ; да полно еще не былъ ли онъ и въ Парижѣ. Что тебѣ больше надобно? Вить намъ зятя доставать не съ небесъ.

БАРМАСЪ.

А какъ насъ въ Вотчинной Коллегіи обвинятъ; такъ намъ въ тѣ поры Французскія пѣсни не помогутъ.

ГИДИМА.

Да, какъ онъ станетъ пѣшь; такъ судья то у нево надумается.

БАРМАСЪ.

Онъ еще дѣтинишка молодой, а тотъ человѣкъ ужъ въ лѣтахъ, постоянной, скромной . . .

ГИДИМА.

Каковъ онъ ни есть, только я дочери своей

своей за нево не отдамЪ; а ежели ты больше врашь будешь, такЪ быть худу.

БАРМАСЪ.

Чтожъ? вить ты меня не бить же станешь?

ГИДИМА.

А хоть бы я тебя и убила? бездѣльникЪ: ты думаешь что я тебя и боюсь?

БАРМАСЪ.

Подумай же ты, что вить я большой, а не ты.

ГИДИМА.

Конечно ты большой, да большой дуракЪ.

БАРМАСЪ.

Слушай жена, ето не хорошо.

ГИДИМА.

Хорошо ль, не хорошо ль, да мнѣ такЪ хочется.

БАРМАСЪ.

Да вить не все то дѣлашь, чево хочется?

ГИДИМА.

Я и такЪ жалѣю, что я много времени потеряла, что въ молодости своей не дѣлала тово вышедЪ за тебя, чево мнѣ хотѣлось, а теперь ужЪ я такЪ глупа не буду; только жаль тово что время ушло.

БАРМАСЪ.

Да, а я бы зналъ, что и мнѣ дѣлать.

ГИДИМА.

А что бы ты здѣлалъ?

БАРМАСЪ.

Развѣ у насъ правъ нѣтъ.

ГИДИМА *[даетъ ему лощочину.]*

Подижъ да бейчеломъ.

БАРМАСЪ.

Я на тебя въ Судномъ Приказѣ подамъ челобитную, а ходить за меня есть кому.

ГИДИМА.

Бейчеломъ, а свидѣтелей нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

БАРМАСЪ *[одинъ.]*

Нещастливъ тотъ человѣкъ, кто гражданскихъ правъ не знаетъ. Ну естьли бы я теперь да былъ человѣкъ не дѣловой, что бы мнѣ съ едакою дѣлать женой?

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 3.

БАРМАСЪ и ХАБЗЕЙ.

ХАБЗЕЙ *[кланяясь обручку.]*

Здравствуй ваше высокородіе.

БАРМАСЪ.

Я другъ мой до тебя превеликую имѣю нужду.

ХАБЗЕЙ, *[такъ же кланяяся]*

Я для васъ, милостивой мой государь, хоть въ воду готовъ.

БАРМАСЪ.

Съ женою у меня началось дѣло

ХАБЗЕЙ *[также кланяясь.]*

Въ какой силѣ, ваше высокородіе?

БАРМАСЪ.

Въ такой силѣ, что она мнѣ дала пощочину.

ХАБЗЕЙ.

Ето она здѣлала въ противность правамъ.

БАРМАСЪ.

Я хочу подать на нее въ Судномъ Приказѣ челобитную.

ХАБЗЕЙ.

Имѣются ли у вашева высокородія свидѣтели?

БАР-

БАРМАСЪ.

То-та и причина, что нѣтъ.

ХАБЗЕЙ.

Ето нѣтъ ничево, я свидѣтелемъ буду и руку приложу. — Извольте челобитную подать въ такой силѣ: что такова-то года, мѣсяца и числа, въ противность Государственныхъ правъ, жонка Гидима, вамъ нижеименованному дала оплеуху, отъ которой де у меня изъ глазъ искры посыпались, и чтобъ такое то дѣло въ Судномъ Приказѣ изслѣдовать и приказать заплатить вамъ безчестье и увѣчье, а ей бы жонкѣ Гидимѣ дать наказъ, чтобъ ей впредь съ мужемъ своимъ жить чинно, и обязать ее поруками, ежелижъ она не уймется, и будетъ ваше высокородіе заушать и впредки какъ крѣпостнова своево человѣка, то чтобъ оное взыскать на порукахъ.

БАРМАСЪ.

Гдѣ ты другъ мой учился? Ты такъ говоришь, будтобъ ты лѣтъ тритцать за краснымъ сукномъ сидѣлъ.

ХАБЗЕЙ.

А буде оная жонка Гидима учнетъ во оправ-

оправданіе приноситъ, яко бы она то учинила видя всегдашнія отъ вашего высокородія себѣ нападки, и въ томъ бы ей съ вами нижеименованнымъ дать очную ставку . . .

БАРМАСЪ.

То-то дѣловецъ то!

ХАБЗЕЙ.

А буде она такова-то имрака, сирѣчь меня, до свидѣтельства не допуститъ, и въ томъ де ссылаюсь я на окольныхъ людей, что такія-то вышереченныя оплеухи, были мнѣ нижеименованному уже не однократно...

БАРМАСЪ.

Какъ рѣка льется.

ХАБЗЕЙ.

А буде окольныя люди учнутъ запираться, яко бы они того не видали, и въ томъ взять отъ нихъ подписку, подъ лишеніемъ движимаго и недвижимаго имѣнія: а понеже оное дѣло, которое произошло между недоросля Бармаса и жонки Гидимы, есть дѣло не малое; то чтобъ вышеобъявленныхъ свидѣтелей допросить порознь. А за что у васъ съ нею стало, и какимъ то было порядкомъ, мы о томъ переговоримъ; чтобъ намъ въ допросахъ не разбиться.

БАР-

БАРМАСЪ.

Я тебѣ все обстоятельно скажу, какъ, и что было: ты знаешь что я хочу дочь свою выдать за тебя, а она хочетъ ее выдать за Дюлижа. Стала со мною споришь, и какъ я съ нею не соглашался, такъ она меня ударила въ щоку. Однако вамъ надобно знать точно, въ которую щоку она меня ударила. . . .

ХАБЗЕЙ.

Ето мнѣ видно по которой щекѣ она ваше высокородіе съѣздила. — А буде . . .

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢЖЕ, ДЮЛИЖЪ и КРИТИЦІОНДІУСЪ.

ДЮЛИЖЪ.

Что за тварь ето?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Видно что онъ себя ни въ чемъ не критикуетъ.

ХАБЗЕЙ *[Критиціондіусу]*

Вамъ милостивому моему государю, не имѣется до меня никакова дѣла.

ДЮЛИЖЪ.

Господинъ Бармасъ, что ето за бестія?

БАР-

БАРМАСЪ.

Ето не бестія, человѣкъ дѣловой, и мой нареченной зять, господинъ Хабзей.

ДЮЛИЖЪ.

Изрядной у меня риваль! Grand Dieu!

БАРМАСЪ.

Да нечево по Нѣмецки то говорить, конечно онъ зять мой будетъ.

ДЮЛИЖЪ.

Что? вы думаете, что я говорю по Нѣмецки. Quelle penſée! quelle impertinence! чтобъ я етимъ языкомъ говорить сталъ!

БАРМАСЪ.

Ты къ женѣ моей пришолъ, а не ко мнѣ; такъ мнѣ до тебя и дѣла нѣтъ; говори съ ней, а мнѣ Лапынь твоя не нужна.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢЖЪ КРОМѢ БАРМАСА.

ДЮЛИЖЪ *[Критиціондіусу]*

Естлибъ онъ не былъ отецъ моей метрессы; ябъ ево конечно не почиталъ человѣкомъ.

ХАБ-

ХАБЗЕЙ.

Какъ? отецъ твоей матресы? Высокородная госпожа Инфимсна, у тебя въ матресахъ не живала.

ДЮЛИЖЪ *[Хабзею]*

Ah! mon ami, vous êtes un très bon garçon.

ХАБЗЕЙ.

Государь мой, я Латынскому языку не учился. А честныхъ дѣвицъ матресами называть не хорошо. Развѣ ты уложенья не читывалъ?

ДЮЛИЖЪ.

Уложенья? что ето за звѣрь?

ХАБЗЕЙ *[Критиціондіусу]*

Изволь прислушать государь мой. Онъ уложенье звѣремъ называетъ, а въ немъ государственныя права.

ДЮЛИЖЪ.

Я права тѣ знаю больше нежели ты. Я знаю и Натуральныя, и Римскія, и Французскія. . . . .

ХАБЗЕЙ.

У насъ въ приказахъ права Русскія, а не Французскія.

ДЮЛИЖЪ.

Я не только не хочу знать Русскія права, я бы Русскова и языка знать не хотѣлъ. Скаредной языкъ!

ХАБЗЕЙ *[Критиціондіусу.]*

Государь мой, изволь прислушать.

ДЮЛИЖЪ.

Для чево я родился Русскимъ! о натура! не стыдно ль тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ Русскова отца? Сносноль мнѣ ето, что едакой человѣкъ одной со мною націи? да еще онъ же и риваль мой!

ХАБЗЕЙ, *[Критиціондіусу.]*

Изволь прислушать.

ДЮЛИЖЪ *[Критиціондіусу]*

Ета одна пѣсенка, которую я давиче пѣлъ, всево Русскова языка стоитъ: Colin la, la la la la, jetta par terre.

ХАБЗЕЙ.

Что ето за премудрая пѣсенка? что въ ней за хитрость имѣется?

ДЮЛИЖЪ.

Пастухъ повалилъ пастушку.

ХАБЗЕЙ.

СЪ какова умыслу!

ДЮЛИЖЪ.

СЪ какова умыслу! можно догадаться съ какова умыслу.

ХАБЗЕЙ.

Да что! валять-то себя она ему позволилаль?

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[Хабзею.]*

Какое у пастуховъ позволеніе? развѣ ты буколическихъ правилъ въ поезіи не знаешь?

ДЮЛИЖЪ *[Хабзею.]*

Повалилъ пастушку, voila tout, только и дѣла, что повалилъ.

ХАБЗЕЙ.

А какъ она побѣшчеломъ? вить по указомъ-то за ето бываетъ дурно.

ДЮЛИЖЪ.

Да быть ужъ такъ, коли такъ здѣлалось.

ХАБЗЕЙ.

Государи мои, я прошу, чтобъ я къ етому дѣлу причастенъ не былъ: я ничево не слыхалъ.

[Покло-

[Поклонился обруку, и отшедъ опять ловоротился.]

Я ничево не слыхалъ, Государи мои.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ДЮЛИЖЪ и КРИТИЦІОНДІУСЪ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Ты знаешь что я другъ твой, только ето не хорошо что ты дѣлаешь; я при немъ не хотѣлъ себя обличить.

ДЮЛИЖЪ.

Что такое?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Хорошо ли ето, что ты связался съ ябедникомъ?

ДЮЛИЖЪ.

А чемъ ето худо?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Ето безчестье Французскому языку: что ты шому говоришь Colin la jetta par terre, кто етова знать не достоинъ.

ДЮЛИЖЪ.

Vous avés raiſon.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Такія хорошія слова говорить передъ ябедникомъ, слово въ слово какъ передъ глухимъ пѣть.

ДЮЛИЖЪ.

Juſtement.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Какъ слѣпому живопись показывать.

ДЮЛИЖЪ.

Aſſurement.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Какъ передъ безграмотнымъ стихи читать.

ДЮЛИЖЪ.

Vous parlés comme un oracle.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Музыкою, живописью и стихотворствомъ не шутятъ.

ДЮЛИЖЪ.

А особливо Французскимъ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

А особливо ихъ трагедіями.

ДЮЛИЖЪ.

Куды какъ трагедіи-то ихъ жалки! Я вчера читалъ одну; такъ наплакался.

КРИ-

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Чью ты чишалъ и которую?

ДЮЛИЖЪ.

Я право не знаю чья она: Medecin maldré lui. Ето пуще всево жалко, како бить то стали: крайне жалко.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Послушай: ето что ты чишалъ, комедія, а не трагедія.

ДЮЛИЖЪ.

Какъ комедія? да вить коли колются или какое здѣлается нещастье; такъ то трагедія, а не комедія?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Да. А тутъ какое нещастье?

ДЮЛИЖЪ.

Да развѣ ето не нещастье, когда ково бьютъ?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Въ етомъ есть особливыя регулы, а тому, о чемъ ты плакалъ, подлежало тебѣ смѣяться.

ДЮЛИЖЪ.

Между нами говорено, вить я етова ничево не знаю.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Вотъ, на примѣръ: Пулхерія, Агезилай, то трагедіи. . . .

ДЮЛИЖЪ.

Апропо! Рускую-то трагедію видѣлъ ли ты?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Видѣлъ за грѣхи мои. И какъ ты читая комедію плакалъ, такъ я видя ету трагедію смѣялся.

ДЮЛИЖЪ.

Такъ и на тебя ето бываетъ, что ты смѣешся видя то что жалко.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Да тутъ никакой жалости не было.

ДЮЛИЖЪ.

Да развѣ Хоревъ-то комедія, а не трагедія? да полно что можетъ быть хорошо, что на Русскомъ языкѣ писано!

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Ето правда; однако не много получше можно бы было написать. Кію подали стулъ, Богъ знаетъ на что, будто какъ бы онъ въ такомъ былъ состояніи, что ужъ и стоять не могъ. Отъ чево? я не знаю. Стулъ названъ

званъ сѣдалищемъ, будто стуломъ назвать было не льзя; а ежели для тово не названо стуломъ, что стулъ по Нѣмецки; такъ бы можно было сказать: подай скамью, или сказать: подай на чемъ сѣсть.

ДЮЛИЖЪ.

А сѣдалище то, развѣ худо сказано?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Крайне худо.

ДЮЛИЖЪ.

Чемъ же?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Резона на ето никакова нѣтъ: однакожъ.

ДЮЛИЖЪ.

Я бы думалъ, что лутче сказать подай канапе.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Да и тобѣ не хуже было. Поетамъ ета вольность дается, что нужды ради и чужое слово положить можно, а сѣдалище слово изъ Славенщизны, даромъ что ево и малыя знаютъ робята.

ДЮЛИЖЪ.

Чтожъ мы заговорились? я чаю что моя аманта уже встала. Ты увидишь какова она,

и увидишь каковъ я ей. Скажешь, что я ето ношу не напрасно. *[Поворотясь къ нему слиною и указывая на кошелекъ свой. По томъ вслрыскивается благоуханного водого, и смотрится въ маленькое вынувъ изъ кармана зеркало. А Критиціондіусъ въ то время говоритъ.]*

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Жаль что ушли мои лѣта, и что въ то время, какъ я былъ въ порѣ, у насъ еще ничево етова не знали. Часъ отъ часу свѣтъ къ совершенству приближается.

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢЖЪ и АРЛИКИНЪ.

АРЛИКИНЪ, *[особливо.]*

Позови Хабзея, а Хабзея здѣсь и не бывало. Никакъ ты Бармасъ съ ума сошелъ!

ДЮЛИЖЪ.

День ли ужъ у васъ?

АРЛИКИНЪ.

Когда во всемъ Петербургѣ день; такъ и у насъ не ночь тогда. У насъ время уже около

около полудни, развѣ по твоимъ часамъ еще не разсвѣтало.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Онъ меня привелъ въ размышленіе, я объ етомъ напишу диссертацію, что ето, день ли ужъ у васъ, говорится не правильно.

АРЛИКИНЪ.

На что марать бумагу, етова и безъ тово никто не говоритъ.

ДЮЛИЖЪ.

Однако ето слово вводятъ.

АРЛИКИНЪ.

Едакое слово въ Русской языкъ тяжело вводить, надобно ввозить.

ДЮЛИЖЪ.

Я тебѣ сказываю, что я ево введу.

АРЛИКИНЪ *[осмотрѣвъ ево съ головы до ногъ и обѣгая съ боковъ и съ зади]*

Ты! . . . ха! ха! ха! ха!

ДЮЛИЖЪ.

Инъ скажи мнѣ: видима ли молодая твоя госпожа?

АРЛИКИНЪ.

Она вить не духъ, чтобъ ее не льзя было видѣть, у нее и руки есть и ноги, и

все то есть у нее, что у другихъ ее сестеръ.

ДЮЛИЖЪ.

Такъ можно ее видѣть теперь?

АРЛИКИНЪ.

Можно, кто на нее смотрѣть будетъ.

ДЮЛИЖЪ, *[Критиціондіусу.]*

Пойдемъ же господинъ Критиціондіусъ.

АРЛИКИНЪ, *[смотря на маленькой ево кошелекъ.]*

На едакой кошелекъ не много пойдетъ товару.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[одинъ.]*

Изрядной тебѣ пріемъ! Ежели бъ я ето вѣдалъ; не заманилъ бы ты меня съ собою. Ты передъ нею Французскія пѣсенки попѣваешь, а другой у нее руки цалуетъ. Только ето великой подвержено критикѣ, что дѣвицы такъ свободно съ кавалерами обходятся, и я объ етомъ, какимъ образомъ содержать молодыхъ женщинъ, напишу книгу, хотя она молодымъ людямъ и не гораздо пріятна будетъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

КРИТИЦІОНДІУСЪ и ФИНЕТТА.

ФИНЕТТА *[особливо.]*

Нѣтъ, Арликинъ не бывалъ еще.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[особливо.]*

Даромъ что она служанка: есть на что посмотрѣть. Подойдемъ къ ней. *[Финеттѣ]* Смѣть ли съ вами молвить?

ФИ-

ФИНЕТТА.

Сколько изволишь.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

А ежели мнѣ захочется тебя поцаловать . . . ?

ФИНЕТТА.

Едакія поцалуи мнѣ не вкусны.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Такъ ты по етому о моемъ имени не слыхивала, и книгъ, которыя я издалъ, не читывала, что такъ меня уничтожаешь ?

ФИНЕТТА *[локлонившись.]*

Не имѣю чести знать ни васъ, ни книгъ вашихъ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

На пѣснь, *Прости мой свѣтъ*, я сочинилъ критику въ двенадцати томахъ in folio. На трагедію Хорева сложилъ я шесть дюжинъ Епиграммъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и на Греческій языкъ перевелъ ; противъ тѣхъ господъ, которые Русскія представляли Трагедіи, написалъ я на Сирскомъ языкѣ девяносто девять Сатиръ.

ФИНЕТТА.

Что тебѣ въ томъ прибыли ?

КРИ-

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Я хочу вывесть изъ заблужденія любезное мое отечество, которое то похваляетъ, что похуленія достойно, и отнять честь у автора, которую онъ получаетъ не праведно; а паче всево, для тово я на нево вооружаюсь, что онъ думаетъ обо мнѣ, будто я, все что ни есть, пишу нескладно. Да то мнѣ всево зляе, что онъ въ томъ на весь народъ ссылается, а весь народъ за нескладнова писца меня и почитаетъ; однако я противъ всево Рускова народу здѣлаю Ювеналовымъ вкусомъ Сатиру.

ФИНЕТТА.

Народу нашему ето, что вы на нево гнѣваетесь, будетъ очень печально.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

А объ тѣхъ, которые Рускія Трагедіи представляли, пускай же и въ Сиріи знаютъ, каково хорошо они дѣлали. Каковъ авторъ, таковы и актеры! Етотъ же авторъ здѣлалъ Комедію на ученыхъ людей, и премудраго господина Шапелена назвалъ въ ней подъ вымышленнымъ именемъ Тресотинїусомъ. Хорошо ли ето, что на ученыхъ людей дѣлать

лать Комедіи? А едакихъ людей, каковъ господинъ Шапеленъ, со свѣчою ищутъ. Онъ Геродота такъ хорошо перевелъ, что тѣмъ себѣ вѣчную приобрѣлъ славу. И какъ въ переводѣ ету книгу читаешь; такъ и позабудешь, что ето Геродотъ въ переводѣ; и думаешь, что то какова нибудь великова автора оригиналъ: такъ то онъ переводитъ!

ФИНЕТТА.

Я о господинѣ Шапеленѣ довольно слыхала! а все что ни есть говорятъ одно. Конечно ето великое нещастье, ежели ученой человѣкъ отъ цѣлова народа, со всею своею премудростію, за невѣжу почитается. Однако скажите мнѣ: вы что нибудь здѣлали ли кромѣ критикъ вашихъ? А что ето критика, я о томъ отъ тунеядцовъ довольно наслышалась.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Я здѣлалъ дополненіе ко книгѣ, что господинъ Шапеленъ сочинилъ о буквѣ ї, которой всѣ хотя и смѣются; однако потомки наши о ней иное говорить будутъ, и не станутъ вѣрить: что меня мои современники за безумца почитали. Вить и Гомеръ во время

жизни

жизни своей не такъ славенъ былъ, каковъ онъ въ наше время. Однако прекрасная богиня, я тебя поцалую, какъ книга о буквѣ ї ни хороша, ты ей не уступишь.

ФИНЕТТА.

Я цаловать тебя не хочу, цалуй ты ету книгу, которую вы о своей сочинили буквѣ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Воля твоя, нѣтъ моево терпѣнія. Я тебя поцалую. *[Хочетъ ее лоцаловать, а она противится.]*

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТѢЖЪ и АРЛИКИНЪ.

АРЛИКИНЪ.

Ба, ба, ба, — ажно и Философы-то такія жъ какъ мы люди. Я думаю, что я не обманываюсь: видно по лицу, что ты Философъ. Я еще давиче ето примѣтилъ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

И подлинно то такъ, что я Философъ, да еще и великой Философъ.

АРЛИКИНЪ.

Только ету Философію, которую ты дѣлаешь, и я не меньше тебя знаю.

КРИ-

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Такимъ прекраснымъ дѣвушкамъ, въ древнія времена, покланялись.

АРЛИКИНЪ.

Да ты не покланяешься, цалуешь, ето и въ нынѣшнія времена дѣлаютъ. А ты Философъ меня не замай. Знаешь ли ты ето что она и мнѣ мила.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Едакія твари рождаются для Философовъ, а не для Арликиновъ.

АРЛИКИНЪ *[вынявъ и показывая шлагу свою.]*

А едакія вещи у насъ для Философовъ, которые оставивъ Философію, тоже дѣлаютъ, что и мы простолюдимы.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Тронь только меня; такъ я на тебя сатиръ десять здѣлаю.

АРЛИКИНЪ.

Что хочешь, то дѣлай, только лишь Финешты не замай.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[еще лоцаловать ее хочетъ.]*

Прекрасная богиня!

АРЛИ-

АРЛИКИНЪ *[бьетъ его.]*

Вотъ тебѣ моя Философія.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[бѣжитъ вонъ.]*

Философа бить!

АРЛИКИНЪ.

Вотъ тебѣ Философія.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Философа бить!

АРЛИКИНЪ.

Вотъ тебѣ Философія.

ЯВЛЕНІЕ 4.

АРЛИКИНЪ и ФИНЕТТА.

АРЛИКИНЪ.

Видно Финетта, что мнѣ носить рога, ежели ты за мною будешь.

ФИНЕТТА.

Что ты, не съ ума ли сошелъ?

АРЛИКИНЪ.

Когда ты съ шестидесятилѣтнимъ Философомъ цалуешься; такъ чево мнѣ отъ тебя дожидаться?

ФИНЕТТА.

Вѣдай ты, что я постоянна, и съ стариками цаловаться никогда не стану: ка-

жется мнѣ, что я еще не обезумѣла. Винна ли я, что едакой уродъ на меня навязался?

АРЛИКИНЪ.

Ты бы на нево плюнула.

ФИНЕТТА.

На едакую дурную рожу плевать гадко: скажишка лутче, ходилъ ли ты шуда, куда тебя послали.

АРЛИКИНЪ.

Ходилъ, и все будетъ такъ исполнено, какъ мнѣ приказано. Да что ето за судъ, которой у насъ будетъ?

ФИНЕТТА.

Будетъ третейная здѣлка между господъ нашихъ о пощочинѣ, которую наша боярыня пожаловала нашему боярину.

АРЛИКИНЪ.

Много бы етихъ судовъ было, ежелибъ за всякую судишься оплеуху, которыя она ему жалуетъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢЖЪ и ДЮЛИЖЪ.

ДЮЛИЖЪ.

Валера да мнѣ предпочитаютъ! Ето очень ridicule.

АРЛИКИНЪ.

ВалерЪ человѣкЪ, а что ты, объ етомъ никому не извѣстно.

ДЮЛИЖЪ.

Кто я, объ етомъ не только РусскимЪ, и ФранцузамЪ извѣстно, а ВалерЪ вашъ только одно человѣческое имя имѣетъ. Ето будто человѣкЪ! КошелекЪ носитъ такой большой какъ заслонъ, на головѣ пуклей съ двацать, тростку носитъ коротенькую, плашье дѣлаетъ ему НѣмчинЪ, шабакъ нюхаетъ рульной, а объ Сибу ему и не снилось; муфты у нево и отъ роду не бывало, манжеты носитъ короткія, да онъ же еще и по Нѣмецки умѣетъ. Я не знаю какъ онъ по Французски то научился.

АРЛИКИНЪ.

Финетта, каковъ онъ тебѣ кажется?

ФИНЕТТА.

Таковъ какъ тебѣ.

АРЛИКИНЪ.

Мнѣ кажется, что какова долга тростьево, таковъ коротокъ у нево разумъ.

ФИНЕТТА.

На что молодому человѣку разумъ? Былибъ долгїя манжеты, да трость сажени въ полторы.

АРЛИКИНЪ.

Такъ лутче взять шестъ.

ДЮЛИЖЪ.

Не вамъ объ етомъ толковать. Научиться етому какъ одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоитъ цѣлова вѣку, а я етому формально учился, чтобъ могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги; однако неблагодарное мое отечество, все то презираетъ, что выше здѣшнява превосходитъ разсужденїя.

АРЛИКИНЪ.

Едакое безобразїе, стыдъ роду человѣческому. Конечно ето обезьяна, да не здѣшняя.

ДЮЛИЖЪ.

Конечно не здѣшняя другъ мой. Оставай-

вайтесь вы и удивляйтесь Валеру своему, а госпожа ваша можетъ быть что и одумается, правильноль мнѣ она Валера предпочитаетъ, и увидитъ какое разнствіе между Валера съ человѣкомъ, которой свѣтъ знаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

АРЛИКИНЪ и ФИНЕТТА.

АРЛИКИНЪ.

Не безщастны ли мы Финетта, ежели онъ на нашей госпожѣ женится?

ФИНЕТТА.

Онъ еще и по Французски насъ учиться заставитъ.

АРЛИКИНЪ.

Я лутче хочу, чтобъ Инфимена хотя ужъ за Хабзеемъ была, нежели за нимъ. Я скоряе приказнымъ научусь дѣламъ, нежели Французскому языку, да у меня же и голосу нѣтъ, а онъ хочетъ, чтобъ всѣ съ нимъ Французскія пѣсни пѣли.

ФИНЕТТА.

У меня и голосъ есть; однако Французскихъ пѣсенъ пѣть я не умѣю, пропади онъ и съ пѣснями своими.

АРЛИКИНЪ.

Знаешь ли что? Онъ насъ всѣхъ съ двора собьетъ, и нашева осла дворецкимъ здѣлаетъ. Онъ ето тѣмъ, которыя на немъ возятъ воду, и невѣжливо ево погоняютъ, вымѣститъ.

ФИНЕТТА.

Развѣ доословъ-то онъ охотникъ?

АРЛИКИНЪ.

Иль ты не примѣтила, что у осла нашева слово въ слово такой же голосъ, какъ у нево, когда онъ поетъ пѣсни или хахочетъ? Вмѣстѣ пѣть будутъ.

ФИНЕТТА.

А онъ о смѣхѣ-то своемъ инако думаетъ. У нево етому многія учатся. Намнясь и мущинъ и женщинъ обступило вкругъ ево человѣкъ съ дватцать и перенимали ето, а онъ имъ о томъ толковалъ какъ будто . . .

АРЛИКИНЪ.

Какъ будто бояринъ нашъ о своей пощочинѣ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢЖЪ, ВАЛЕРЪ и ИНФИМЕНА.

ИНФИМЕНА.

КакЪ бы батюшка и матушка меня ни принуждали; только я кромѣ тебя ни за ково не выйду.

ВАЛЕРЪ.

Ты знаешь какое я для тебя терплю нещастье; однако я и живота своево для тебя не пощажу. Дядя мой выбралЪ мнѣ богатую невѣсту. СЪ тово времени, какЪ онЪ мнѣ объявилЪ свое намѣреніе, чтобЪ меня на ней женишь, за не послушаніе мое ни копѣйки мнѣ не даетЪ, да и впредь давать не хочетЪ; хотя у нево кромѣ меня и никово нѣтЪ наслѣдниковЪ.

ИНФИМЕНА.

Я мой свѣтЪ всему твоему нещастью причина.

ВАЛЕРЪ.

ОтдалЪ мнѣ только бумаги; пустыя закладныя, пустыя крѣпости, по которымЪ будто ему сколько то пожилыхЪ брать денегЪ; однако какЪ Хабзей деньгами ево су-

дей и подьячихъ ни даритъ; только по нынѣ ничево еще не выходитъ.

АРЛИКИНЪ.

Въ приказы кто съ пустыми ходитъ руками?

ВАЛЕРЪ.

Прости мой свѣтъ, и памятуй ето слово, что ты кромѣ меня ни за ково не выйдешь.

ИНФИМЕНА.

Пускай въ ту минуту смерть меня пожретъ, ежели я тебѣ измѣню.

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТѢЖЪ КРОМѢ ВАЛЕРА.

АРЛИКИНЪ.

Прости мой свѣтъ: только какъ ты мнѣ ни мила; однако я не клянусь, что никогда тебѣ не измѣню: о настоящемъ кляться можно, а будущее намъ невѣдомо; можетъ быть что я тебѣ и измѣню. Вить ты не одна хороша на свѣтѣ, а вить пословица-то ета лежитъ не даромъ, что когда товаръ полюбится, тогда и умъ отступится.

ФИ-

ФИНЕТТА.

Можетъ быть, что такія же мысли и у меня; и ты вить не одинъ на свѣтѣ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

ИНФИМЕНА и ФИНЕТТА.

ФИНЕТТА.

Что ты такъ задумалась и вдругъ печальна стала?

ИНФИМЕНА.

Ахъ! Финетта, для чего ты спрашиваешь? будто печаль моя тебѣ не извѣстна. Ты и теперь о ней слышала. Развѣ это не печально, что меня съ Валеромъ разлучить тщатся.

ФИНЕТТА.

Такъ ты ево и впрямъ очень любишь?

ИНФИМЕНА.

Когда ты отъ меня слыхала, чтобъ я говорила то, а думала другое?

ФИНЕТТА.

Таковъ ли-то онъ къ тебѣ, какова ты къ нему?

ИНФИМЕНА.

Я о любви ево къ себѣ довольно увѣрена, и онъ меня столько жъ любитъ, сколько я ево люблю. Вить я ево не теперь ужъ знаю.

ФИНЕТТА.

Можетъ быть что онъ тебя любитъ, а можетъ быть и не любитъ. Въ любови ложь съ истинною распознать трудно. Мнѣ многіе говорятъ, что меня любятъ; да я никому не вѣрю, а ежели бы я всѣмъ тѣмъ вѣрила, которые мнѣ привѣтствы дѣлаютъ, и о любви своей увѣряютъ, изрядное бъ я себѣ имя нажила.

ИНФИМЕНА.

Мой Валеръ не таковъ какъ твои любовники. Едакія лести свойственны подлымъ людямъ, а не благороднымъ.

ФИНЕТТА.

Мнѣ и все ето что я сказала, кромѣ Арликина, говорятъ благородные.

ИНФИМЕНА.

Нѣтъ: Валеръ меня вправду любитъ.

ФИНЕТТА.

Да и тѣ и кажутъ и сказываютъ мнѣ тоже.

ИНФИ-

ИНФИМЕНА.

Тѣ для тово то кажутъ и сказываютъ, чтобъ отъ тебя получить то чево они желаютъ, а послѣ отстать.

ФИНЕТТА.

Кто и у Валера твоево былъ въ сердцѣ?

ИНФИМЕНА.

Онъ меня вправду любитъ.

ФИНЕТТА.

Тебя и Дюлижъ и Хабзей вправдужъ любятъ, столькожъ и то на правду походитъ.

ИНФИМЕНА.

Да я ихъ не люблю.

ФИНЕТТА.

Однако они тебя любятъ. За ето они еще и больше любви достойны, нежели Валеръ: тотъ тебя любитъ, что ты и сама ево любишь; а тѣ, хотя и ты ихъ не любишь, любятъ тебя.

ИНФИМЕНА.

Ты шутишь Финетта, а у меня не шутка на умѣ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢЖЪ и ГИДИМА.

ГИДИМА *[не видя дочери и Финетты]*

Бездѣльникъ! Скаредъ! Собираешь на меня судъ! Я ужъ баба не молодая, а онъ меня едакъ оглашаетъ! Будто ето и великая диковинка, что я ево поучила! да будто ему ето и не въ привычку. Ето ему отъ меня подчиванье не рѣдко бываетъ: ему не оплеуха-то дорога, да то дорого, что я дочь свою за Хабзея не отдаю.

ИНФИМЕНА.

Матушка, что ето здѣлалось?

ГИДИМА *[не видя ихъ]*

Заѣлъ мою молодость, да едакое мнѣ отъ нево воздаяніе!

ИНФИМЕНА.

Что сударыня за судъ собирается? И что вамъ за безчестье здѣлалось?

ГИДИМА.

Я тебя и не видала. — а все ето мнѣ за тебя.

ИНФИМЕНА *[Финеттѣ.]*

Что такое здѣлалось?

ФИ-

ФИНЕТТА.

Я тебѣ послѣ раскажу.

ГИДИМА.

Да я разведусь съ нимъ, и коли онъ за Дюлижа дочери не выдастъ; такъ я разведшись съ нимъ сама за нево выйду.

ФИНЕТТА *[поклонившись Инфименѣ.]* Поздравляю васъ съ вотчимомъ.

ИНФИМЕНА.

Какъ вамъ машушка ето говорить хочется?

ГИДИМА.

Подитка ты прочь, мнѣ теперь до самой себя, подитка. Потужишь ты о Дюлижѣшо, да не во время.

ИНФИМЕНА.

Я не знаю что мнѣ о васъ думать.

ГИДИМА.

Будто я съ нимъ и не уживусь. Куплю ему тростъ еще долѣе етой которую онъ носитъ, а машонка на волосы ему у меня есть.

ИНФИМЕНА.

Машушка, что вы ето говорите за рѣчи?

ГИ-

ГИДИМА.

Ты думаешь что я и впрямѢ старуха, какѢ я приберусь, такѢ я не дурняе тебя буду.

ФИНЕТТА.

Вы сударыня и теперь не дурняе ее, а что лицо ваше морщинѢ полно, ето красотѣ вашей не помѣха: то яблоко лутче которое не много перезрѣетѢ, нежели то которое не доспѣетѢ: она еще не вошла и вѢ лѣта, а вы вѢ лутчей порѣ.

ГИДИМА.

Да есть у меня соболья шапка; такѢ я изѢ нее здѣлаю ему муфту.

ФИНЕТТА.

И ето одно прельститѢ ево.

ГИДИМА.

Да еще и по Французски выучусь.

ФИНЕТТА.

БезѢ ешова не льзя, когда вы за нимѢ будете.

ГИДИМА.

И танцоватъ научусь. Чево для любви не можно здѣлать! НѣтѢ, сожитель мой, не думай ты, что я холопка твоя, я тебя не

не боюсь. Великая тебѣ обида, что я тебя ударила! Дураковъ бьютъ еще и не едакъ. Полно съ тобою жить. Доставать другова мужа. О любезной мой Дюлижъ! Подитка Инфимена убери меня такъ какъ ты убираешся, а ты Финетта держи зеркало передо мною.

ИНФИМЕНА.

Что вы ето матушка вздумали?

ГИДИМА.

Пойдемъ же, пойдемъ.

ФИНЕТТА.

Пойдемъ. Вить не впрямъ она убираться станетъ: довольно что и поговоритъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ХАБЗЕЙ *[одинъ]*

Арликинъ! Арликинъ! Онъ ето и позабылъ, что севодни полное будетъ собраніе! Арликинъ! Арликинъ!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ХАБЗЕЙ и АРЛИКИНЪ.

ХАБЗЕЙ.

Что тебя здѣсь нѣтъ? Развѣ ты позабылъ, что мы тебя при судѣ здѣлали вахмистромъ. Я тебѣ у господъ присудствующихъ ето выходилъ, благодаренъ ли ты мнѣ?

АРЛИКИНЪ.

Арликинъ, Арликинъ. — Я думалъ что у насъ пожаръ здѣлался, что ты едакъ раскричался, ажно все вздоръ. У насъ въ домѣ никогда канцелярїи не бывало: къ безпокойству нашему Бармасъ съ тобою спознался.

ХАБЗЕЙ.

Встрѣть господъ судей, они скоро быть изволятъ.

АРЛИКИНЪ.

Ежели они ничево намъ съ собою не принесутъ, такъ прикажешь ли ихъ впустить; а я слыхалъ, что приказной порядокъ въ приказы бездежно впускать запрещаетъ.

ХАБЗЕЙ.

Хотя што и подлинно такъ дѣлается, только ещо будутъ судьи, а не челобитчики. Впускай безденежно. — Идутъ, идутъ.

[Арликинъ бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу, а послѣ передъ ними]

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТѢЖЪ, ДОДОНЪ *[въ очкахъ и въ превеликомъ ларикѣ]* и ФИНИСТЪ.

ХАБЗЕЙ.

Я при судѣ буду протоколистомъ. Слышишь ли Арликинъ? — Подай господамъ судьямъ стулья, а я ето запишу въ протоколъ.

[Покамѣстъ Арликинъ стулья вноситъ; Хабзей говоритъ:]

Высокородные и высокопочтенные господа, не благоволите ли, чтобъ по недоросля

Бармаса и по жонку Гидиму послать сыскную, чтобъ они къ суду явилися?

ДОДОНЪ.

Вахмистръ, объяви чтобъ истецъ и отвѣтчица явились къ суду, и скажи что комиссія о пощочинѣ уже собралась.

[Арликинъ отходитъ]

ХАБЗЕЙ *[кланяясь обручку]*

Милостивые государи, меня господинъ Бармасъ привлекаетъ во свидѣтельство, а я самъ имѣюся при ономъ дѣлѣ; такъ не будетъ ли ето правамъ противно?

ДОДОНЪ.

Какъ вы господинъ Финиспѣ думаете, а мнѣ кажется, что ево отъ дѣла отрѣшить не надлежитъ.

ФИНИСТЪ.

Мнѣ бы казалося, что ему при дѣлѣ быть не надлежало. Да полно ежели мы ево отрѣшимъ; такъ намъ онова дѣла вершить будетъ не льзя.

ДОДОНЪ.

А для чевожъ бы не льзя.

ФИНИСТЪ.

Я не знаю сильны ли вы въ дѣлахъ прика-

казныхъ, а я все служилъ въ солдатствѣ, и въ приказъ посажонъ недавно; такъ я въ дѣлахъ то не очень еще силенъ, развѣ вы въ нихъ знающи.

ДОДОНЪ.

Я вѣкъ свой изжилъ въ приказахъ; только безъ едакова человѣка, каковъ нашъ протоколистъ, и я ничево не здѣлаю; ето не судейская должность, чтобъ знать права. Наше дѣло оговаривать и вершить дѣла: знать права, то дѣло секретарское, а господинъ Хабзей у насъ и протоколистъ и въ приписью подьячей, которой тужъ должность правитъ что и секретарь.

ФИНИСТЪ.

Такъ я подаю мнѣніе, чтобъ господина Хабзея ни отъ дѣла, ни отъ свидѣтельства не отрѣшать.

ДОДОНЪ.

Я въ етомъ съ вами согласенъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢЖЪ, БАРМАСЪ, ГИДИМА и АРЛИКИНЪ.

ГИДИМА.

Что? Вы меня судишь хотите? Знаетель вы то, что я дама новомодная и гражданскому суду не подсудна?

АРЛИКИНЪ.

Такъ мы ее военнымъ судомъ судить станемъ.

ГИДИМА.

А кабы ты молчалъ, ты знаешь что я госпожа твоя.

АРЛИКИНЪ.

То въ старину было, а нынѣче я вахмистръ.

ДОДОНЪ.

Помолчи госпожа моя: здѣсь тебѣ теперь подлежитъ быть чинной. Теперь здѣсь засѣданіе.

ГИДИМА.

Посмотрю я какъ вы меня обвините!

ДОДОНЪ.

О чемъ ты Бармасъ бьешь челомъ?

БАРМАСЪ.

Что жена моя дала мнѣ оплеуху.

фи-

ФИНИСТЪ.

Подлинно ли такъ?

БАРМАСЪ.

Такъ какъ умеретъ мнѣ, говорю я передъ вашимъ милосердіемъ самую истинную правду, что подлинно она мнѣ дала пощочину.

ДОДОНЪ.

Какъ же ты такое говоришь разнорѣчіе? Прежде сказалъ ты, что жена твоя дала тебѣ оплеуху, а теперь ты говоришь, что она дала тебѣ пощочину?

ХАБЗЕЙ.

Въ етомъ ваше высокопревосходительство разнствія не имѣется; понеже оплеуха и пощочина, такъ какъ помѣстье и вотчины, за едино пріемлются.

ДОДОНЪ.

Полно такъ ли?

ХАБЗЕЙ.

Самую истинную и неложную доношу вашему высокоутробію правду.

ФИНИСТЪ.

То-то братецъ, чтобъ намъ не остаться. А я приказнова порядка не знаю, ето ваше дѣло.

ДОДОНЪ [*Гидимѣ.*]

Подлинно ли то такъ?

ГИДИМА.

Вы и впрямѣ меня допрашиваете?

ФИНИСТЪ.

Изволь отвѣчать, а постороннява здѣсь не говорятъ.

ГИДИМА.

Что онъ вретъ? Коли я ево била?

БАРМАСЪ.

Я на господина Протоколиста ссылаюсь.

ХАБЗЕЙ.

Было такъ высокопочтенные господа.

ГИДИМА.

Какъ было такъ? Да тебя тутъ и близко въ то время не было.

ФИНИСТЪ.

Слышишь ли, Протоколистъ. Она показываетъ что ево ударила.

ГИДИМА.

Коли я ето сказывала? А хотя бы и впрямѣ такъ было. Что жъ? била, такъ била.

БА

БАРМАСЪ.

Такъ меня ударила, что я насилу на ногахъ устоялъ, и теперь еще щека горитъ. Милостивые судьи, прошу управы.

ДОДОНЪ.

Извольте выступить; объ етомъ будетъ разсужденіе.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢЖЪ КРОМѢ БАРМАСА и ГИДИМЫ.

ДОДОНЪ.

Господинъ Финистъ, господинъ съ приписью подъячей, господинъ вахмистръ, извольте подавать голоса, какой ей за ето штрафъ здѣлать должно.

ФИНИСТЪ.

Съ нижнихъ голосовъ дѣла оговариваютъ. Господинъ вахмистръ.

АРЛИКИНЪ.

Я себя ниже подьячева не почитаю.

ХАБЗЕЙ.

Тебя было въ совѣтъ и принимать не надлежало. Вонъ при всемъ томъ какое мнѣ

отъ нево благодареніе! Я же ево вахмистромъ здѣлалъ, онъ же на меня и подъимается!

ДОДОНЪ.

Не изволь спорить господинъ вахмистръ. Изволь голосъ подавать.

АРЛИКИНЪ.

Что бы я прежде ево говорить сталъ!

ХАБЗЕЙ.

Чтобъ я уступилъ ему старшинство!

АРЛИКИНЪ.

Вахмистръ не малъ человѣкъ въ полку.

ХАБЗЕЙ.

Протоколистъ въ приказѣ еще больше.

АРЛИКИНЪ.

У вахмистра и капралы въ командѣ.

ХАБЗЕЙ.

А за Протоколистомъ-то иногда и Полковники безъ шапокъ ходятъ.

ФИНИСТЪ.

Послушай господинъ Протоколистъ: я самъ былъ военной человѣкъ; такъ ты етимъ не чванься, что васъ такъ почитаютъ, и что дѣлаетъ жалость, о томъ ты съ смѣхомъ не говори, а ето, чтобъ Полковникъ безъ шапки ходилъ за подьячимъ, очень жалко.

ДОДОНЪ.

А ты господинъ вахмистръ приказныхъ служителей не презирай. Вашей братьи и изъ рекрутовъ много набрать можно, а въ подьячіе надобны люди грамотные.

ФИНИСТЪ.

Никакъ ты ошалѣлъ, что ты за подьячихъ-то такъ горячо вступаешься. Ето ужъ и мнѣ досадно; я ихъ не люблю; только за ними и дѣла, что всѣхъ обираютъ кругомъ.

ДОДОНЪ.

А за тобой только и дѣла, что ты врешь.

ФИНИСТЪ *[встаетъ.]*

Какъ? я вру?

ДОДОНЪ *[встаетъ.]*

Да такъ таки.

ФИНИСТЪ *[трелля Додона ло плечу.]*

Другъ мой, я и безъ очковъ подалѣ тебя вижу.

ДОДОНЪ.

Протоколистъ, запиши ето въ протоколъ. Ты знаешь, что здѣсь коммиссія, и выбранъ ты не на смѣхъ.

ХАБЗЕЙ *[хочетъ записывать на колѣнѣ, и какъ наклонился, Арликинъ ево ударилъ.]*

АРЛИКИНЪ.

И ето запиши.

ХАБЗЕЙ *[Арликину.]*

Хотя я и не прямой подьячій, однако когда по общему согласію въ такое званіе я уже опредѣленъ, также хотя здѣсь и не прямая канцелярія, однако когда по общемужъ положено согласію; такъ ты другъ мой въ етомъ будешь отвѣчать: вить и третейной-то судъ судъ же.

ДОДОНЪ *[Финисту.]*

Надобно ево арестовать.

ФИНИСТЪ *[Додону.]*

Ты у меня скоряе арестованъ будешь.

ДОДОНЪ.

Я?

ФИНИСТЪ.

Да, ты.

ДОДОНЪ.

Посмотрѣлъ бы етова.

ФИ-

ФИНИСТЪ.

Вахмистръ сдерни съ нево шпагу, скуй сво.

АРЛИКИНЪ *[хочетъ съ нево снять шпагу, а онъ противится и вырвавшись бѣжитъ, а Финистъ и Арликинъ за нимъ, а Хабзей бѣжитъ въ другую сторону; Додонъ и Финистъ ушли, а Арликинъ гоня Додона, сорвалъ большой ево съ нево парикъ и надѣлъ на себя]*

ЯВЛЕНІЕ 6.

АРЛИКИНЪ *[одинъ]*

Вотъ и я судья теперь: а что я дѣла не знаю, сто судейству моему не остановка; есть судьи, которые еще и меня меньше знаютъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 7.

АРЛИКИНЪ, ДЮЛИЖЪ и КРИТИЦІОНДІУСЪ.

[Дюлижъ и Критиціондіусъ, съ розныхъ вшедъ сторонъ, Арликина не узнаютъ. Дюлижъ вынимаетъ стекло и смотритъ на нево, а Критиціондіусъ смотритъ въ долгую зрительную трубку. Арликинъ смотритъ на нихъ въ кулаки, то на тово, то на другова кулаки леремѣняя; и между тѣмъ говоритъ]

АРЛИКИНЪ.

Что я имъ такъ чуденъ кажусь, будто они большихъ париковъ не видали. Для чево я маленькому ево кошельку не удивляюсь: развѣ то что глупо, однимъ пешиметрамъ носить позволено?

ДЮЛИЖЪ.

А! а! Арликинъ.

АРЛИКИНЪ.

Что я тебѣ такъ страненъ показался?

ДЮ-

ДЮЛИЖЪ.

Что ето за пречудной парикъ на тебѣ?

АРЛИКИНЪ.

А на тебѣ и все чудно, да я тебя не спрашиваю.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[Арликину.]*

Пожалуй другъ мой, дай мнѣ етова парика дни на три, ето вещь диковинная, я ему здѣлаю описанїе; я до всѣхъ курїозныхъ вещей охотникъ.

АРЛИКИНЪ.

Здѣлай же и о простѣ да о кошелькѣ ево описанїе, и ето вить курїозныя жъ вещи.

ДЮЛИЖЪ.

Плюнь на нево господинъ Критицїондїусъ. Да не упускай времени, подитка, да дѣлай то, что мы положили: уговаривай ее, чтобъ она сжалилась и мучить меня перестала. Ты знаешь какъ я ее люблю, а я на одну силлабу краснорѣчїя твоего больше полагаюсь, нежели на все мое любовное искуство. Поди другъ мой, и сколько можешь критикуй Валеровы поступки. А я похожу по саду. Печальному человѣку уединенїе потребно.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 8.

КРИТИЦІОНДІУСЪ и АРЛИКИНЪ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[особливо]*

У меня, господинѣ Дюлижѣ, у самово зубы голодни. Я радѣ, что ты меня ввелѣ.

АРЛИКИНЪ.

Мнѣ Финетта, ета дѣвушка, которую ты давиче цаловалѣ, сказывала какѣ ты учонѣ; однако передѣ Инфименою, хотя все то прочти, что ты вѣ жизнь свою ни намаралѣ; Валера у нее не выбьешь изѣ головы.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Ежели бы ты почиталѣ Демосфена да Цицерона; такѣ бы ты иное заговорилѣ. Да знаетѣ ли госпожа Инфимена хоть не множко по Гречески?

АРЛИКИНЪ.

На что ето тебѣ?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Ежели знаетѣ; такѣ я по Гречески сѣ нею говорить стану.

АРЛИКИНЪ.

Коли она Дюлижа ни на Русскомѣ, ни

на

на Французскомъ языкѣ не любитъ; такъ тожъ бы было и на Греческомъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТѢЖЪ и БАРМАСЪ.

БАРМАСЪ.

Ахъ! разорился. — Совсемъ разорился. — У меня столько и имѣнія не будетъ, чтобъ все то заплатить, что мнѣ по етому дѣлу платить пришло. — Теперь я совсемъ пропалъ.

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢЖЪ и ГИДИМА.

ГИДИМА.

Лутчеб я по поцочинной Коммисіи обвинена была, нежели любезной мой муженекъ намъ по мiру ходить. Пришло съ голоду умереть. Пришло утопиться. Пойдемъ мое сокровище, пойдемъ бросимся въ воду. А тебѣ Инфимена вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть пришло. Не видать тебѣ мужа, какъ ушей своихъ.

КРИ-

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Философїя человѣка быть добродѣтельнымъ заставляетъ. Я злополучїе съ госпожею Инфименою раздѣлю, и ежели вы хотите, такъ я ее возьму безъ приданова.

БАРМАСЪ.

Да обяжешся ли ты и насъ прокормить?

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Прокормить васъ можно; да вздорную тещу у себя имѣть въ домѣ Философу безпокойно: развѣ не поучить ли ее нравоученїю.

ГИДИМА.

Всему чему ни прикажешь готова я учиться, все лутче нежели въ воду броситься.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

И тестя содержать и тещу: ето стоитъ великихъ денегъ, да и великова труда; и для одной жены много будетъ писать, а то еще и тестю и тещѣ, какъ жить и весть себя пищи правила и наставленїи, а яжъ коротко написать ничево не умѣю. Мнѣ коли писать, такъ ужъ писать.

ГИ-

ГИДИМА.

Такъ содержи хотя одну меня, а онъ пусть, какъ мы положили, бросится въ воду.

БАРМАСЪ.

Ахъ! Гидима, да я не умѣю плавать.

ГИДИМА.

На что тому плавать умѣть, кто хочетъ топиться.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Такъ я выйду, да хотя маленькое невѣстѣ своей сочиню поздравленіе.

ГИДИМА.

Только чуръ меня кормить.

БАРМАСЪ.

И меня господинъ Философъ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ.

Пожалуйте теперь мысли моей не перерывайте, вить и вамъ ето не къ чести, ежели стихи-то мои слабы будутъ.

ЯВЛЕНІЕ 11.

ТѢЖЪ кромѣ КРИТИЦІОНДІУСА.

АРЛИКИНЪ, *[особливо]*

Какъ я судьею сталъ; такъ дѣла инако пошли.

ГИДИМА.

Ну естьлибъ не попался едакой доброй намъ человѣкъ; чтобы стали въ едакомъ зломъ дѣлать состоянїи?

БАРМАСЪ.

Конечно бы бросаться въ воду.

ГИДИМА.

Да ты и теперь еще отъ тово не освобожденъ.

БАРМАСЪ.

Я хоть въ слуги къ нему пойду.

ГИДИМА.

Едакую онъ говоритъ подлость! трусъ; и утонуть боится!

ЯВЛЕНІЕ 12.

ТѢЖЪ, ВАЛЕРЪ, ИНФИМЕНА, и ФИНЕТТА.

ИНФИМЕНА.

Не печалытесь батюшка что вы обвинены; крѣпость, по которой мы всево своево должны лишишься имѣнїя, въ рукахъ у Валера. Онъ меня любитъ, и ежели я буду за нимъ, такъ у васъ ничево не пропало.

ВА-

ВАЛЕРЪ.

Я чаю, что вы въ томъ, чтобъ дочь ваша за меня вышла, воспрещать ей не станете, и ежели я такъ щастливъ буду, что удостоюсь быть вашимъ зятемъ, такъ все ваше имѣніе останется при васъ.

ГИДИМА.

Мы тобою довольны. Помиримся дорогой мой муженекъ на радости.

БАРМАСЪ.

Только чуръ больше по щекамъ меня не бить.

ГИДИМА.

И безъ щокъ по чему ударить мѣста много.

БАРМАСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, чуръ не драться.

ВАЛЕРЪ *[Инфименѣ]*

А дядя мой, когда увидитъ тебя дарагая Инфимена, выборъ мой не опорочитъ, и узнавъ что я передъ нимъ не безъ причины ослушенъ былъ, за ето что я безъ ево зговорилъ воли, сердиться на меня не станетъ.

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢЖЪ и ХАБЗЕЙ.

ХАБЗЕЙ.

И выписка здѣлана не такъ, и справокъ никуда не было послано, станемъ ваше высокородіе на неправое рѣшеніе бить-челомъ. Едакія судьи!

АРЛИКИНЪ.

Пожалуй потише. А мы ето дѣло вершили правильно, доволенъ и истецъ и ответчикъ. *[бросивъ съ себя ларикъ]* Полно быть судьею, что намъ надобно то уже здѣлано, а что надобно другимъ, до того что намъ нужды, на весь свѣтъ работать трудно.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЪ, ДЮЛИЖЪ и КРИТИЦІОНДІУСЪ.

[Входятъ съ розныхъ сторонъ. Дюлижъ съ розовымъ цвѣткомъ во зубахъ, а Критиціондіусъ съ виршами въ рукахъ.]

ДЮЛИЖЪ *[Инфименѣ, показывая цвѣтокъ.]*

Ходя по саду, я портретъ вашъ нашолъ.

АРЛИ-

АРЛИКИНЪ.

А здѣсь нашли подлинникъ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[читаетъ]*

Богиня красоты драгая Инфимена,
Великая въ умѣ моемъ теперь времѣна,
Я радъ что ты отцомъ невѣстой наречена;
А я въ веселіи стихи тебѣ являю,
И съ женихомъ тебя богиня поздравляю.

ДЮЛИЖЪ *[Критиціондіусу]*

Благодарствую, благодарствую, вижу что ты жизнь мнѣ далъ.

АРЛИКИНЪ.

Господинъ Валеръ еще и зговорить не успѣлъ, а у нево ужъ и поздравленіе готово.

ГИДИМА.

Нѣтъ, господинъ Дюлижъ и ты господинъ Критиціондіусъ, мы ее уже помолвили. Вотъ ее женихъ.

КРИТИЦІОНДІУСЪ *[Валеру.]*

Такъ я стихи тѣ для тебя дѣлалъ?

ХАБЗЕЙ *[Валеру.]*

Я я за дѣломъ то ихъ для тебяжъ ходилъ?

ДЮЛИЖЪ *[съ сухою усмѣшкою Валеру.]*

Куда какъ ты хорошо убранъ!

ВАЛЕРЪ *[Дюлижу.]*

Убирайся ты какъ хочешь, а я твоимъ нарядамъ не завидую.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ЛИХОИМЕЦЪ

КОМЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Дѣйствующія лица.

КАЩЕЙ, лихоимецъ.

ИСАБЕЛЛА, ево племянница.

ДОРАНТЪ, ея любовникъ.

ЛЕАНДРЪ, другъ ево.

КЛАРА, служанка Исабеллина.

ПАСКВИНЪ, слуга Дорантовъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ Кащеевомъ домѣ.

ЛИХОИМЕЦЪ

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ 1.

ДОРАНТЪ и ПАСКВИНЪ.

ДОРАНТЪ.

Ни ково нѣтъ, и спросить не у ково дома ли онъ, или нѣтъ. Что етова скучняе! шатайся у презрѣнной твари въ передней: а я и у большихъ бояръ шататься по переднимъ комнатамъ не привыкъ. Иныя шаскаяся по прихожимъ большихъ господъ, и што уже ставятъ себѣ честію, что они вхожи къ нимъ. И лутче мнѣ быти въ закушѣ господиномъ, нежели въ королевскомъ домѣ истопникомъ.

ПАСКВИНЪ.

СЪ едакимъ обычьемъ не много доброва наживешь на свѣтѣ.

ДОРАНТЪ.

Не всѣ вельможи раболѣпства требуютъ: а къ нашему въ Россіи щастію, ето примѣчено, что самыя доступныя люди, исключая малое число, были не горды: а гордились и гордятся только тѣ, которыя думаютъ о себѣ, что они доступны, или паче показываютъ то: а въ прямомъ дѣлѣ они сами передъ другими какъ простолюдины ползаютъ. Постучимся: нѣтъ ли тамъ ково.

ПАСКВИНЪ.

Не дѣлай етова: не попадися въ бѣду.

ДОРАНТЪ.

Въ какую бѣду?

ПАСКВИНЪ.

Кащей подумаетъ то, что мы пришли къ нему красть, и запишетъ явочное челобитье.

ДОРАНТЪ.

Ето правда, хотя онъ и безграмотенъ.

ПАСКВИНЪ.

То то ябеднику и нарядъ.

ДОРАНТЪ.

Правду ты сказалъ. Въ другихъ мѣстахъ ябедники и стихотворцы всѣхъ протчихъ людей грамотняе, а у насъ они по большой части и аза не знаютъ: и ежели число ябедниковъ и стихотворцовъ не уменшится, такъ я думаю, что всѣ наши манифактуры въ бумажныя преобратятся. О ежели бы кто объ етомъ предложилъ! вить ето не бездѣлица и кромѣ излишняго употребленія бумаги, что ябедники людей разоряютъ, а худыя стихотворцы языкъ нашъ портятъ.

ПАСКВИНЪ.

Однако видно, что намъ здѣсь ночевать. Мнѣ право прискучилося уже Кащея такъ долго дожидаться: а прохаживаться здѣсь тѣсно.

ДОРАНТЪ.

Поди же да проходися по улицѣ, и отнеси отъ меня письмецо.

ПАСКВИНЪ.

Къ кому?

ДОРАНТЪ.

Я самъ етова не знаю.

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

Изрядное посольство! поди: Богъ знаетъ куда! отнеси: Богъ знаетъ кому!

ДОРАНТЪ.

Послушай: раза три видѣлъ я въ маскарадѣ дѣвицу, а кто она и какъ ее зовутъ, етова я не допытался; она мнѣ сказать о себѣ не хотѣла: сказала только, что у нея есть дядя правнучетной, которой ей по сиротству и по нещастію вмѣсто отца, и что она въ маскарады тайно, и то на самое краткое время отлучается; по тому что онъ ее въ дѣвкахъ засадить хочетъ, и опасается, что бы кто не полюбилъ ее и не сталъ на ней свататься, и что ради того онъ ей не только въ маскарады ѣздить не дозволяетъ, да и къ окошку подходить запрещаетъ: а ето она объявила мнѣ бывъ уже въ послѣдній разъ въ маскарадѣ, и объявила мнѣ, видя мое къ себѣ почтеніе и прилѣпленіе во всѣ мои съ нею свиданія: и по открытіи взаимнаго влюбленія, которое такъ просто и естественно было, что она о моей истинной склонности не усумнѣлася, сказала мнѣ, что она мнѣ хотя и вѣритъ, но

но будучи зависаема отъ дяди, къ вѣчному союзу со мною согласиться не можетъ, а ко временному ни когда не склонится, свою честь и самой жизни предпочитая, и не объявивъ мнѣ своево имени, сказала только, что живетъ она въ етой улицѣ, и что около сево времени будетъ въ окошко смотрѣть, по чему мнѣ узнати, гдѣ она живетъ и кто ея дядя: а узнавъ то, чтобъ я искалъ случая войти въ ево домъ и свататься. А кто я, ето она знаетъ; такъ ты пойди и отнеси къ ней отъ меня ето письмецо, чтобы етова часа не пропустить; а мнѣ видно что здѣсь замѣшкаться, что я предвидѣлъ; и ради того-то и ето письмецо заготовилъ.

ПАСКВИНЪ.

Улица ета долга, и дѣвушекъ въ ней много: да и не узнаешь издалека, кто дѣвка, кто баба.

ДОРАНТЪ.

Что тебѣ до тово, баба она или дѣвка; отдай прекраснѣйшей, которую ты въ окошкѣ увидишь.

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

Намнясь читалъ я исторію, что нѣкогда было кому то дано яблоко съ надписью, чтобы онъ ево вручилъ прекраснѣйшей, и что предстали предъ нево три богини на судъ, которую онъ предпочтетъ, и что онъ предпочелъ ту, которая ему за то помогла украсть прекрасную отъ мужа жену, за которое ево предпочтеніе другія двѣ богини такъ осердилися, что городъ отца ево безъ остатка сожгли; такъ боюся, чтобъ другія на етой улицѣ живущія женщины не сожгли той улицы, гдѣ мы жительство имѣемъ, а меня бы какъ виновника тово пожара не взяли въ полицію.

ДОРАНТЪ.

Конечно не ошибешся. Пріятнѣйшія глаза, узенькія брови, продолговатой носъ, какъ ангелъ . . .

ПАСКВИНЪ.

Читалъ я пришчу, какъ нѣкогда по страстному описанію соколъ ошибся. А соколъ между птицъ гораздо знатняе, нежели Пасквинъ между людей; такъ мнѣ ошибиться еще легче; развѣ ты не знаешь тово, что

чѣмъ

чѣмъ которая тварь знатняе, тѣмъ она и почтенняе, а слѣдовательно и умняе; вить не знатность отъ ума, да умъ отъ знатности зависаетъ, и что не умъ человѣка украшаетъ, да чинъ; не умамъ люди кланяются: кланяются чинамъ. А притчу объ ошибкѣ сокола я знаю наизустъ, вотъ она:

Когда то соколу сова другиней стала,
И съ нимъ какъ равная по воздуху летала,
И говоритъ ему: я дѣтокъ воспитала;
Такъ ты любезный кумъ не трогай ихъ,
И береги еще и отъ другихъ,
Храни ихъ, хоть они со мною, хоть заочно;
Я ихъ тебѣ
Вручаю какъ себѣ,
И опишу ихъ точно:
И стала красоты ихъ класти на вѣски,
Съ примѣсомъ лудъ ляти престрастныя любови:
Умильныя глаза, орлиныя носки,
Сокольи брови:
Какъ ангели они!
Пожалуй ихъ храни;
А я тебѣ кума и нынѣ и на предки.
На завтрѣ видитъ ихъ соколъ; сидятъ совята;
Сказалъ: не кумушки моей сидятъ рабята;

Тѣ будто ангели, а ето чертенята;
Конечно ето дѣтки
Какой ея сосѣдки,
И здѣлалъ изъ цыплятъ онъ ужинъ безъ насѣдки.

Соколъ ошибся да ужинъ себѣ етою получилъ ошибкою: а я опасаюся, чтобы за ошибку кто изъ меня не здѣлалъ себѣ ужина; и когда мнѣ и руки и ноги переломаютъ, такъ мнѣ въ чужемъ пиру похмелье будетъ; тебѣ готовятся поцѣлуи, а мнѣ можетъ быть готовится дубина.

ДОРАНТЪ.

Когда ты въ окошкѣ увидишь красавицу, такъ ты въ слухъ мимоходящимъ о мнѣ спроси: не знаетъ ли кто такова то человѣка: и ежели она въ окошко смотритъ, такъ она конечно тебѣ объявится, что то она; а чтобъ тебѣ и тогда не ошибиться, такъ ты мало по малу доведи до того, что ты къ ней письмо отъ меня имѣешь. Можно узнать по обстоятельству рѣчей, да другая же не къ ней назначеннова письма и не приметъ.

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

Какая причина тебѣ писать; вить ты ее видѣлъ; такъ ты то о чемъ пишешь и переговорить могъ?

ДОРАНТЪ.

Она какъ молнія сверкала во глазахъ моихъ съ такой же красотою и съ такой же и скоростію, опасаяся кѣмъ нибудь быши примѣчена, что она въ маскарадѣ.

ПАСКВИНЪ.

Отдавать ли ето письмо кромѣ ее кому, ежели она для приняттія каково вышлешъ?

ДОРАНТЪ.

Ежели она прикажетъ тебѣ, чтобы ты отдалъ; такъ отдай.

ПАСКВИНЪ.

Какъ же ты мнѣ, къ кому ни пошлешь, черезъ людей ихъ говорить не приказываешь: я де къ господамъ, а не ко слугамъ ихъ моихъ слугъ посылаю.

ДОРАНТЪ.

Здѣсь другое обстоятельство.

ПАСКВИНЪ.

Да не написалъ ли ты чево такова, что ей можетъ колкимъ показаться?

ДОРАНТЪ.

Я ево еще не защипнулъ; такъ тебѣ прочту. *[Вынимаетъ лисьмо и читаетъ]* Не имѣя времени вамъ изъясниться въ маскарадѣ, изъясняюся сими строками: я васъ люблю паче жизни моей: зная то отъ васъ самихъ, что и я вамъ не противенъ, и что вы хотите выйти за меня, прошу васъ, дайте наставленїе какъ ето дѣло начать, и могу ли я гдѣ нибудь о томъ съ вами переговорить: а вѣчно меня заразивъ постарайтеся и вѣчною быть моею любовницею. *[Складываетъ лисьмецо: а между тѣмъ дѣвушка дома того выходитъ; такъ онъ сложенное лисьмецо кладетъ себѣ въ карманъ.]*

ЯВЛЕНІЕ 2.

ДОРАНТЪ, ПАСКВИНЪ и КЛАРА.

КЛАРА.

Господинъ Кащей приказалъ вамъ сказати, что онъ скоро васъ до себя допуститъ.

ДОРАНТЪ.

Я уже и такъ давно здѣсь дожидаюся.

КЛА-

КЛАРА.

Мы ето всѣ видѣли какъ вы пришли; однако онъ имѣетъ нужду крайнюю и перебираетъ чотки. Ужъ онъ нѣсколько разъ ихъ перебралъ, и не много добирать осталося.

ДОРАНТЪ.

Уже по полудни пятой часъ; такъ кажется теперь не молитвы время.

КЛАРА.

Мы по чоткамъ не молимся, да деньги считаемъ, въ которыхъ молишвахъ и ваше имя у нево не рѣдко поминается.

ДОРАНТЪ.

О ежели бы, какъ можно скоряе былъ я изъ ево молитвенника исключенъ: и что бы во здѣшнемъ домѣ вѣчно мое не поминалося имя!

КЛАРА.

Не всѣ наши желанїя къ лутчему клоняшся; не желайте етова, что бы ваше имя въ нашемъ не поминалося домѣ.

ДОРАНТЪ.

Конечно, дѣвушка, етова я желаю.

КЛАРА.

А я желаю, чтобы ето ваше желанїе не исполнилось.

ДОРАНТЪ.

Изрядное желанїе! съ такими людьми, каковъ твой господинъ, худое знакомство.

КЛАРА.

Да вить онъ въ етомъ домѣ не одинъ живешъ.

ПАСКВИНЪ *[особливо.]*

Конечно она въ нево влюбилася! *[Шепчетъ Доранту ло томъ то же въ ухо, а онъ вынявъ платокъ, выдернулъ то сложенное листмецо съ платкомъ и уронилъ. А Клара подняла.]* *Слышавъ голосъ:* Пожалуй ко мнѣ.

[Дорантъ входитъ.]

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПАСКВИНЪ и КЛАРА.

ПАСКВИНЪ.

Спѣсивъ господинъ вашъ; дожидайся ево въ передней, будто вельможи; а онъ по тому только вельможа, что у нево много денегъ

негѣ и торгуетъ лихоимствомъ, за которое по малой мѣрѣ достоинъ онъ каторги. Нещастлива ты дѣвушка, что едакому служишь господину.

КЛАРА.

Я ево племянницы, а не ево, и служу ей. А ежели бы ево была, такъ бы я давно удавилась. Я думаю, что другова едакова гнуснова человѣка на свѣтѣ нѣтъ; и удивляюся какъ ево по ето время громъ не убьетъ. Я получаю все отъ госпожи своей, а ево люди въ мясоѣдъ питаются протухлою ветчиной, а въ посты толокномъ.

ПАСКВИНЪ.

Ето что за причина, скажи мнѣ дѣвушка, что на вашихъ нѣкоторыхъ людяхъ бѣлые кафтаны съ черными заплатами?

КЛАРА.

Кащей охотникъ до пѣгихъ лошадей; такъ онъ и любимыхъ у себя служителей такъ одѣваетъ.

ПАСКВИНЪ.

Ты въ шутку говоришь, а я не въ шутку спрашиваю.

КЛАРА.

Какая шутка! у нихъ кафтаны изорвалися; такъ на починку бѣлыхъ кафтановъ, сошитыхъ ради того, чтобы ихъ мыть было можно, далъ онъ имъ за неимѣнїемъ бѣлова сукна, старой свой черной камзолъ: а когда они докладывали ему, что черныя заплаты на бѣлыхъ кафтанахъ не красивы, такъ онъ имъ точно такъ отвѣчалъ: когда мои воронопѣгїя лошади въ каретѣ красивы, такъ и воронопѣгїе слуги красивы будутъ: а на пересмѣшниковъ нѣчево смотрѣть: у насъ де и свѣтъ на томъ стоитъ только что другъ друга пересмѣхаютъ.

ПАСКВИНЪ.

Какая чудная у нево карета, и какая скаредная ливрея.

КЛАРА.

Въ етой каретѣ ѣздилъ ево дѣдъ; такъ онъ говоритъ, будто онъ ее держитъ за диковинку: а нынѣ етотъ рыдванъ выкрасилъ ево стряпчїй, дворецкой и камердинеръ своими руками; а по тому что они съ роду ни чево не крашивали, такъ стараяся здѣлать ево зеленымъ, выкрасили ево такою краскою, кото-

которая еще и названія не имѣетъ. А ливрея ета дѣлана еще ко свадьбѣ ево, сорокъ лѣтъ уже тому: а нынѣ выворочена: нынѣ де, говоритъ онъ, такой доброты суконъ не вывозится. И надѣваютъ лакѣи тѣ кафтаны только тогда, когда онъ выѣзжаетъ: а дома ходятъ они въ такомъ платьѣ, какъ бобыли въ деревняхъ, исключая пѣгихъ ево офицїантовъ, которыя красили ево карету.

ПАСКВИНЪ.

Почтенной человѣкъ!

КЛАРА.

А къ друзьямъ своимъ возитъ онъ на именины: зимою мерзлой плативы, рыбы по три: а лѣтомъ даритъ онъ именинниковъ и именинницъ рѣпою, хреномъ и кочнами капусты.

ПАСКВИНЪ.

Какая ето подлость!

КЛАРА.

Онъ себя такъ не называетъ: а говоритъ то, что у нево всѣ лутчія фамилїи въ сундукѣ; по тому что они у нево деньги занимаютъ и подписываютъ на крѣпостяхъ имена свои.

ПАСКВИНЪ.

Вотъ еще какая гордость!

КЛАРА.

Даетъ себѣ титло великороднаго.

ПАСКВИНЪ.

Едакой!

КЛАРА.

Ужь нынѣ по постамъ и мясо зачалъ ѣсть.

ПАСКВИНЪ.

Едакой!

КЛАРА.

Намнясь подарилъ онъ пріятеля не мерзлой уже плашицей; привезъ ему въ карманѣ убишова сырова цыпленка, да и самъ половину убралъ: а ето было въ пятницу.

ПАСКВИНЪ.

Модной человѣкъ!

КЛАРА.

Въ другой домъ привезъ онъ артишокъ, а не хренъ уже, и хотѣлъ такъ же половину подарка убрать: а не ѣвъ никогда артишоковъ чуть было не подавился.

ПАСКВИНЪ.

Туда бы и дорога.

КЛА-

КЛАРА.

Поставилъ у себя передъ дворомъ столбъ: ежели продаетъ когда сѣно, или овесъ, или какіе другіе деревенскіе припасы; такъ прибиваетъ на етомъ столбѣ цыдулки, что то то, или то то продается.

ПАСКВИНЪ.

Конечно быть ему самому у столба, и имѣти на себѣ цыдулку: преступникъ законовъ и лихоимецъ.

КЛАРА.

А когда его товары станутъ торговать; такъ ради тово, чтобы не обманули ево, выходитъ онъ самъ за ворота, и слушаетъ какъ торгуютъ: а сверьхъ того самъ перторговываетъ товары свои, какъ посторонній, чтобы цѣну возвысить.

ПАСКВИНЪ.

Едакая свинья, достойна ли господскова имени!

КЛАРА.

Крестовому изъ деревни своей священнику даетъ онъ за всенощну по три копейки, и подноситъ ему, ежели всенощна съ акафистомъ, еще по чаркѣ водки: а естьли безъ акафиста, такъ тогда и водки нѣтъ. А

молебны заставляетъ онъ такъ пѣти, чтобы многимъ угодникамъ вдругъ, хотябы и Спасу при томъ; и ради того ежегодно торжествуетъ онъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ болѣе всѣхъ праздниковъ: всѣмъ де Святымъ я здѣлаю угожденїе одною свѣчею. Днемъ лампады у него предъ образами не зажигаются: а горятъ они ночью вмѣсто ночниковъ.

ПАСКВИНЪ.

О мерзавецъ! не слыханной мерзавецъ! думаю, что твоей душѣ и во адѣ мѣста не будетъ.

КЛАРА.

Что это я съ тобою такъ заговорилась.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПАСКВИНЪ *[одинъ.]*

Не постижимы судьбы! сверчки и тараканы ни какой пользы естеству не приносятъ; на что они созданы? но то еще не столько удивительно; отъ нихъ только мерзость; черти то, ябедники и лихоимцы на что созданы? А едакова скареднова лихоимца, каковъ Кащей, на свѣтѣ не бывало.

Чуд-

Чудно ето, что о ево лихоимствѣ по сіе время при Дворѣ не знаютъ. Со всѣхъ лупишъ по двенатцати, по пятнатцати процентовъ, и всѣ молчатъ, будто какъ бы заимодавцы въ непристойной вѣрности ему присягали. Не опасаются ли они, чтобы ихъ не назвали доводчиками. Ежели опасаются; такъ надобно молчать и видя вора, разбойника, и предателя своего отечества. По етому и мошенниковъ не надобно ловить: а Кащей всѣхъ мошенниковъ гаже.

ЯВЛЕНІЕ 5.

КАЩЕЙ, ДОРАНТЪ и ПАСКВИНЪ.

ДОРАНТЪ.

Сверьхъ излишнихъ процентовъ, вы требовали отъ меня, чтобы я заплативъ уже по пятнатцати со ста, занявъ у васъ мѣдными грошевиками, заплатилъ вамъ рублевиками: а ежели я платить буду мѣдными; такъ бы я придалъ по гривнѣ на рубль: а на конецъ положили, что хотя бы я вамъ заплатилъ и серебреными; однако за пожданье,

на

на каждый бы рубль отдалъ вамъ безъ отговорки по гривнѣ.

КАЩЕЙ.

Не въ твою пору плачивали мнѣ по двадцати по пяти процентовъ со ста: а ты что за выскочка? Ты человѣкъ молодой; такъ тебѣ надобно заслуживать себѣ честное имя. Мнѣ дѣдъ твой другъ былъ: я съ нимъ грамотѣ вмѣстѣ учился; такъ видя такое твое упрямство, сердце мое разрывается. Какой ты скупентяй! жаль тебѣ бездѣлицы, одной гривны.

ДОРАНТЪ.

На четыре тысячи рублевъ такихъ гривенъ много будетъ.

КАЩЕЙ.

Фу, какая причина! да вить тебѣ жити съ добрыми людьми, а не съ деньгами: а деньги прахъ; вить какъ умремъ, такъ ничево съ собою не возмемъ.

ДОРАНТЪ.

Такъ на что же вы лишнева съ меня и требуете?

КАЩЕЙ.

Да ето порядокъ только.

ДОРАНТЪ.

Етотъ порядокъ вамъ неправедно прибыленъ, а мнѣ неправедно убыточенъ.

КАЩЕЙ.

Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ.

ДОРАНТЪ.

Да вить и у меня такія же руки.

КАЩЕЙ.

Ты человѣкъ молодой, такъ разбогатѣть можешь: а я уже на страшный судъ готовлюся, и смотрю во гробъ; такъ некогда мнѣ разживаться: и только о томъ пекуся, чтобы чѣмъ мою грѣшную душу помянуть.

ДОРАНТЪ.

Много на ваши поминки останется, а дѣтей у васъ только три дочери и ни кто изъ нихъ по мїру не пойдетъ.

КАЩЕЙ.

Да вить деньги то мешать и грѣшно, и должно ихъ почитать и беречь, по тому что на нихъ Царской ликъ.

ДОРАНТЪ.

На Голландскихъ червонныхъ и Царскова лика нѣтъ; а ты ихъ съ меня требуешь, говоря,

воря, мнѣ де все равно, хоть Голландскїя, хоть Рускїя.

КАЩЕЙ.

Да вить изъ золота и церковныя сосуды дѣлаются; такъ какъ ево не почитать?

ДОРАНТЪ.

Я вамъ лишнева больше платить не хочу; какъ вы изволите: а по договору лишку я заплатилъ довольно; въ закладной написано шесть процентовъ, а вы вычли сверьхъ того по девяти рублевъ со ста при дачѣ мнѣ.

КАЩЕЙ.

Едакой упрямецъ! мнѣ казалося, что ты самой доброй человѣкъ, и о такой мѣлочи и слова не скажешь. Вотъ говорятъ, будто науки людей просвѣщаютъ! намнясь у меня былъ хотя и безграмотной, однако весьма ученой человѣкъ, и сказывалъ то мнѣ, что за моремъ какая то напечатана книга, въ которой ясно изображено, что науки человѣка портятъ; и подлинно такъ; ежели бы ты жилъ по дѣдовски, такъ бы ты не былъ таковъ упрямъ; подлинно то, что науки всему злу корень.

ДО-

ДОРАНТЪ.

На чемъ же мы разстанемся?

КАЩЕЙ.

На томъ, что я своево честнова слова ни для какова прибышка не перемѣню, и меньше тово, какъ я положилъ, не приму, и честію моею тебѣ клянуся, что я твоихъ закладовъ инако тебѣ не отдамъ; вишь я не вертопрахъ, и говорилъ бы и то и другое; что молвлено, то и здѣлано.

ДОРАНТЪ.

Такъ я деньги свои при доношеніи внесу, куда надлежитъ.

КАЩЕЙ.

Пойди жъ вонъ ябедникъ.

ДОРАНТЪ.

Ты меня не высылай, государь мой: или будетъ худо.

КАЩЕЙ.

Какъ! худо мнѣ въ моемъ домѣ будетъ?

ДОРАНТЪ.

Тебѣ когда нибудь, ежели твоя жизнь попродлится, худо будетъ и на площади.

КАЩЕЙ.

Люди, люди! дубья! я тебя другъ мой управлю: я тебя доѣду: я тебя проучу.

ДО-

ДОРАНТЪ.

Право, я тебя не боюся.

ЯВЛЕНІЕ 6.

КАЩЕЙ, ДОРАНТЪ, ПАСКВИНЪ и ИСАБЕЛЛА.

ИСАБЕЛЛА.

Что ето вы, дядюшка, дѣлаете?

ДОРАНТЪ.

Что я вижу!... я не знаю, сударыня, что мнѣ теперь дѣлать; одно мнѣ велитъ ему голову размозжить, а другое передъ нимъ молчать.

ИСАБЕЛЛА.

Что вамъ полезняе, то и дѣлайте.

КАЩЕЙ.

То дѣлаши ему, что полезняе? нѣтъ, дѣлай онъ то, что мнѣ полезняе. Воровка! такъ то почитаешь ты дядю то?

ИСАБЕЛЛА.

Да за что такъ сердиться; можно и безъ сердца обойтися.

КАЩЕЙ.

Какъ безъ сердца обойтися? я прошу у нево надлежащаго, а онъ мелитъ околесную, какъ сумасшедшій.

ДО-

ДОРАНТЪ.

Взявъ съ меня по пятнатцати рублевъ со ста процентовъ, требуетъ ни зашто, ни прошто, къ четыремъ тысячамъ заемныхъ еще четырехъ сотъ рублевъ.

ИСАБЕЛЛА.

Соглашайтеся, сударь, ежели то правда, что вы мнѣ объявляете, и не потеряйте за четыре ста рублевъ тово, чево вы за четыре тысячи не купите: да и денежной етотъ убытокъ вамъ окупится, когда вы то получите, чево желаете.

КАЩЕЙ.

О разумница! за четыре ста рублевъ потеряетъ онъ мое къ себѣ почтенїе, такова старова, великороднаго и почтеннаго человѣка: вить етова люди ищутъ, и чево ни за какїя деньги не купишь.

ДОРАНТЪ.

Ето, сударь, истинна; оставьте моей скорости, что я васъ прогнѣвалъ; я съ вами соглашаюся.

КАЩЕЙ.

Едакая разумница! однимъ словомъ привела ево къ разсудку, а я тысячами съ кривой дороги ево не збилъ.

ИСАБЕЛЛА.

Лутче тебѣ потеряти деньги, нежели къ себѣ почтенїе и любовь.

ДОРАНТЪ.

Конечно такъ, сударь; я за ету любовь цѣлова не возьму свѣта, мнѣ безъ нея и животъ мой не надобенъ.

КАЩЕЙ.

Какъ онъ опомнился; такъ инымъ запѣлъ голосомъ.

ДОРАНТЪ.

Етотъ человѣкъ, къ которому я пою ету пѣсню, мнѣ всево дороже.

КАЩЕЙ.

Такъ ето и правда, что не съ деньгами жити, съ добрыми людьми. А особливо дружелюбїе старыхъ людей всево надобняе.

ДОРАНТЪ.

Ета старость еще умѣренная.

КАЩЕЙ.

И подлинно такъ; я еще бодръ и скачу, какъ прындикъ. *[Обнимаетъ ево и цѣлуетъ]* Благодарствую, другъ мой. Надѣйся на мою дружбу какъ на городскую стѣну: а деньги привези всѣ сполна, севодни же: и ежели солнце

це сядетъ, а ты деньги не привезешь; такъ я закладовъ твоихъ не выдамъ: хлѣбъ соль ѣшь, а говори правду.

ИСАБЕЛЛА *[Доранту.]*

Держите свое слово, а мы своево всеконечно не перемѣнимъ. Я вамъ всею честью клянуся, что данное вамъ слово не премѣнится.

КАЩЕЙ.

У ково едакая дочь, а не только племянница! клянется за меня, что я принявъ ево деньги, къ нему не отмѣню моево усердія.

ЯВЛЕНІЕ 7.

ДОРАНТЪ и ПАСКВИНЪ.

ПАСКВИНЪ.

Какая нечаянная тебѣ стрѣча!

ДОРАНТЪ.

Подлинно, что нечаянная. . . . Да гдѣ я дѣлъ письмецо то свое? . . . *[Ищетъ по карманамъ]* У тебя оно?

ПАСКВИНЪ.

Нѣтъ.

ДОРАНТЪ.

Да гдѣжъ оно?

ПАСКВИНЪ.

По чему я знаю?

ДОРАНТЪ.

Конечно я ево какъ нибудь выронилъ.

ПАСКВИНЪ.

Или оно сквозь карманъ, и сквозь землю провалилося.

ДОРАНТЪ.

Ну какъ оно Кащею въ руки попалося? нѣтъ ли тебѣ ково знакомова здѣсь? шакъ бы въ ево комнатѣ поискали.

ПАСКВИНЪ.

Опасно у нево по комнатамъ шарить; подумаетъ еще, что денегъ ево ищутъ.

ДОРАНТЪ.

Ахъ, Боже мой! что мнѣ дѣлать!

ЯВЛЕНІЕ 8.

ДОРАНТЪ, ПАСКВИНЪ и КЛАРА.

КЛАРА.

Не выронили ли вы, сударь, письмеца?

ДОРАНТЪ.

Выронилъ, дѣвушка; не подняла ли ты ево гдѣ?

КЛА-

КЛАРА.

Оно ли ето, сударь?

ДОРАНТЪ.

Кажется что ето побольше тово, которое я выронилъ; однако оно конечно.

КЛАРА.

Въ нашемъ домѣ всему великой ростъ. Ваше, сударь, ето письмецо, извольте ево прочесть: оно выросло; возмите ево и съ процентами.

ДОРАНТЪ *[деретъ и читаетъ]*

„Не сомнѣвайся душа моя о моей къ себѣ „любви; только ладь, какъ можно, съ дядею „моимъ. Четыре ста рублевъ, вы въ моемъ „довольномъ приданомъ получите. А ежели „онъ меня не будетъ за васъ выдавать, такъ „ево къ етому и принудятъ; по тому что я „въ такомъ случаѣ и безъ ево воли выйти за „васъ могу. Однако пойдемъ по порядку, что„бы мнѣ ни передъ нимъ, ни передъ свѣтомъ „не отвѣчать. А я почитаю себя уже твоею, „и хочу тебѣ вѣрна быти до гроба.„

О несказанное щастїе! о радостныя минуты! скажи, душа моя, своей госпожѣ,

что я сей день благополучнѣйшимъ жизни моей почитаю, и ей предаюся на всѣ дни оставшего моего вѣка.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

КАЩЕЙ и ИСАБЕЛЛА.

КАЩЕЙ.

Онъ у тебя по ниткѣ пляшетъ; такъ ты здѣлай предисловїе въ пріемѣ денегъ: а то сердце у меня дрожитъ, и я опасаюся, чтобы онъ слова своего не отмѣнилъ: молодые люди не обстоятельны: то то, то другое говорятъ, и постоянства въ нихъ нѣтъ.

ИСАБЕЛЛА.

Я ужъ ево подсижу; надобно съ нимъ умѣючи поступать: а постоянства въ молодыхъ людяхъ и подлинно что мало.

КАЩЕЙ.

Право Исабелла не выходи замужъ, ежели спокойно жить во свой хочешь вѣкъ; лутче тебѣ, коли правду сказать, зависать отъ себя самой, нежели отъ непостояннова мужа, которой на всякую недѣлю раза по два влюбливаться будетъ, и тебя крушить. Нѣтъ, коли правду сказать, лутче дѣвичей жизни на свѣтѣ.

ИСАБЕЛЛА.

Коли правду сказать, такъ нѣтъ желательняе мнѣ той жизни, которую я себѣ выберу.

КАЩЕЙ.

Такъ ты замужъ хочешь по этому?

ИСАБЕЛЛА.

Я ни тово, ни другова еще не говорю.

КАЩЕЙ.

Коли правду сказать, такъ у меня сердце отъ едакихъ рѣчей замираетъ.

ИСАБЕЛЛА.

Послушайте дядюшка: я примѣчаю у васъ ежедневно присловицу эту: коли правду сказать; а она отъ тово, что вы рѣдко правду говорите: честному человѣку такая присловица непристойна, по тому что они не иногда, да всегда правду говорятъ: а вы, можетъ быть, да и конечно, и въ самую ту минуту, когда эту присловицу твердите, не то думаете, лишь только другихъ увѣряете, что правду говорите: ложь и съ этою прислокицею и безъ этой ложь, а истинна всегда истинна. Чево вамъ пужаться,

ся, не йду ли я замужъ; я приданое имѣю отъ моево отца, и вашихъ имѣнїй не трону.

КАЩЕЙ.

Имѣнїе плюнуть, да мнѣ жаль тебя, чтобы ты не посадила урода себѣ на шею и не заѣла бы своево вѣка. А отъ присловицы своей мнѣ отстать не долго; однако ее у меня многїя переняли, и у многихъ она въ такой же модѣ, какъ имѣетъ быть, не имѣется, преслѣдовать и обнародовать.

ИСАБЕЛЛА.

Однако слова изобрѣтаемыя невѣжествомъ гораздо сносняе ушамъ словъ изобрѣтаемыхъ криводушїемъ. Каковы наши чувствїя и мысли, таковы и слова: надутой человѣкъ изображается надутыми словами, низкой низкими, громкой громкими, нѣжной нѣжными, а разумной благопристойными. Что естественно и основано на истиннѣ, то и хорошо; такъ на что ето: коли правду сказать? вить неправды и никогда говорить не надобно: а когда не льзя говорити правды, такъ надобно молчать. А иду ли я замужъ или нѣтъ, до етова ни кому нѣтъ дѣла,

кромѣ меня самой, и кромѣ тово, за ково я выйду.

КАЩЕЙ.

Коли ты выйдешь замужъ; такъ тебѣ же и худо будетъ.

ИСАБЕЛА.

Я ево и чувствовати стану.

КАЩЕЙ.

Вить не я съ мужемъ твоимъ жити буду; ты.

ИСАБЕЛЛА.

Я, сударь.

КАЩЕЙ.

Вить не я подъ властїю ево буду; ты.

ИСАБЕЛЛА.

Я, сударь.

КАЩЕЙ.

Бока то онъ палкой переломаетъ не мнѣ, да тебѣ.

ИСАБЕЛЛА.

У меня они и болѣти станутъ, сударь.

КАЩЕЙ.

Имѣнїе то онъ твое промотаетъ, а не мое.

ИСАБЕЛЛА.

Мнѣ, сударь, будетъ и убытокъ.

КА-

КАЩЕЙ.

Какой убытокъ? разоренье. Да что объ етомъ? Еще улита ѣдетъ: коли то будетъ? Не о томъ теперь дѣло; надобно должника то уломати, чтобъ онъ не отперся отъ слова своего; а ты съ нимъ ладишь мастерица. Я бы у тебя въ вѣкъ ни полушки не занялъ; ты изъ горла выворотишь. Откуда тебѣ едакое дарованїе.

ИСАБЕЛЛА.

Только не помѣшайте мнѣ, дядюшка: а то онъ у меня не отвертится.

КАЩЕЙ.

Говори, какъ ты знаешь: я тутъ и не буду.

ИСАБЕЛЛА.

Однако вы изъ другой комнаты что нибудь услышите: выбѣжите, и все дѣло испортите.

КАЩЕЙ.

Я въ спальню свою уйду, и подушки три на голову положу, чтобы и не слыхать, какїя у васъ будутъ распри; вить отговорки ево слышать не шутка. Не льзя, не льзя: а всякое не льзя мнѣ какъ шило въ сердце.

ИСА-

ИСАБЕЛЛА.

Я ево угомоню.

КАЩЕЙ.

Да какъ ты съ нимъ станешь говорить?

ИСАБЕЛЛА.

Ето мое, а не ваше дѣло.

КАЩЕЙ.

Однако надобно поступать порасторопняе. Умъ хорошо, а два еще и лутче.

ИСАБЕЛЛА.

Положите, сударь, ето на меня.

КАЩЕЙ.

Однакожъ.

ИСАБЕЛЛА.

Все исправно, сударь, будетъ.

КАЩЕЙ.

Вотъ сдакъ зачни: я чаю, сударь, вы довольно слышали, какой безпристрастной, важной и постоянной человѣкъ, мой великородной дядя, и что деньги почитаетъ онъ тлѣномъ, и что ему всево дороже на свѣтѣ честь . . .

ИСАБЕЛЛА.

Очень хорошо.

КАЩЕЙ.

Что ему всево дороже честь, и что онъ лутче

лутче умретъ, нежели изъ положеннаго по договору пріема вамъ хотя четверть полушки уступитъ.

ИСАБЕЛЛА.

Слышу, сударь.

КАЩЕЙ.

Ни четверти полушки противъ даннова вамъ честнова своево слова не уступитъ.

ИСАБЕЛЛА.

Слышу, сударь.

КАЩЕЙ.

Да ето скажи ему повняшняе.

ИСАБЕЛЛА.

Слышу, сударь.

КАЩЕЙ.

Ни четверти полушки не уступитъ.

ИСАБЕЛЛА.

Слышу, сударь; ни четверти полушки не уступите: и что вы человѣкъ самой доброй.

КАЩЕЙ.

Скажи ему, что я святой человѣкъ, и что едакова подъ свѣтомъ нѣтъ. Слишишь ли, Исабелла? Что едакова подъ свѣтомъ нѣтъ доброва человѣка.

ИСА-

ИСАБЕЛЛА.

Въ етомъ мнѣ онъ можетъ быть и не повѣритъ.

КАЩЕЙ.

Побожися ему за меня, поклянися, сними образъ со стѣны: давай ему за меня Бога порукою.

ИСАБЕЛЛА.

Нѣтъ, сударь: етова я не здѣлаю: клясться Богомъ и давать Ево порукою, я могу только за себя, да и то въ правдѣ.

КАЩЕЙ.

Дурочка! да хотя бы ты и въ неправдѣ поклялася; вить языкъ не отсохнетъ?

ИСАБЕЛЛА.

Противъ Бога и чести я ничево не здѣлаю.

КАЩЕЙ.

Честь вить не свята, а Богъ милосердъ.

ИСАБЕЛЛА.

Свята честь, а Богъ правосуденъ.

КАЩЕЙ.

Екая безбожница, святою честь называетъ.

ИСАБЕЛЛА.

Согрѣшающій противу чести, согрѣшаетъ и противу Бога.

КАЩЕЙ.

Дурочка! давай Бога порукою; или ты послѣ

послѣ етова вымолвить не умѣешь: согрѣшила я окаянная?

ИСАБЕЛЛА.

Нѣтъ, сударь! етому я у васъ учиться не намѣрена: а деньги вы всѣ сполна получите; въ етомъ не извольте безпокоиться.

ЯВЛЕНІЕ 2.

КАЩЕЙ, ИСАБЕЛЛА и КЛАРА.

КЛАРА.

Господинъ Дорантъ пріѣхалъ.

КАЩЕЙ.

Ель, иль сосна?

КЛАРА.

Я, сударь, ни ели, ни сосны не видала; видѣла только, что люди ево изъ каретры мѣшки вынимаютъ.

КАЩЕЙ.

Да деньги то всѣ ли тутъ?

КЛАРА.

По чему мнѣ ето вѣдать?

КАЩЕЙ.

Дура! да вить нѣсколько можно человѣка и по глазамъ узнать.

КЛА-

КЛАРА.

Я, сударь, ему въ глаза не смотрѣла, да и науки етой, какъ по глазамъ узнавать, не знаю.

КАЩЕЙ.

Пойдемъ же Клара, да запремся въ моей спальнѣ, чтобы и уши наши не слыхали, какъ онъ отъ четырехъ сотъ рублевъ отговариваться станетъ.

КЛАРА.

Что мнѣ, сударь, въ спальнѣ вашей дѣлать?

КАЩЕЙ.

Пойдемъ, ни кто не приревнуетъ: со мной любиться всево безопасняе; по тому что ни кто не подумаетъ тово, чтобы кто такова старова и безобразнова человѣка, у которова одни кости да жилы, полюбить могъ.

КЛАРА *[особливо]*

Конечно гнусна бы та была, которая тебя бы полюбила. *[Ему.]*

Я, сударь, пойду во свою комнату, чтобы мнѣ Дорантовыхъ не слышать рѣчей.

КА-

КАЩЕЙ.

Идетъ, идетъ; попроворь же ты Исабелла.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ДОРАНТЪ и ИСАБЕЛЛА.

ДОРАНТЪ.

Пріятна теперишная мнѣ расплата, сударыня; она мнѣ здѣлала ето щастье, что я васъ вижу.

ИСАБЕЛЛА.

И могу съ вами разговаривать по волѣ моей. Дядя мой мнѣ поручилъ васъ уговаривати, чтобы вы не отреклись отъ обѣщанныхъ ему и ни мало не принадлежащихъ четырехъ сотъ рублевъ.

ДОРАНТЪ.

Все ему привезено.

ИСАБЕЛЛА.

Я и не сумнѣвалася объ етомъ.

ДОРАНТЪ.

Только лишнія четыре ста рублевъ мѣдными.

ИСАБЕЛЛА.

Мнѣ бы казалося, что бы лишекъ и мѣдными взялъ онъ; даровому коню въ зубы не смотрятъ. Оставимъ ето; не къ етому я теперишнїя драгоцѣнныя мнѣ минуты предуставила. Севодни же намѣрена я ему сказати, что я выхожу за тебя; не прогнѣвайся, что я уже съ тобою просто говорю, почитая тебя уже своимъ, какой простоты и отъ тебя взаимно требую: и когда я тебѣ склонна, такъ онъ долженъ будетъ на концѣ согласиться.

ДОРАНТЪ.

Исполняется сладчайшая моя надежда. Етотъ часъ полагаетъ райской моей на свѣтѣ жизни основанїе. Въ тебѣ мое щастїе, въ тебѣ мои забавы, и ты главный видъ моево любочестїя, и всѣхъ прочихъ моихъ желанїй: ты единый видъ и едина цѣль моихъ радостей. Меня бы и мечтанїемъ соотвѣтствїе твое во восхищенїе привело; та соотвѣтствуетъ любви моей и утверждаетъ мое упованїе, безъ которой бы я животъ мой адскою почиталъ мукою и несноснымъ бременемъ; владѣй мною дражайшая Иса-

Исабелла: повелѣвай мнѣ, а я твоимъ повелѣнїямъ до гроба моево повиноватьсѧ буду: а ты до послѣдняго моево издыханїя едина моимъ сердцемъ будешь владычествовати.

ИСАБЕЛЛА.

Какъ любовникъ будешь ты чувствовати мою горячность: какъ мужъ будешь ты видѣть мою покорность: какъ товарищъ мое согласїе: какъ другъ мою искренность. Словомъ, жертвую тебѣ и сердцемъ и мыслїю и чувствїемъ.

ДОРАНТЪ.

Говорятъ обыкновенно всѣ лутчїе Философы, что наша жизнь наполнена одними суетами; прїятны такїя суеты, и неизреченны сладости ихъ: а то время, котораго я ожидаю, наши и желанїя и воображенїя превосходитъ; о прїятныя суеты! питайте душу мою и наполняйте мысли мои! доволенъ я вами; не разрушайтеся только!

ИСАБЕЛЛА.

Въ какихъ веселїяхъ буду я препровождати съ тобою дни мои! не буду при тебѣ чувствовати ни скуки, ни уединенїя: и все, на что я ни взгляну, меня радовать будетъ.

Всѣ дни, всѣ мѣста, всѣ виды и всѣ помышленїя будутъ восхищати духъ мой.

ДОРАНТЪ.

Во утвержденїе нашего вѣчнаго союза, цѣлую руку твою, и жду совершенїя моей радости . .

ЯВЛЕНІЕ 4.

ДОРАНТЪ, ИСАБЕЛЛА и КАЩЕЙ.

КАЩЕЙ.

Ладно, ладно. Все ли такъ?

ИСАБЕЛЛА.

Все, сударь, какъ мы хотѣли.

ДОРАНТЪ.

Примете ли вы четыре ста рублевъ мѣдными?

КАЩЕЙ.

На сто надобно небольшой процентъ.

ДОРАНТЪ.

Сколько вамъ угодно?

КАЩЕЙ.

По малой мѣрѣ копѣйки по двѣ съ рубля.

ДОРАНТЪ.

Когда вы такъ щедролюбивы, такъ я по четыре копѣйки заплачу.

КА-

КАЩЕЙ.

Не можно ли уже прибавить и пятой то? денежку для нее, да для меня другую.

ДОРАНТЪ.

Можно, сударь, и ето здѣлать.

КАЩЕЙ.

Отеческой ты сынъ. Да гдѣ деньги то?

ДОРАНТЪ.

Извольте приказать принять: они въ сѣняхъ.

КАЩЕЙ.

Да для чево таки они сюда не пожаловали? милости прошу! къ стати ли ето? меня и мѣдныя деньги въ сѣняхъ не дожидаются; къ стати ли ето? милости прошу сюда.

ДОРАНТЪ.

Прикажите ихъ кому принять и перечесть.

КАЩЕЙ.

Нѣтъ, государь мой, я и самъ перечту. Приятельскія деньги, да не самому считать! Хотя я и старой человѣкъ, однако я учтивство знаю.

ДОРАНТЪ.

Да на что вамъ самимъ трудиться?

КАЩЕЙ.

Праздность тяжкой грѣхъ, а человѣческая должность трудъ. На что бы насъ и солнце освѣщало, ежели бы мы жили въ праздности, и ни какихъ бы другъ другу не дѣлали услугъ? были бы не полезные члены отечества. Я при васъ перечту.

ДОРАНТЪ.

Нѣтъ, сударь, ето для меня право скучно.

КАЩЕЙ.

А я безосчота не приму; денежка счотъ любитъ.

ДОРАНТЪ.

Вы послѣ перечтете.

КАЩЕЙ.

Такъ бы я и заклады твои, и закладную выдалъ, не перечетъ денегъ! Нѣтъ, государь мой, нѣтъ: етова у меня и въ мысли не бывало.

ДОРАНТЪ.

Я закладовъ и закладной не требую, покамѣстъ вы перечтете.

КАЩЕЙ.

То дѣло девятое: да повѣрите ли вы мнѣ?

ДО-

ДОРАНТЪ.

Повѣрю, сударь: а сверьхъ тово племянница ваша свидѣтельница.

КАЩЕЙ.

Да женщинъ во свидѣтельство не принимаютъ; такъ не введи меня на старости въ соблазнъ, а отъ тово бы тебѣ не было грѣха; плохо лежитъ, брюхо болитъ; не худо бы было, ежели бы какое было обязательство, чтобы мнѣ не повихнуть душею; надобно какъ возможно отъ искушенія остерегаться.

ДОРАНТЪ.

Не ужъ ли вы такъ слабы?

КАЩЕЙ.

Вить я человѣкъ, и плоть.

ДОРАНТЪ *[особливо Исабеллѣ]*

Въ немъ плоти нѣтъ; одни только кости да жилы. *[Емц]*

Я съ деньгами мѣшки вручаю Исабеллѣ: а чтобы вы и во счетѣ не пришли въ искушеніе; такъ я ето повѣряю какой ея дѣвушкѣ.

ИСАБЕЛЛА.

Очень хорошо.

КАЩЕЙ.

На что етова лучше? да гдѣжъ деньги то? подавай ихъ сюда. Клара, Клара!

ЯВЛЕНІЕ 5.

КАЩЕЙ, ДОРАНТЪ, ИСАБЕЛЛА и КЛАРА.

КАЩЕЙ.

Кларушка, возми людей, да прими въ сѣняхъ деньги, и вели ихъ внести въ мою спальню; а сама сиди при нихъ, покамѣстъ я приду: да береги-жъ ихъ, и не отходи ни пяди; вить ты знаешь то, что ежели часовой съ часовъ сойдетъ; такъ за ето по военному уставу смерть.

КЛАРА.

Я, сударь, человѣкъ не военной, а деньги ваши принявъ беречь буду.

КАЩЕЙ.

Да не засни.

КЛАРА.

Теперь еще рано.

КАЩЕЙ.

Въ глазахъ постеля, въ глазахъ и сонъ.

КЛА-

КЛАРА *[особливо]*

Пройдетъ сонъ у человѣка, когда онъ на твою постелю взглянетъ; и клопы не такъ мерзки, какъ ты.

КАЩЕЙ.

Да отдадутъ ли ей деньги то люди ваши?

ДОРАНТЪ.

Я имъ скажу. *[Выглянувъ]* Отдайте етой дѣвушкѣ деньги.

КАЩЕЙ.

Примите, да смотрите, чтобы не прорвалися мѣшки. Деньги такъ надобно носить, какъ дитя. Не разшибите, не разшибите. Когда же вы ко мнѣ пожалуете?

ДОРАНТЪ.

Очень скоро.

КАЩЕЙ.

Пускай заклады то твои у меня переночуютъ: дай мнѣ етой мыслію полюбоваться, что они еще у меня.

ИСАБЕЛЛА.

Что ближе къ концу, то и лутче.

КАЩЕЙ.

Да: я ближе къ концу сталъ состарѣвся; такъ ето рядъ дѣлу лутче.

ИСАБЕЛЛА.

Ето, сударь, не такое дѣло; разстаться съ жизнїю, дѣло великое.

КАЩЕЙ.

Съ жизнїю и собака разстается, а съ имѣнїемъ только человѣкъ. Прости, покамѣстъ увидимся.

ДОРАНТЪ.

Вашъ покорный слуга.

ЯВЛЕНІЕ 6.

КАЩЕЙ *[одинъ.]*

Цѣловалъ онъ у нея руку; то ли ето знаменовало, что онъ согласился съ ея предложенїемъ по моему дѣлу, какъ я и почелъ: или уже не влюбился ли онъ? . . . Да полно до тово ли ему, чтобы влюбиться, когда о деньгахъ дѣло идетъ! вздумаетъ ли человѣкъ о любви, когда что до денегъ касается! напрасна моя ревность. Всякое животное любится и сочетавается, а богатѣетъ человѣкъ только. Ково бы смерть устрашила, ежели бы на томъ свѣтѣ деньги были! кто бы отвращался отъ кончины своей!

и

и ежели въ царствіи небесномъ денегъ не будетъ, такъ какое ето намъ добрымъ людямъ воздаяніе. О праведный Боже! не исповѣдимы судьбы твои!

ЯВЛЕНІЕ 7.

КАЩЕЙ и ЛЕАНДРЪ.

КАЩЕЙ.

Что у васъ новинькова?

ЛЕАНДРЪ.

И старинькова, сударь, довольно.

КАЩЕЙ.

Все о моей деревнѣ?

ЛЕАНДРЪ.

Все о своей деревнѣ.

КАЩЕЙ.

По чему она твоя! она за мною отказана, развѣ ты законовъ не знаешь?

ЛЕАНДРЪ.

Вы знаете, какъ она за вами отказана; за вами по закладу надлежало отказать половину деревни, надлежащую тетькѣ моей, а ошибкою отказана вся, чему мать моя и про-

прошивилась; такъ ошибка та сколько была не извѣстна пьяному отказчику, столько вамъ то вѣдомо было, принадлежитъ ли по закладной вамъ та деревня.

КАЩЕЙ.

Да я уже ею многія владѣю лѣта, и крестьянъ, какъ отецъ чадъ оберегалъ, и бралъ съ нихъ только въ двое больше, нежели съ отцовскихъ, смертный часъ, и судъ Божій памятуя.

ЛЕАНДРЪ.

Довольно вамъ и того, что я съ васъ завладѣныхъ не требую денегъ.

КАЩЕЙ.

Мнѣ съ тебя требовать денегъ надобно; мужики тѣ мнѣ въ куплю обошлися во время недорода хлѣба. Что мнѣ до того, чья деревня за мною отказана? за мною хошь Каширу откажи, такъ я ею владѣти стану; да Кашира то Государская.

ЛЕАНДРЪ.

А деревня то, сударь, моя.

КАЩЕЙ.

Для чево ты давно о поворотѣ деревни своей не билчеломъ?

ЛЕАНДРЪ.

ЛЕАНДРЪ.

Для тово, что я малъ былъ, а потомъ былъ я въ школѣ долго, и потомъ въ арміи и въ походахъ.

КАЩЕЙ.

Вотъ я вышлю Исабеллу, такъ она тебя лутче уговоритъ; она васъ учить умѣетъ; Дорантъ отъ четырехъ сотъ рублей не отвертѣлся. Вить онъ тебѣ другъ я чаю?

ЛЕАНДРЪ.

Конечно, ету честь я имѣю.

КАЩЕЙ.

Такъ какова Исабелла, то спроси у нево.

ЛЕАНДРЪ.

Я ето знаю и безъ нево, что она дѣвица достойная. Ее всѣ добросердечною дѣвицею почитаютъ, не смотря на то, что Колчулай ее злословитъ.

КАЩЕЙ.

Колчулай, плутъ.

ЛЕАНДРЪ.

На что то сказывати, что всѣмъ извѣстно? конечно плутъ: и ругаетъ ее за то, что она не выдала за нево въ замужство своево

своево имѣнїя, и не отдала за ними ему себя въ приданое.

КАЩЕЙ.

Что бы я племянницу свою выдалъ за Колчулая!

ЛЕАНДРЪ.

Етова онъ хотѣлъ.

КАЩЕЙ.

За крючкотворца и за вора!

ЛЕАНДРЪ.

Онъ искалъ етова.

КАЩЕЙ.

Которой кралъ всякое животное!

ЛЕАНДРЪ.

Онъ етова . . . .

КАЩЕЙ.

Которой командуя кралъ казенныхъ лошадей!

ЛЕАНДРЪ.

Онъ етова . . . .

КАЩЕЙ.

Которой на заборахъ пасквили прибиваетъ.

ЛЕАНДРЪ.

Онъ етова . . . .

КА-

КАЩЕЙ.

Который судя колодниковъ, у нихъ просилъ за освобожденіе ихъ отъ смертной казни, сахару, изюму и винныхъ ягодъ!

ЛЕАНДРЪ.

Онъ . . . .

КАЩЕЙ.

Который средь улицы вскочивъ на суму кареты, сорвалъ у нѣкоторой дѣвицы съ руки перстень.

ЛЕАНДРЪ.

Онъ . . .

КАЩЕЙ.

Который влюбливается въ деньги невѣстъ, и на тѣхъ дѣвицъ подаетъ плутовскія явки, пиша въ нихъ що, чево тѣмъ дѣвицамъ о немъ и не грѣзилося, и представляетъ ради допросу старыхъ, почтенныхъ, добродѣтельныхъ и безпорочныхъ боярынь, и знатныхъ отцевъ дочерей во свидѣтельство.

ЛЕАНДРЪ *[особливо]*

Такими поступками онъ таковъ обществу гнусенъ, каковъ ты.

КАЩЕЙ.

Которой . . .

ЛЕАНДРЪ.

ЛЕАНДРЪ.

И который давно ошельмованъ быти достоинъ.

КАЩЕЙ.

Я о немъ и слышать не хочу, а о деревнѣ твоей не хочу и думать.

ЯВЛЕНІЕ 8.

ЛЕАНДРЪ *[одинъ]*

Давно васъ обѣихъ повѣсить надобно: одново за воровство и за протчія бездѣльства, а другова за лихоимство и за протчія бездѣльства, чтобы исчезли такія твари, которыя толико общему спокойству и честности ядовиты.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

КЛАРА *[одна]*

Нѣтъ, не пріѣхалъ еще господинъ Дорантъ, а деньги уже скоро всѣ дочтутся. Всякой человѣкъ имѣетъ утѣшенія по своему вкусу. Кащей услаждается Дорантовою къ себѣ чивостью, а Исабелла Дорантовою къ себѣ горячностію; что кому мило, тотъ о томъ и мыслитъ, и что кому надобно, то тому и важнымъ кажется, и всякъ забавляется своею охотою: военные люди говорятъ о войнѣ, гражданскіе о законахъ, ученые о наукахъ, художники о художествахъ, щеголи и щеголихи о нарядахъ; однако есть люди, которые и обо всемъ разговаривать умѣютъ. Только никто я чаю столько не мыслитъ и не говоритъ ниже о своей любовницѣ, какъ Кащей о своихъ деньгахъ; я часто слыхала, что онъ и во снѣ о нихъ бредитъ.

И ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПАСКВИНЪ и КЛАРА.

ПАСКВИНЪ.

Доложи, дѣвушка, господину своему, что я ради приняттія закладовъ присланъ отъ господина своево.

КЛАРА.

Будто онъ тебѣ заклады отдастъ?

ПАСКВИНЪ.

А для чево?

КЛАРА.

Для тово, что онъ не только тебѣ, да и никому въ етомъ, кромѣ ево не повѣритъ безъ свидѣтелей.

ПАСКВИНЪ.

Я ему дамъ росписку, за подписаніемъ моево господина.

КЛАРА.

Ето дѣло другое.

ПАСКВИНЪ.

Мнѣ мой господинъ и не въ томъ вѣритъ.

КЛАРА.

А нашъ Кащей называетъ падлостью слугъ своихъ.

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

Развѣ подлостью?

КЛАРА.

Нѣтъ, падлостью, думая, что слово ето отъ падать началося, и что слуги ево и всѣхъ господъ люди, самые презрѣнные и что въ нихъ не такія души, какъ у господъ; и всегда кричитъ: Хамово колѣно: злодѣи мои: враги мои: вотъ какъ онъ домочадцовъ своихъ называетъ.

ПАСКВИНЪ.

Крестьяня, или земледѣльцы степенью еще и насъ ниже; однако не знаю, за что бы ихъ называть подлыми, или по ево падлыми людьми; я думаю, что земледѣлецъ почтенняе лихоимца.

КЛАРА.

Да принесъ ли шы тѣ деньги, которыя въ добавокъ за мѣдныя назначены?

ПАСКИНЪ.

И тѣ здѣсь.

КЛАРА.

Онъ въ приемѣ денегъ гораздо точенъ. Давъ онъ родному своему брату, и еще нѣкоторому ближайшему свойственнику, по

сту рублевъ, вычетъ по двенатцати процентовъ, и взявъ заклады въ десятеро больше, когда они нѣсколько дней къ заплатѣ не исправилися, ихъ было съ ума свелъ, и въ день раза по два къ нимъ съ промеморіями посылалъ, ставя еще имъ новымъ одолженіемъ и то, что слуги ево подошвы попротоптали, а онъ за то съ нихъ, какъ родной братъ и ближній самый свойственникъ, не взялъ ни по копѣйкѣ, и клялся передъ своими друзьями, что онъ имъ ето уступилъ.

ПАСКИНЪ.

Едакая гадина!

КЛАРА.

Помолвилъ онъ дочь, коей съ ея сестрами треть материнскова имѣнія надлежала, и на которыхъ онъ деньги великую присовокупилъ казну, и выдалъ дочь ету, какъ слухъ носится, за хорошева человѣка, которова ему по ево небогатству и по любви къ дочери весьма снабдить надлежало: а онъ вычелъ у нево изъ дочерня приданова проценты; я де свою дочь не хотѣлъ выдавать въ нынѣшній годъ замужъ; такъ по

всѣмъ

всѣмъ правамъ, процентныя деньги сего года мнѣ взыскать надлежитъ. Такъ едакое дѣло, я чаю, никогда отъ начала мїра во всей подсолнечной слыхано не бывало: съ дочери изъ денегъ ея матери, кто кромѣ етова адскова духа проценты возметъ: а другихъ дочерей онъ вѣчно въ дѣвкахъ засадилъ: а они бѣдныя живутъ у нево, какъ на каторгѣ. Да не только дочери, и племянница шо ево отъ нево мучится: а она и сама о себя можетъ опереться.

ПАСКВИНЪ.

Гнуснѣйшее животное!

КЛАРА.

При дачѣ въ заемъ выноситъ онъ ящечки съ дырками, какїя у богодѣленъ поставляются, и собираетъ милостины, прося у заимщиковъ себѣ въ ящичекъ по два рубли, а иногда и болѣе съ тысячи, будто на дачу людямъ жалованья, а оныя деньги себѣ берешъ.

ПАСКВИНЪ.

Едакая непостижимая и преестественная тварь! какъ онъ соблюдается, что о ево

преестественномъ лихоимствѣ ни кто не представитъ туда, гдѣ надлежитъ?

КЛАРА.

Ето и мнѣ не понятно.

ЯВЛЕНІЕ 3.

КАЩЕЙ, КЛАРА и ПАСКВИНЪ.

КАЩЕЙ.

Не все сполна, не все сполна... Что ты?

ПАСКВИНЪ.

Я пришелъ по заклады.

КАЩЕЙ.

По заклады? ха, ха, ха!

ПАСКВИНЪ.

Какой смѣхъ шутъ?

КАЩЕЙ.

Чтобы я тебѣ повѣрилъ? ха, ха, ха!

КЛАРА.

Онъ и самъ себѣ безъ свидѣтелей не очень вѣритъ, когда деньги считаетъ; а то выдалъ бы онъ ему заклады! ха, ха, ха!

ПАСКВИНЪ *[особливо.]*

Едакой уродъ! едакая чучила! екой Кащей безсмертной! ха, ха, ха!

КА-

КАЩЕЙ.

Чему ты смѣешся?

ПАСКВИНЪ.

Я смѣюся, сударь, отъ радости, что ваше высокопревосходительство въ такой глубокой старости къ житейскому толико крѣпко пригвождены, будто какъ бы вамъ никогда не умирать, хотя вы уже какъ скелетъ совсѣмъ изсохли, и думаю, что вы не простой Кащей, да Кащей безсмертной.

КАЩЕЙ.

Ахъ, другъ мой! не миновати смерти. Все въ мірѣ семъ суета: и домъ, и деревни, и золото, и серебро, и жемчугъ, и самыя драгоцѣннѣйшіе камни: совсѣмъ разставаться, совсѣмъ прощаться, и горчайшими омывъ сундуки свои слезами, взглянуть въ послѣдній разъ на запечатанныя свои мѣшки, и сказать имъ: прощайте возлюбленныя мои денежки: ужъ я съ вами никогда не увижуся.

ПАСКВИНЪ и КЛАРА.

Ха, ха, ха! . . . ха, ха, ха! . . . ха, ха, ха!

КАЩЕЙ.

Смѣйтеся богоотступники, смѣйтеся сокрушенїю сердца моево! . . . Въ четырехъ сто сшахъ рублевъ недостаетъ двадцати копѣекъ.

ПАСКВИНЪ.

Вотъ вамъ, сударь, полполтинникъ.

КАЩЕЙ.

Возми пять копѣекъ назадъ; лишнява мнѣ не надобно.

ПАСКВИНЪ.

Я слыхалъ то, что слово лишекъ отъ лихости происходитъ: а лихоимство беззаконїе.

КАЩЕЙ.

Какъ не беззаконїе! грѣхъ душепагубный: грѣхъ на небо вопїющїй; что украсти что взяти лишнее, ето все одно; на что мнѣ ваши пять копѣекъ? возми ихъ себѣ да и владѣй ими, а у меня къ чужому и сердце не лежитъ; отдай мнѣ надлежащее, да и полно. . . . Вотъ еще другъ мой, объ етомъ какъ? на четыре ста рублевъ двадцать рублевъ, принять положено: по пяти копѣекъ на рубль; а на шѣ двадцать рублевъ, ежели они мѣдныя, считая по пяти ко-

копѣкъ на рубль, двацать пятикопѣешниковъ, и того рубль: а на тотъ рубль еще пять копѣекъ: а на тѣ пять копѣекъ уже небольшое дѣло; то отдай пожалуй въ богодѣльни; пускай за меня Бога молятъ.

ПАСКВИНЪ.

Очень хорошо.

КАЩЕЙ.

Да что бы Дорантъ самъ пришелъ: а тебѣ я закладовъ не отдамъ.

ПАСКВИНЪ.

Вотъ, расписка ево руки.

КАЩЕЙ.

Да деньги то гдѣ?

ПАСКВИНЪ.

Въ сѣняхъ, подъ часами у вашева казначея.

КАЩЕЙ.

Все въ сѣняхъ, да въ сѣняхъ? . . . Желтозеръ!

[Желтозеръ входитъ]

ЯВЛЕНІЕ 4.

КАЩЕЙ, КЛАРА, ПАСКВИНЪ и ЖЕЛТОЗЕРЪ.

КАЩЕЙ.

Не укралъ ли ты чево злодѣй мой!

ЖЕЛТОЗЕРЪ.

Какъ украсть: они запечатаны сударь!

КАЩЕЙ.

Да вы вишь на ешо проворны. - - - *[Пасквину]* А шѣ двацать одинъ рубль и пять копѣекъ?

ПАСКВИНЪ.

Вотъ они, сударь, да еще и серебромъ.

КАЩЕЙ.

Однако у насъ уже положено, чтобы взять, какъ за мѣдныя, что доведется.

ПАСКВИНЪ.

Мнѣ велѣно вамъ безспорно повиноваться.

КАЩЕЙ.

Что ты скотина, безъ башмаковъ?

ЖЕЛТОЗЕРЪ.

Протоптался, сударь, и изорвался.

КАЩЕЙ.

Что мнѣ съ вами дѣлать хамово плѣмя? а я на нынѣшній годъ тебѣ еще жалованья четыре алтына прибавилъ.

ЖЕЛ-

ЖЕЛТОЗЕРЪ.

Мы, сударь, покупкою дровъ разоряемся.

КАЩЕЙ.

Кто вамъ дрова покупать приказываетъ?

ЖЕЛТОЗЕРЪ.

Чѣмъ же, сударь, варить намъ себѣ щи, когда вы намъ дровъ не жалуете?

КАЩЕЙ.

А сами вы дровъ достать не умѣете?

ЖЕЛТОЗЕРЪ.

Гдѣ, сударь, ихъ достанешь?

КАЩЕЙ.

Мало ли на Москвѣ рѣкѣ дровъ? скажи имъ еще гдѣ; никакъ вы хотите, чтобы я вамъ по спичкамъ толковалъ: гдѣ взять, какъ взять.

ЖЕЛТОЗЕРЪ.

Вездѣ, сударь, караулятъ.

КАЩЕЙ.

Будто таки караульщикъ-атъ и не заснетъ? Вотъ какая скотина! едакая неучь! едакой болванъ! отнеси дуракъ деньги то въ спальню, да возми себѣ мои старыя туфли, въ которыхъ я четвертаго году въ баню ходилъ. Пойти, да перечесть.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПАСКВИНЪ и КЛАРА.

ПАСКВИНЪ.

Я едакова скареда сроду моево не видывалЪ.

КЛАРА.

Такіе то на свѣшѣ есшь люди!

ПАСКВИНЪ.

ВамЪ я думаю ево поступки и удивленія больше не приносятЪ?

КЛАРА.

Чему дивишься; мы ешо каждую минушу видимЪ.

ПАСКВИНЪ.

КакЪ ево по сіе время ни кшо вЪ саширу не внесетЪ?

КЛАРА.

Ешо правда, что онЪ саширы достоинЪ: а онЪ такЪ ешова слова не любитЪ, какЪ смерши, Саширу и Пасквиль за одно почишая.

ПАСКВИНЪ.

Дорого бы я далЪ, ежели бы Саширу кто на нево здѣлалЪ.

КЛА-

КЛАРА.

Жалѣть о немъ, такъ жалѣть о беззаконіи.

ПАСКВИНЪ.

Намнясь нѣкоторые господа говорили, что сколько хвала и награжденіе утверждаетъ добродѣтели, толико хула и наказаніе искореняетъ пороки: а мнѣ кажется, что они дѣло говорили.

КЛАРА.

А Кащея, едакова смраднова человѣка, хулою не исправишь; висѣлица ему Сатира; лихоимецъ, гордостью наполненъ, клеветникъ, смутникъ, мучитель . . .

ПАСКВИНЪ.

Такъ онъ и къ мучительству склоненъ?

КЛАРА.

Подобнова ему тирана солнце не освѣщало; слуги ево, не учинившія ни какова злодѣянія, лѣтъ на пять заключаются въ кандалы: и когда онъ говоритъ о пыткахъ, такъ такъ живо изображаетъ то, что инда волосы дыбомъ становятся: и часто едакія исторіи онъ дамамъ расказываетъ, ругая ихъ иногда, что они только о нарядахъ говорятъ:

а такія рѣчи, которыя человѣка по кожѣ подираютъ, будто пріятныя и важныя въ бесѣдѣ разговоры.

ЯВЛЕНІЕ 6.

КАЩЕЙ, ПАСКВИНЪ и КЛАРА.

КАЩЕЙ.

Гдѣ жъ расписка то?

ПАСКВИНЪ.

А заклады то, да закладная то гдѣ, сударь?

КАЩЕЙ.

Заклады ваши не пропадутъ.

ПАСКВИНЪ.

Да и расписка то не пропадетъ.

КАЩЕЙ.

Да расписку то напередъ выдай. Вотъ заклады и закладная.

ПАСКВИНЪ.

Вотъ расписка.

КАЩЕЙ.

Отдай же ее.

ПАСКВИНЪ.

Отдай же заклады и закладную.

КА-

КАЩЕЙ *[вынимаетъ изъ залазухи мѣшечикъ и бумагу.]*

Не то было на умѣ, да бышь уже такъ; простите друзья мои. Вотъ тебѣ.

ПАСКВИНЪ *[протягивая руку]*

Пожалуйте.

КАЩЕЙ *[протягивая руку]*

Расписку то. *[Беретъ у него расписку, а отъ себя закладовъ и закладной не отдаетъ, и кладетъ ихъ опять себѣ въ лазуху. Смотритъ расписку, и взявъ расписку въ зубы, вынимаетъ заклады, и раскрываетъ ему мѣшечикъ.]* Вотъ они. *[Цѣлуя ихъ:]* простите мои душеньки. Пойди же скоряе вонъ: не наядай глазамъ моимъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

КАЩЕЙ и КЛАРА.

КАЩЕЙ.

Вотъ такъ то Кларушка! все суета на свѣтѣ семъ: въ ету минуту заклады были у меня: минута прошла и все миновалося: все сонъ и мечтанїе. Со брильянтами табакерка, часы и высокосїятельнѣйшїй перстень уве-

увеселяли и мысли и глаза мои: красота ихъ зашмилася предомною, и оставило мнѣ только единое горестное воспоминанїе, лишивъ меня сладчайшїя надежды; я думалъ было, что Дорантъ по молодости не исправится къ заплатѣ долгу, а вещицы ево у меня ухнутъ; однако не исполнилося мое и чаянїе и желанїе.

КЛАРА.

Кто то пріѣхалъ.

КАЩЕЙ.

Конечно Дорантъ поблагодаритъ меня за неотплатныя мои къ себѣ милости.

КЛАРА.

Онъ, да еще не знаю кто съ нимъ.

КАЩЕЙ.

Денегъ занимать ково нибудь привезъ онъ; только я меньше двацати пяти на сто не возьму, хоть онъ тресни.

КЛАРА.

Мнѣ здѣсь дѣлать нечево.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 8.

КАЩЕЙ *[одинъ.]*

Возми онѣ у меня мѣдными: а за серебрецо то можно взять и по тридцати. О серебрецо, серебрецо! душа ты моя: ты мнѣ и во сновидѣніи утѣшеніе приносишь : когда съ тѣломъ духъ мой разлучится, тогда погибнутъ о тебѣ мои помышленія. О разлука, разлука ! не возмущай прежде времени сею преужасною мыслію сердца моево !

ЯВЛЕНІЕ 9.

КАЩЕЙ, ДОРАНТЪ и ЛЕАНДРЪ.

КАЩЕЙ.

Что вы, государи мои? Вить не все мнѣ съ вами пустое молоть ! надобно хозяину и покой дать. Ты у меня перстенекъ, табакерочку, да часики подшибрилъ, а ты деревеньку сбрить хочешь ; нѣчево вамъ у меня дѣлать.

ДОРАНТЪ.

Я, сударь, пріѣхалъ въ вашъ домъ за гораздо большею нуждою.

ЛЕАНДРЪ.

А я теперь истинно ради ево съ нимъ пріѣхалъ, и что бы мы васъ оба удобняе умилостивя, привели ко исполненію ево предпріятія.

КАЩЕЙ.

Етова, господинъ Дорантъ, не видать тебѣ, какъ ушей своихъ.

ДОРАНТЪ *[особливо]*

Конечно Исабелла уже ему открылася.

КАЩЕЙ.

Что бы я тѣмъ тебя удовольствовалъ! нѣтъ, государь мой, и въ голову себѣ етова не бери.

ДОРАНТЪ.

Что жъ бы тому препятствовало?

КАЩЕЙ.

Что мое, то мое, а не твое.

ДОРАНТЪ.

Оно ваше только на время, а моимъ вѣчно быть можетъ.

КАЩЕЙ.

Ежели я тебѣ отдамъ.

ДОРАНТЪ.

Да для чево жъ вамъ и не отдать?

КА-

КАЩЕЙ.

Едакой доброй человѣкъ; однако хотя бы ты семи пядей былъ во лбу, такъ у меня тово, что мое, изъ рукъ не вырвешь.

ДОРАНТЪ.

Я не вырываю изъ рукъ вашихъ; да прошу васъ о томъ со всякою покорностїю.

КАЩЕЙ.

И я твой покорный слуга. Да что тебя къ этому привело?

ДОРАНТЪ.

Одна только любовь: а другой причины нѣтъ.

КАЩЕЙ.

Едакое сумазбродство: влюбился въ чужїя деньги!

ДОРАНТЪ.

Въ какїя, сударь, деньги?

КАЩЕЙ.

Такъ развѣ мѣдныя то деньги и не деньги?

ДОРАНТЪ.

Я, сударь, не о деньгахъ говорю.

КАЩЕЙ.

Такъ о чемъ же ты говоришь?

ДОРАНТЪ.

Я, сударь, говорю о вашей племянницѣ.

КАЩЕЙ.

Ха, ха, ха! — ха, ха, ха!

ДОРАНТЪ.

Я не думаю, что бы ето смѣшно было.

КАЩЕЙ.

Ха, ха, ха! —ха, ха, ха!

ДОРАНТЪ.

Ето не смѣшно.

КАЩЕЙ.

Какъ не смѣшно? увидѣвъ дѣвку въ первыя, влюбился въ нее по уши! ежели бы я ето зналъ, такъ бы она съ тебя тысячу сшибрила. Хороша горчица, да послѣ подана кушанья. — Пойдетъ ли она за мота, который перстни, табакерки и часы закладываетъ?

ДОРАНТЪ.

Меня не мотовство, да нужда привела къ тому.

КАЩЕЙ.

Она ни за ково, а не только за тебя, за мужъ ийти не хочетъ. А можетъ быть она еще и пострижется, что бы я и совѣтовалъ;

товалъ; временная жизнь и весь сей мїръ только тѣнь одна.

ДОРАНТЪ.

Я тово только желаю, чтобы вы на ето мое предложенїе согласны были.

КАЩЕЙ.

Бога даю тебѣ порукою, что я ее за тебя выдамъ, только бы она согласилась: а я вѣрно знаю, что она услыша такое твое предложенїе, отъ смѣха животъ надорветъ. Исабелла, Исабелла!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

КАЩЕЙ, ДОРАНТЪ, ИСАБЕЛЛА, ЛЕАНДРЪ и КЛАРА.

КАЩЕЙ.

Слыхала ли ты едакую диковинку? влюбился въ тебя по уши, и сватается. Ха, ха, ха!

ИСАБЕЛЛА.

Ето, сударь, вамъ еще и смѣшняе покажется, что я и сама въ нево влюбилася.

КАЩЕЙ.

Вить она тебѣ ето на смѣхъ говоритъ.

ДОРАНТЪ.

Спросите, сударь, ее.

КАЩЕЙ.

Чево спрашивать? Кларушка, подумай только, естьли въ немъ умъ: а съ виду дѣтина, какъ дѣтина. Ха, ха, ха! ха!

КЛАРА.

Ха, ха, ха!

КАЩЕЙ.

Ха, ха, ха!

КЛАРА.

Ха, ха, ха!

КАЩЕЙ и КЛАРА.

Ха, ха, ха! — ха, ха, ха! — ха, ха, ха!

КАЩЕЙ *[указывая на Доранта.]*

Едакой уродъ!

КЛАРА *[указывая на Кащея.]*

Едакой уродъ!

ДОРАНТЪ.

Вы, сударь, дали мнѣ Бога порукою, что вы будете согласны съ волею ея, и что ежели она захочетъ выйти за меня, такъ вы препятствовать не будете.

КАЩЕЙ.

Такъ: я ето и теперь утверждаю.

ИСА-

ИСАБЕЛЛА *[снявъ съ руки кольцо, отдаетъ ево Доранту.]*

Вотъ тебѣ залогъ вѣчной моей любви и вѣчной моей вѣрности.

КАЩЕЙ.

Съ ума ты сошла Исабелла?

ИСАБЕЛЛА.

Нѣтъ, сударь.

КАЩЕЙ.

Я етова не хочу.

ИСАБЕЛЛА.

Да я, сударь, хочу. А вы давъ Бога порукою, и противорѣчить не можете.

КАЩЕЙ.

Я не въ такой мысли Бога порукою давалъ.

ИСАБЕЛЛА.

Въ какой бы мысли вы етова поруку ни давали; нарушити своево соизволенія не можете: а нарушеніемъ лишь только погубите душу свою.

ЛЕАНДРЪ.

Извольте, сударь, отдавать ему ево невѣсту, а мнѣ мою деревню.

КАЩЕЙ.

Дайте мнѣ хотя полчаса на покаяніе: дайте хотя отходную прочесть.

ЛЕАНДРЪ.

Ради друга моево, я, сударь, и тѣхъ денегъ не требую, которыя вы въ толикія лѣта со крестьянъ въ оброкъ получали.

ИСАБЕЛЛА.

А я вамъ за нынѣшній годъ уступаю съ денегъ моихъ проценты, считая на ето по шести рублевъ, которыя, какъ вы знаете, отдавала я сама: а тово будетъ съ пяшидесяти тысячь, три тысячи рублевъ.

КАЩЕЙ.

Грабятъ меня, а ты ихъ благодари. Отомсти имъ Боже беззаконія ихъ!

ИСАБЕЛЛА.

Благодарствую, дядюшка, за ваше содержаніе. Все то, что я отъ васъ имѣла худова, я забываю: да только желаю, чтобы вы на старости больше о душѣ своей имѣли попеченія: а жизни вашей уже не много осталося.

КАЩЕЙ.

А я желаю тебѣ, жениху твоему и ево другу, чтобы вы всѣ сквозь землю провалилися.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ВЗДОРЩИЦА,

КОМЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АСИРЪ.

БУРДА, жена ево.

РОЗАЛІЯ, дочь ихъ.

ЕРАСТЪ, женихъ Розалїинъ.

ФИНЕТТА, служанка.

РОЗМАРИНЪ, слуга.

ДУРАКЪ.

ВЗДОРЩИЦА,

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

БУРДА, РОЗМАРИНЪ и ФИНЕТТА.

БУРДА.

Финетта! . . Розмаринъ, Розмаринъ! Финетта! . . . Или они померли, или съ ума сошли! . . . Финетта! Розмаринъ!

ФИНЕТТА.

Чево изволите?

РОЗМАРИНЪ.

Что прикажете?

БУРДА.

Вы только то помните, что вы помолвлены, да цѣлуетесь: а госпожу то и позабыли?

были? Не можно васъ докричашься! Инда я осипла. Гдѣ вы были?

ФИНЕТТА.

Я, сударыня, шила.

РОЗМАРИНЪ.

Она, сударыня, шила. . . .

БУРДА.

Да ты что дѣлалъ?

РОЗМАРИНЪ.

Она, сударыня, шила . . .

БУРДА.

Да ты о себѣ говори.

РОЗМАРИНЪ.

Вы не даете мнѣ договорить. Она, сударыня, шила. . . .

БУРДА.

Я не о ней спрашиваю; ты что дѣлалъ?

РОЗМАРИНЪ.

Я вамъ доносилъ то, что она шила . . .

БУРДА.

Ето ужъ я слышала.

РОЗМАРИНЪ.

И при томъ пѣла она пѣсню. . . .

БУРДА.

Я не о ней съ тобою говорю. . . .

РОЗ-

РОЗМАРИНЪ.

А я пѣсню ету слушалъ; вить вы знаете, что я до музыки охотникъ, и что и самъ припѣваю.

БУРДА.

У меня ты скоро и свиньею завизжишь.

РОЗМАРИНЪ.

Я сударыня, самецъ, а не самка; такъ прикажите мнѣ лутче визкать боровомъ!

БУРДА.

Ты еще балагу́ришь!... А ты гдѣ была?

ФИНЕТТА.

А я Розалїи чай подавала.

БУРДА.

Какой теперь чай! Уже обѣдъ на дворѣ.

ФИНЕТТА.

Девятой еще часъ.

РОЗМАРИНЪ.

И по солнечнымъ такъ часамъ.

БУРДА.

Мои часы вѣрны.

ФИНЕТТА.

Ваши часы ушли.

БУРДА.

Нѣтъ, солнце ошстало.

РОЗ-

РОЗМАРИНЪ.

И то можетъ быть.

БУРДА.

Кто тамъ такъ давиче шумѣлъ?

РОЗМАРИНЪ.

Дуракъ нашъ.

БУРДА.

Развѣ онъ съ ума сошелъ?

РОЗМАРИНЪ.

Въ немъ ево и не бывало.

БУРДА.

Надобно ево учить.

РОЗМАРИНЪ.

Дурака никогда не научишь. А шуму какъ не быть, когда дураки въ домѣ?

ЯВЛЕНІЕ 2.

БУРДА, РОЗМАРИНЪ, ФИНЕТТА и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ.

Да барыня то меня поитъ да кормитъ, одѣваетъ и обуваетъ, и здѣлала мнѣ конфидурацкую шапку, да и перушко воткнула.

БУР-

БУРДА.

А ты много шумишь.

ДУРАКЪ.

Едакая бы барыня и не нашему брату, каковъ я, и мужу ея годилась. Ево и меня дураками называютъ: а ее никто: меня за то, что я въ пестромъ хожу платьѣ; будто человѣкъ глупъ и уменъ по платью! По платью встрѣчаютъ только, а провожаютъ по уму: а ево зовутъ дуракомъ за то, что онъ по женниной пляшетъ дудкѣ. Что дѣла кому до етова, по чьей бы дудкѣ я ни плясалъ? . . . Розмаринъ! Да когда баринъ-атъ нашъ по ея дудкѣ плясалъ, и когда она на дудкѣ играла? Видалаль ты ето Финетта? А я етова не видывалъ: а вить я хотя и дуракъ; а глаза у меня есть. Добрая ты Барыня! за тебя то я шумѣлъ.

БУРДА.

За меня!

ДУРАКЪ.

Какъ же не за тебя? Какой то ѣхалъ мимо нашева двора господинъ, и хахоча говорилъ товарищу своему: тутъ то де вздорная то живетъ барыня.

БУР-

БУРДА.

Кто ето обо мнѣ скажетъ! Ты дуракъ; такъ ты дурацкое и выдумалъ.

ДУРАКЪ.

Да уши то у меня не дурацкія.

ФИНЕТТА.

Ослышался ты.

РОЗМАРИНЪ.

Во снѣ ты ето видѣлъ.

ДУРАКЪ.

Я уже часа съ два проснулся.

ФИНЕТТА.

Пустое ты мѣлишь.

ДУРАКЪ.

Я и молоть не умѣю: да и мука мнѣ не надобна; по милости господской я и сытъ и пьянъ. Барыня такъ ли? Не поишь ли ты меня водкою, и не кормишь ли пирогами?

БУРДА.

Или ты пьянъ, можетъ быть?

ДУРАКЪ.

Нѣтъ, я больше пьянъ не буду ни когда; проучили меня. Помнишь ли какъ съ меня едакой кафтанъ у пьянова на улицѣ стащили. И спать помѣшали мнѣ, и кафтанъ

танъ мой взяли. На что они ево съ меня сняли, вить у нихъ кафтаны есть! А кафтанъ-атъ у меня одинъ былъ. Я имъ кафтана то не давалъ, и чуть было лежа на улицѣ въ одной рубашкѣ не замерзъ. Помилуетъ Богъ, вотъ ихъ; Розмаринъ меня спасъ отъ морозу и привелъ домой: а Финетта горячей водой меня напоила. Вотъ ты, барыня, говоришь: дураки де худыя дѣла дѣлаютъ, а ето развѣ хорошее дѣло, которое умные то люди здѣлали? Я ихъ ни бивалъ, ни бранивалъ: а они было меня ознобили. Чѣмъ было имъ дурака поберечь и пьянова домой отвести: а они было меня докарнали. Нѣтъ, барыня, плохи стали нынѣ люди.

РОЗМАРИНЪ.

Они и всегда такови были.

ДУРАКЪ.

За чтожъ вы умныхъ то людей хвалите? Я и дуракъ а етова не здѣлаю . . . А ето отъ чево, барыня, что между мѣлкихъ людей въ едакомъ платьѣ, въ какомъ я, многихъ я видаю: а господа въ такомъ платьѣ не ходятъ?

К БУР-

БУРДА.

Ето платье дурацкое, такъ намъ какъ ево носить?

ДУРАКЪ.

Да развѣ между боярЬ то ни дураковЬ, ни дурЬ нѣтЬ?

РОЗМАРИНЪ.

Столько же какЬ и между простолюдимовЬ.

ДУРАКЪ.

Для чевожЬ и ихЬ такЬ не наряжаютЬ?

РОЗМАРИНЪ.

Для тово что вЬ нихЬ господская кровь: а господская кровь, говорятЬ, почтеннѣе нашей.

ДУРАКЪ.

ТакЬ поучи дурака и раскажи мнѣ, братЬ, ето: когда барская кровь лутче нашей; такЬ и блоха та почотняе, которая кровь барскую сосетЬ?

РОЗМАРИНЪ.

Когда кровь ихЬ почтенняе; такЬ и блохи тѣ благородняе.

ДУРАКЪ.

КаковажЬ блохи то тѣ ранга?

РОЗ-

РОЗМАРИНЪ.

Они съ каршежниками, которые господскихъ обыгрываютъ дѣшей, считаются старшинствомъ: блохи тѣмъ знашны, что они господскую кровь высосываютъ; а каршежники тѣмъ знашны, что они господскія высосываютъ деньги.

ДУРАКЪ.

О! шакъ блохи шо высокова ранга: мнѣ кажется что передъ ними нада и шапки скидывашь.

РОЗМАРИНЪ.

Передъ блохами и часто шапки скидаютъ: а особливо передъ тѣми, которыя больно кусаются.

ДУРАКЪ.

Да какая мнѣ до блохи шо нужда? вить она меня ни кормитъ, ни поитъ.

РОЗМАРИНЪ.

Что бы не шакъ больно и поменше кусала.

ДУРАКЪ.

Да вить и клопы иныя господской же питаются кровью?

РОЗМАРИНЪ.

Они рѣдко ето питье пьютъ, подобно какъ рѣдко пьютъ господскіе слуги самое хорошее вино.

ДУРАКЪ.

А я чаялъ то, что клопы то почотняе и блохъ; намѣдни меня ко клопу то привели въ гости: такъ у нево и господъ и госпожъ туча: иныя пляшутъ, иныя прыгаютъ, а иныя около пеструхи трутся: когда господа то и дѣла то дѣлаютъ?

БУРДА.

Вотъ тому то вы ево учите: пойди дуракъ; ужъ ты заболтался.

ДУРАКЪ.

И вы умныя не меньше насъ болтаете: даромъ то что на васъ не такое, какое на мнѣ, платье.

ЯВЛЕНІЕ 3.

БУРДА, РОЗМАРИНЪ и ФИНЕТТА.

БУРДА.

Ето онъ отъ васъ наслышался, что будто

то есть и господа такіе, которые дурацкова платья достойны . . . . Я васъ доѣду.

РОЗМАРИНЪ.

Мы знаемъ ето, что такіе господа есть. . .

ФИНЕТТА.

И госпожи. . .

РОЗМАРИНЪ.

Не безъ тово та.

БУРДА.

Вонъ съ едакими рѣчьми!

ЯВЛЕНІЕ 4.

БУРДА *[одна]*

Сколько ни преодолѣваюся; да никакъ не льзя не сердиться ежеминутно: и слуги и служанки, и мужъ и дочь меня смущаютъ. И всѣ не такъ разсуждаютъ какъ я. Я разсуждаю о всемъ прямо: а другія всѣ криво. Нѣтъ ничево досадняе, когда кто неправильно противорѣчитъ. Да ужъ и дурака мнѣ досаждати научили.

ЯВЛЕНІЕ 5.

АСИРЪ и БУРДА.

АСИРЪ.

Жена, послала ли ты по Ераста?

БУРДА.

Я кликала и малова и дѣвку и насилу ихъ докликалась: хотѣла было Розмарина за етимъ послать, а не докликався ихъ, и заболтаяся и съ ними и съ дуракомъ, и позабыла то, за чѣмъ я ихъ кликала.

АСИРЪ.

Ето еще поправить можно.

БУРДА.

Да я посылать по Ераста потеряла уже охоту, а между тѣмъ иныя получила мысли. . . Я дочери поищу другова жениха.

АСИРЪ.

Севодни положено быти сговору; такъ ужъ позно перемѣнять намѣренїе. Да чѣмъ онъ тебѣ вдругъ не показался? Вить онъ не виноватъ, когда ты своихъ людей не скоро докликалась?

БУРДА.

Что ты ни пой: а я ей другова жениха сыщу.

АСИРЪ.

АСИРЪ.

Етотъ человѣкъ достойной и достаточной, да и она ево любитъ.

БУРДА.

Не хочу.

АСИРЪ.

Ради чево?

БУРДА.

Ради тово, что не хочу.

АСИРЪ.

Опять ты завздорила.

БУРДА.

Я никогда не вздорю: а правду говорить можно.

АСИРЪ.

По чему ето правда?

БУРДА.

По тому что правда.

АСИРЪ.

Какое доказательство етой правды?

БУРДА.

Доказательство такое, что я такъ хочу.

АСИРЪ.

Ето доказательство очень сильно: да полно у тебя и на все едакїя доказатель-

ства: и всѣ мысли твои ни какова не имѣютъ путнова основанїя.

БУРДА.

Такъ и я по етому беспутная?

АСИРЪ.

Какъ же не беспутная? Въ понедѣльникъ не выѣзжаешь ты ни въ деревни ни изъ деревень: коли тринатцать за кушаньемъ человѣкъ; ты не станешь ни обѣдать, ни ужинать: коли просыплютъ соль; ты изъ за стола выскочишь. Помнишь ли ты какъ мы прошлова лѣта изъ Москвы въ деревню ѣхали, и что отъѣхавъ уже съ двѣсти верстъ отселѣ, за пять верстъ отъ деревни, сколько мы съ тобой шумѣли, для тово что ты въ Москву поворотиться хотѣла, испужався, что заяцъ перебѣжалъ дорогу?

БУРДА.

Да ето все опасно: а тринатцать то человѣкъ и соль, сказываютъ, и за моремъ опасностью ставится.

АСИРЪ.

Будто за моремъ и дураковъ нѣтъ!

БУРДА.

Однако лутчїе то къ намъ товары оттолѣ привозятъ.

АСИРЪ.

АСИРЪ.

Будетъ ето со времянемъ и у насъ.

БУРДА.

Улита ѣдетъ: коли то будетъ.

АСИРЪ.

Тогда, когда едакихъ улитъ, какова ты, поменьше будетъ.

БУРДА.

Нѣтъ, тогда развѣ, когда едакихъ, каковъ ты, дураковъ поменьше будетъ.

АСИРЪ.

Ошалѣла ты.

БУРДА.

А ты и никогда не бывалъ уменъ, и говоришь ты, что я ошалѣла: нынѣ я въ полномъ разумѣ: а ошалѣла я тогда, когда за тебя за мужъ вышла: правда ето, что суженова и конемъ не объѣдешь.

АСИРЪ.

А Ерастъ-атъ дочери твоей суженой или нѣтъ?

БУРДА.

Нѣтъ.

АСИРЪ.

А я докажу тебѣ, что онъ ей суженой.

БУРДА.

А я докажу тебѣ, что ты не угадалъ. Да и кофе намнясь тоже почти показывало: по картамъ на ту же стать выходило. Да какъ Ерастъ-ашъ и желанїе свое намъ объявилъ: такъ во всю тово дня ночь у насъ на кровлѣ ворона сидѣла, а на улицѣ собака лаяла: а ето знаки худые; такъ и хорошо, что я дочь выдавати за Ераста раздумала.

АСИРЪ.

Коли етова невѣстамъ дожидаться, что бы на улицахъ не лаяли собаки; такъ и свадебъ ни когда не будетъ: а что собаки лаютъ, такъ етова и я не люблю.

БУРДА.

Такъ вотъ, и ты етова не хвалишь.

АСИРЪ.

Ето беспокойно, я ради тово собачья не люблю лаянья; а твой мнѣ лай еще и противняе.

БУРДА.

Собака то ты, а не я.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 6.

АСИРЪ, БУРДА и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ.

Барыня, гдѣ же барышнинъ-атъ женихъ? Ты вчера сказала, что севодни сговоръ будетъ, а мнѣ красная шапка.

БУРДА.

Вотъ два дурака на меня навалились.

ДУРАКЪ.

Да для чевожъ ты и ему такова же какъ у меня не здѣлаешь платья? Баринъ! и тебѣ севодни красная шапка.

АСИРЪ.

Изъ терпѣнія ты меня выводишь. Съ тобой ни кто не уживется.

БУРДА.

Ни какъ ты черезъ край хватилъ севодни; такъ у тебя отъ питья то умъ помѣшался!

ДУРАКЪ.

Такъ и ты братъ етова держишься?

АСИРЪ.

Дура! когда ты меня пьянова видала?

ДУ-

ДУРАКЪ.

И она нашева поля ягода?

АСИРЪ.

Я тебѣ говорю, что ты севодни одурѣла.

БУРДА.

А ты давно одурѣлъ.

ДУРАКЪ.

БаринЪ! ТакЪ ты давно вЪ ешомЪ чину?

АСИРЪ.

СЪ тово времени какЪ на ней женился.

ДУРАКЪ.

Долго ты вЪ ешомЪ чину завалялся! А еще господинЪ! Нашу братью такЪ не производятЪ. А ты и дворянинЪ, и грамотѣ гораздЪ: а все вЪ одномЪ чину! развѣ дураковЪ то вЪ большїе чины не производятЪ?

БУРДА.

ВЪ семьѣ не безЪ урода.

ДУРАКЪ.

КакЪ же они дѣла то правятЪ? Екакїе бояра то! ДуракЪ: а дѣло правитЪ! для чево и я не бояринЪ! МожетЪ бы быть и я былЪ на воеводствѣ.

АСИРЪ.

АСИРЪ.

Опомнись и не колоброд: а я по Ераста то пошлю.

БУРДА.

Заткни горло то!

ДУРАКЪ.

Пошли! А мнѣ шапку.

БУРДА.

Заткни и ты горло то!

ДУРАКЪ.

БаринЪ! Едакая намЪ честь.

АСИРЪ.

Етова отмѣнить не льзя: есть пословица: давЪ слово, держись ево, а не давЪ крѣпись, и не обѣщайся не подумавЪ.

БУРДА.

ЧевожЪ ты хочешь? . . . Пошли кЪ нему хотя троихЪ.

ДУРАКЪ.

Барыня! А шапка то? . . . А ты баринЪ дай мнѣ рукавицы, да красныяжЪ.

АСИРЪ.

Хорошо.

БУРДА.

Не будетЪ ему ни рукавицЪ ни шапки. А ты за ЕрастомЪ то хотя самЪ побѣги.

АСИРЪ.

АСИРЪ *[отходя]*

Фу! Какая дурища!

БУРДА.

Ты дурачища.

ЯВЛЕНІЕ 7.

БУРДА и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ.

Ты называешь дуракомъ ево, а онъ тебя; оба ли вы говорите на стать, или для поговорки только? Да полно господа лгать не станутъ. Ей, машка! Нарядитесь и вы въ такое же платье какъ я, что бы и люди васъ узнали что вы дураки: а безъ тово по чему узнаешь?

БУРДА.

Пойдижъ вонъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

БУРДА *[одна]*

Заѣла я свою молодость, вышедъ за едакова урода. А я ему никогда не дѣлала измѣны: да и нынѣ ево люблю. Человѣкъ онъ доб-

доброй и не глупой; да что и въ ево добротѣ и разумѣ, когда мнѣ онъ досаждаетъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

БУРДА и РОЗМАРИНЪ.

РОЗМАРИНЪ.

Ерастъ будетъ, сударыня.

БУРДА.

Хотя вы оба сквозь землю провалитесь.

РОЗМАРИНЪ.

За что такая немилость?

БУРДА.

За что ни есть.

РОЗМАРИНЪ.

Меня, сударыня, посылалъ баринъ.

БУРДА.

У меня разума въ мизинцѣ больше, нежели въ обѣихъ вашихъ головахъ.

РОЗМАРИНЪ.

На что мнѣ и разумъ, когда онъ безъ покрышки?

БУРДА.

У меня безъ покрышки разумъ?

РОЗ-

РОЗМАРИНЪ.

Нѣтъ сударыня! Я не къ вамъ ето говорю: а говорю, чшо на чшо мнѣ разумъ, когда онъ не покрытъ.

БУРДА.

А мой покрытъ: да и гораздо покрытъ.

РОЗМАРИНЪ.

Кшо инако о васъ и думаетъ?

БУРДА.

Да хотя думай, хотя нѣтъ.

РОЗМАРИНЪ.

У васъ сударыня, умъ съ покрышкой; однако конечно господа всякïе есть: вишь и лошади не одинаковы: иную въ карешу впрягаютъ, а иную въ шелѣгу.

БУРДА.

Коли бы я лошадь была; я бы конечно шелѣги не возила: едакая кобылица годилася бы и на стойло.

РОЗМАРИНЪ.

Избавь Боже отъ шакова заводу! И ежели бы жеребята то отъ васъ укидывалися по машушкѣ, шакъ бы они и дышлы, и оглобли, и колеса всѣ переломали.

БУР-

БУРДА.

Такъ бы я по твоему ни куда не годилася?

РОЗМАРИНЪ.

Етова сударыня, я не говорю.

БУРДА.

Да чтожъ ты говоришь?

РОЗМАРИНЪ.

Я говорю, что вы съ лишкомъ ретивы, такъ васъ бы не только впрячи куда, да и обуздать бы было трудно, и ради того вы родилися человѣкомъ а не лошадью. Когда бы вы изуродовали возницу будучи лошадью, такъ бы ето и пропало; по тому что лошади законамъ не подчинены; хотя и люди то не всѣ законамъ повинуются.

БУРДА.

Да лошадей то и безъ вины стегаютъ.

РОЗМАРИНЪ.

Стегаютъ и людей безъ вины иные господа: да и продаютъ ихъ такъ же какъ и лошадей.

БУРДА.

Да вить между неблагороднова то человѣка и лошади и разности то не много.

РОЗМАРИНЪ.

Мы, сударыня, ни воронопѣгими ни гнѣдопѣгими никогда не рождаемся: да все такими же шерстьми, какими и вы, и сѣна не ядимъ.

БУРДА.

Какъ то ни есть: да вы не дворяня.

РОЗМАРИНЪ.

Не дворяня, не дворяня! будто дворянское то имя и перьвое на свѣтѣ достоинство! Будто ето великое тогда шипло, когда я лицемъ ко ставцу сѣсть не умѣю.

БУРДА.

Да ты посмотри различїе и осанки нашей. . .

РОЗМАРИНЪ.

Индѣйской пѣтухъ и васъ осанистяе; да вить не говоритъ же о немъ: его высокопревосходительство.

БУРДА.

Индѣйской-атъ пѣтухъ почтенняе холопа; они у насъ и на столахъ бываютъ: а вы стоите за нашими стульями.

РОЗМАРИНЪ.

Я, сударыня, етой чести не желаю, что бы

бы меня изжарили; лутче живому быть за стуломъ, нежели жареному на столѣ.

ЯВЛЕНІЕ 10.

БУРДА, РОЗМАРИНЪ и ФИНЕТТА.

ФИНЕТТА.

Ерастъ пріѣхалъ, сударыня.

БУРДА.

Повѣсься къ нему на шею.

ФИНЕТТА.

Ето не учтиво, сударыня, ежели служанка господину на шею повѣсится; не изволише ли вы ему ету здѣлать честь?

БУРДА.

Помнишь ли ты то, что я барыня твоя?

ФИНЕТТА.

Да и онъ боярской сынъ, и женихъ моей барышнѣ.

БУРДА.

Такъ вы съ нею и вѣшайтеся ему на шею. А я ни тебя, ни ево, не хочу и видѣть.

ЯВЛЕНІЕ 11.

ФИНЕТТА *[одна]*

Она съ ума спятила, да и насъ видно всѣхъ съ ума сведетъ. Едакая барыня!

ЯВЛЕНІЕ 12.

РОЗМАРИНЪ, ФИНЕТТА, и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ.

Братья! Женихъ-атъ далъ мнѣ денежку! да вся вызолочена. Куплю себѣ чирики, покамѣсть позолота не слиняетъ: ешша купилъ я позолоченой пряникъ, а онъ и полинялъ; видно что то Руской золотилъ: а денежку то золотилъ иноземецъ: смотриште-шка, какъ жаръ горитъ: екая денежка! у меня еще двѣ денежки есть: и тѣ отдамъ позолотить. . . . Что братъ! Богатая денежка!

РОЗМАРИНЪ.

Богатая: да не потеряй ее.

ДУРАКЪ.

Она у меня на шеѣ, въ машонкѣ будетъ. . . . Сестра! Знатная денежка!

ФИНЕТТА.

Знатная: да у тебя ее кто нибудь выманитъ.

ДУ-

ДУРАКЪ.

Меня не скоро оплетутЪ. А блиновЪ и горохова киселя я ѣсть не стану, какЪ бы я ни проголодался.

РОЗМАРИНЪ.

Для чево такЪ?

ДУРАКЪ.

Етта за два блина, да за краюху киселя взяли сЪ меня серебряной пятикопеишникЪ, гораздо больше етой денежки; такЪ дворецкой нашЪ говорилЪ: обманули де тебя, етотЪ де пятикопеишникЪ былЪ полтинной. Сестра! Вить полтина пятикопеешника дороже?

ФИНЕТТА.

ВЪ десятеро дороже.

ДУРАКЪ.

Едакія они добрыя люди! . . . Чево ето десяцкія то смотрятЪ? Едакія обманщики и до умныхЪ доберутся! . . . ВЪ МосквѢ едакЪ и дураковЪ не будетЪ.

РОЗМАРИНЪ.

Етова товару много, и не скоро ево выкупишь.

ДУРАКЪ.

Сестра! На што меня бояра то держатъ? Вить я пѣсенъ пѣть не умѣю.

ФИНЕТТА.

Ты человѣкъ доброй; а умеръ бы ты съ голоду, ежели бы тебя люди не кормили и не поили?

ДУРАКЪ.

Да я и ѣмъ и пью самъ.

РОЗМАРИНЪ.

Дураки въ великой модѣ: будетъ ли такое когда время, что бы въ такой модѣ были разумныя люди!

ДУРАКЪ.

Умныя то не въ диковинку; а насъ мало.

РОЗМАРИНЪ.

Много; да не многія въ едакомъ платьѣ ходятъ. . . . Пойдемъ Финетта; спросятъ насъ за чѣмъ нибудь.

ЯВЛЕНІЕ 13.

ДУРАКЪ *[одинъ.]*

Нѣтъ меня щастливяе во всей Москвѣ! ѣмъ, пью, сплю, одѣваюсь, обуваюсь хорошо. Голова

ва у меня ни когда не болитъ: брюхо не вурчитъ: да у меняжъ еще и золотая денежка. Всѣ меня любятъ, и мнѣ многія говорятъ то: не дерись, не лги, не крадь, не бранись, не обманывай, люби и почитай господъ, въ праздники ходи въ церьковь: и ежели де ты ето дѣлати станешь, такъ тебѣ хорошо и на томъ свѣтѣ будетъ; а я все ето дѣлаю, зовутъ меня дуракомъ; да самыя то умныя люди въ старину бывали, а нынѣ ихъ и всѣхъ то сказываютъ не много: такая ли въ старь работа бывала! Что нынѣ ни здѣлаютъ, портится скоро: а солнце то да мѣсяцъ не испорчены еще и по нынѣ, да и починки имъ не надобно.

ЯВЛЕНІЕ 14.

АСИРЪ, ЕРАСТЪ, РОЗАЛІЯ, и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ.

Женихъ! Я на твою денежку куплю себѣ чирики; да не слѣзетъ ли съ нея позолота?

ЕРАСТЪ.

Нѣтъ.

АСИРЪ.

Пойди теперь отселѣ.

ДУРАКЪ.

А рукавицы то?

АСИРЪ.

Будутъ, будутъ.

ДУРАКЪ.

Да не такія какъ извощики носятъ: у нихъ чорныя; а мнѣ ты красныя посулилъ.

АСИРЪ.

Хорошо! Пойди, пойди.

ДУРАКЪ.

Не солгижъ Баринъ!

ЯВЛЕНІЕ 15.

АСИРЪ, ЕРАСТЪ и РОЗАЛІЯ.

АСИРЪ.

Радуюся, что и ваше и мое желаніе къ окончанію приходитъ.

ЕРАСТЪ.

А вы, сударь, будете во мнѣ имѣть не зятя, да сына.

ЯВЛЕНІЕ 16.

АСИРЪ, ЕРАСТЪ, РОЗАЛІЯ, и БУРДА.

[Бурда, услышавъ Ерастову входя рѣчь]

А я въ тебѣ ни сына, ни зятя видѣть не хочу.

АСИРЪ.

Что онъ тебѣ здѣлалъ?

БУРДА.

Слыхано ли ето! Зговаривати дочь безъ матери!

АСИРЪ.

Да не сама ли ты не пошла, какъ я и Розалія тебя ни просили? И не ты ли сказала: зговаривайтеся безъ меня?

БУРДА.

Что бы я ни сказала; да я мать.

АСИРЪ.

На чтожъ ты такъ давиче и сказала?

БУРДА.

Какъ я ни сказала, и что я ни говорила: а етому не бывать.

АСИРЪ.

Для чево?

БУРДА.

Мнѣ твое для чево, пуще смерти. . . Не выдаю я дочери за нево.

АСИРЪ.

Да я выдаю.

БУРДА.

Врешь ты.

АСИРЪ.

Пойдижъ вонъ дура.

БУРДА.

Ежели ты ето безъ меня Розалія здѣлаешь; такъ ты мнѣ не дочь.

ЯВЛЕНІЕ 17.

АСИРЪ, ЕРАСТЪ и РОЗАЛІЯ.

ЕРАСТЪ.

Нравъ ея очень тяжелъ.

АСИРЪ.

Несносенъ.

ЕРАСТЪ.

Чтожъ намъ, ко исполненію нашева предпріятія, начинать?

АСИРЪ.

Зговаривать васъ, не взирая на ея брѣдни.

РОЗАЛІЯ.

Не лутче ли попытаться ее уговорить?

АСИРЪ.

АСИРЪ.

Уговоритъ ее ни чѣмъ не можно; она ни какихъ доводовъ никогда не принимаетъ, и кромѣ ворожей ни кому не вѣритъ.

ЕРАСТЪ.

Всево бы лутче было, ежели бы какова бродягу сыскать и употребить ево на пользу.

АСИРЪ.

А вотъ я подумаю, какъ бы до етова дойти, ежели можно.

ЯВЛЕНІЕ 18.

ЕРАСТЪ и РОЗАЛІЯ.

РОЗАЛІЯ.

Не повѣришь ты возлюбленный мой Ерастъ, какая мнѣ отъ своенравія матушкина каторта. Коли бы ето было временно; такъ бы уже тѣ часы помучився послѣ отдохнуть было можно. А то нѣтъ ей ни поста, ни праздника мнѣ къ отдохновенію. И каторжники отдыхаютъ, а я никогда: тѣмъ только облегчаюся, что я къ етому уже привыкла.

ЕРАСТЪ.

Мы въ другомъ домѣ жить будемъ, хотя ба-

батюшка вашъ и уговаривалъ меня къ вамъ переѣхать.

РОЗАЛІЯ.

Избави тебя господи!

ЕРАСТЪ.

Батюшка и самъ послѣ сказалъ такъ: хотя де у меня и одна дочь; однако лутче вамъ жить особливо, что бы не было, а паче непривычному человѣку, всечаснова беспокойства.

ЯВЛЕНІЕ 19.

ЕРАСТЪ, РОЗАЛІЯ и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ.

Какой то къ намъ пріѣхалъ. . . Пришолъ ли чтоль. . . Куда какой! . . . Да такой страшной! . . . Спѣсивой. . . . Ни на ково не смотритъ. . . Ни водки, ни пива не пьетъ. . . Такъ сказали. . . . Привезли ево больша изъ за моря. . . Фу какой!

РОЗАЛІЯ.

Кто ето?

ДУРАКЪ.

Я не знаю. . . . Онъ и глазъ не кажетъ

. . .

. . . спиною смотритъ на всѣхъ. . . . Конешно у нево и на спинѣ глаза.

РОЗАЛІЯ.

Да кто онъ?

ДУРАКЪ.

Вить я ево въ лицо не видалъ.

РОЗАЛІЯ.

Да какъ говорятъ о немъ?

ДУРАКЪ.

Какъ говорятъ! Да къ нему никто и подступить не смѣетъ.

РОЗАЛІЯ.

Гдѣ они едакова урода подцѣпили?

ЕРАСТЪ.

Нарядили ково нибудь.

РОЗАЛІЯ.

Кто подъ бродягу поддѣлаться умѣетъ?

ДУРАКЪ.

Да наряженъ, и въ едакое платье, какъ наши братья дураки по Москвѣ ходятъ.... Ни какъ и онъ тойже сташи! . . . Да ето чудно: дуракъ, а спѣсивъ.

ЕРАСТЪ.

Дураки всѣ спѣсивы.

ДУ-

ДУРАКЪ.

Не дѣло говоришь, бояринъ; я первой не спѣсивъ.

ЯВЛЕНІЕ 20.

ЕРАСТЪ, РОЗАЛІЯ, ФИНЕТТА и ДУРАКЪ.

ФИНЕТТА.

Какой то мудрецъ у насъ.

РОЗАЛІЯ.

Мы дознались, что нашъ Дуракъ ево видѣлъ. Да гдѣ онъ?

ФИНЕТТА.

Въ людской сидитъ комнатѣ: люди всѣ высланы; да и окошки зашворены.

ЕРАСТЪ.

Для чево ето?

ФИНЕТТА.

Что бы солнце во глаза ему не свѣтило и не мѣшало размышлять.

РОЗАЛІЯ.

Да какъ же ты ево видѣла?

ФИНЕТТА.

Онъ къ людямъ спиною сидитъ: а я ево видѣла въ спину.

ду-

ДУРАКЪ.

Солгалъ ли я вамъ. И въ дурацкомъ платьи, Финетта? Такъ ли?

ФИНЕТТА.

Во странномъ, матушка, онъ платьи.

ДУРАКЪ.

Вотъ бояра! все правда.

РОЗАЛІЯ.

Ну какъ онъ навретъ матушкѣ то что намъ не въ пользу? . . . Отнеси къ нему, Финетта, имперіялъ.

ФИНЕТТА.

Да онъ не возметъ.

РОЗАЛІЯ.

Возметъ, вить онъ ворожея: ворожеи деньги любятъ: возьми, и протолкуй ему, что мнѣ надобно.

ДУРАКЪ.

Боярыня! Много ты дала: цѣлой пятикопеишникъ, да еще и позолоченой, вить позолоченыя то пятикопеишники дороги!

РОЗАЛІЯ.

Отнеси Финетта.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 21.

ЕРАСТЪ, РОЗАЛІЯ и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ.

Барышня! А мнѣ ты такова подарка не дашь! Женихъ-атъ твой не такъ скупъ.

ЕРАСТЪ.

Вотъ тебѣ еще золотая денежка.

РОЗАЛІЯ.

Вотъ и отъ меня.

ДУРАКЪ.

Да не копейкиль полно ето?

ЕРАСТЪ.

Конечно копейки, а не денежки.

ДУРАКЪ.

Ой?

РОЗАЛІЯ.

Конечно.

ДУРАКЪ.

Такъ у меня цѣлой позолоченой алтынъ; и сапоги куплю, да и грешнивиковъ подхвачу; а остальное отдамъ нищимъ; вишь и они ѣсть хотятъ. Бояринъ! Вить какъ нищему що ни кто не подастъ; такъ онъ и съ голоду умретъ.

ЕРАСТЪ.

ЕРАСТЪ.

Ето правда.

РОЗАЛІЯ.

Посмотримъ, дорогой Ерастъ, какой успѣхъ мы получимъ, и етотъ ханжа исправитъ ли то, чево отъ нево требуется нами. Дожидайся своево щастія: ушѣшайся надеждою: а я поговорю съ Финеттою.

ДУРАКЪ.

Я грешнивиками та и васъ накормлю.

ЯВЛЕНІЕ 22.

РОЗАЛІЯ *[одна.]*

Надежда ободряетъ меня, а страхъ во трепетъ меня приводитъ.

ЯВЛЕНІЕ 23.

РОЗАЛІЯ и ФИНЕТТА.

РОЗАЛІЯ.

Истолковала ли ты ему чево мы хотимъ?

ФИНЕТТА.

На что ему толкованіе; онъ вѣдаетъ о всемъ и безъ рапорта моево. Говорятъ, будто онъ и то, что у ково на умѣ, вѣдаетъ.

РОЗАЛІЯ.

Полно врать Финешта.

ФИНЕТТА.

Да какъ же онъ наши то обстоятельства всѣ подноготно вѣдаетъ, и знаетъ имена: и ваше и вашева жениха, и мое, и Розмариново?

РОЗАЛІЯ.

Ему ето все сказали.

ФИНЕТТА.

Нѣтъ, матушка, ни кто не сказывалъ.

РОЗАЛІЯ.

Чтожъ?

ФИНЕТТА.

А онъ меня узналъ и назвалъ именемъ.

РОЗАЛІЯ.

Сказали о тебѣ.

ФИНЕТТА.

Ни кто къ нему не подходилъ, и ни кто видя меня что я къ нему иду, не предускорилъ етова ему сказать. . . . Вить я, сударыня, въ полной памяти, и ето не во снѣ видѣла!

РОЗАЛІЯ.

Какъ то ужъ ни есть: а узнать ему тебя безъ предувѣдомленія, не естественно.

фи-

ФИНЕТТА.

Матушка! Да вить онъ не естественной человѣкъ: онъ ворожея.

РОЗАЛІЯ.

Какъ ты деньги то ему отдавала?

ФИНЕТТА.

Я пришла, и молвила сперьва: ваше превосходительство, такъ онъ промолчалъ: по томъ ваше сіятельство; по томъ ваше благоутробіе: наконецъ онъ сквозь зубы, тихимъ голосомъ сказалъ: преизящество.

РОЗАЛІЯ.

Всѣ титлы выговоренныя тобою ему не принадлежатъ. . . .

ФИНЕТТА.

Преизящество то онъ себѣ наименовалъ: онъ же въ лѣсу, гдѣ то живетъ.

РОЗАЛІЯ.

А въ лѣсахъ и медвѣди живутъ, такъ и ихъ по етому преизящными называть! . . . Ну что по томъ?

ФИНЕТТА.

Я сказала что я пришла къ нему доложить о нуждѣ: знаю не только всѣ нужды

ваши, но и всѣ ваши помышленїя, Финетта, отвѣчалъ онъ и почалъ всѣхъ насъ называть поимянно, и о всемъ томъ, чево мы отъ нево требуемъ; какъ будто вѣкъ жилъ онъ съ нами. Изволите принять ваше презящество имперїялъ, говорила я, за милостивое о насъ попеченїе, и будь намъ покровитель: все отвѣчалъ будетъ, яко вы хощете: а злато возложи на главу мнѣ: я ему имперїялъ-атъ на голову положила: и спрашивала, возметъ ли онъ и у меня что за неоставленїе меня: чесо ради не воспрїяти подаваемаго? Да какїя ты пѣнязи, то есть монеты, то есть деньги хощеши ми подати, спрашивалъ онъ: а я отвѣчала четверть рубля: сребреныя или мѣдныя, спрашивалъ онъ: аще сребреныя, подай мнѣ въ руку: аще же мѣдныя, повергни при стопахъ моихъ, и изыди отселѣ: я деньги ему и бросила, онъ самъ такъ велѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ 24.

АСИРЪ, ЕРАСТЪ, РОЗАЛІЯ и ФИНЕТТА.

РОЗАЛІЯ.

Что ето, батюшка, за ворожея?

АСИРЪ.

АСИРЪ.

Какое тебѣ до етова дѣло? Знай себя, да гошовься ко зговору.

ЕРАСТЪ.

Мы ето знаемъ: а тебѣ етова до времяни знать не надобно: послѣ свѣдаешь.

РОЗАЛІЯ.

Конечно вы ково нибудь бродягою шо нарядили?

АСИРЪ.

Нѣтъ.

ФИНЕТТА.

Куда какой онъ премудрой!

ЕРАСТЪ.

Ежели бы не былъ онъ излишнею премудростїю исполненъ; сталъ ли бы онъ шалить.

АСИРЪ.

Пойди же Финетта, да скажи женѣ, что пришолъ къ намъ перьвостепенной колдунъ.

ФИНЕТТА.

Слышу, сударь!

ЯВЛЕНІЕ 25.

АСИРЪ, ЕРАСТЪ, и РОЗАЛІЯ.

РОЗАЛІЯ.

Конечно ето шутка!

АСИРЪ.

Не шутка: а ханжи едакія и всѣ таковы; такъ чему дивиться? Пускай онъ брѣдитъ: а намъ будетъ польза.

РОЗАЛІЯ.

Не будетъ ли изъ етова намъ какова поношенія, что мы едакова ханжу въ домъ пустили?

АСИРЪ.

Крайность извиняетъ насъ; матери твоей, кромѣ бродяги ни кто не уговоритъ.

РОЗАЛІЯ.

Да какъ не поимаютъ едакова бродягу?

АСИРЪ.

Думаютъ о немъ то, что онъ сумасшедшій.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 26.

АСИРЪ, ЕРАСТЪ, РОЗАЛІЯ и ФИНЕТТА.

ФИНЕТТА.

Сказала я боярынѣ. . . . Она ошъ радости внѣ себя.

АСИРЪ,

Что она говоритъ?

ФИНЕТТА.

Велѣла ево привести въ верьхъ: я ешо въ низу сказала: и ужъ ево ведутъ.

АСИРЪ.

Подожди же ты здѣсь, и съ нимъ побудь, поколь жена прийдетъ: мы допустимъ ее прежде съ нимъ переговорить, и здѣлаемъ ей ету честь.

ФИНЕТТА.

Да я одна то на единѣ съ нимъ быть боюся.

АСИРЪ.

Вить онъ тебя не съѣстъ!

ЯВЛЕНІЕ 27.

ФИНЕТТА *[одна.]*

Куда великіе то люди страшны! Страшняе волка: а еще мудрецовъ то хваляшъ: на что мудрости такія, которыя людей: обезображиваютъ и отводятъ отъ природныя простоты!

ЯВЛЕНІЕ 28.

ФИНЕТТА и ВОРОЖЕЯ.

ВОРОЖЕЯ.

Рцы чадо, скоро ли прийдетъ семо начальница дома сего, и возвѣсти ми пришествіе ея.

ФИНЕТТА.

Скоро прийдетъ.

ВОРОЖЕЯ.

Возвѣсти ми дщи: гдѣ днесь супругъ ея, и Розалія чрева ея плодъ?

ФИНЕТТА.

Всѣ прийдутъ: а сперьва прийдетъ барыня. . . Да скажи и мнѣ что ни будь хорошенькова.

ВОРОЖЕЯ.

Покажи ми сердце свое!

ФИНЕТТА.

Да оно у меня въ нутри! а съ наружи ево не видно.

ВОРОЖЕЯ.

Проникну очами.

ФИНЕТТА.

Господинъ ворожея, я вить не стеклянная.

ВОРОЖЕЯ.

Буди яко ты хощеши. . . . Не возрѣла ли ты на ково съ любожеланїемъ?

ФИНЕТТА.

Что ето такое?

ВОРОЖЕЯ.

Не пала ли ты когда мыслїю, на какова мущину?

ФИНЕТТА.

Какъ не пала, я объ одномъ человѣкѣ и день и ночь мышлю.

ВОРОЖЕЯ.

Унѣе еще что не о многихъ. . . . Ково возлюбила ты?

ФИНЕТТА.

Въ нашемъ домѣ слугу.

ВОРОЖЕЯ.

КакЪ именуется?

ФИНЕТТА.

Розмаринъ: . . . Любитъ ли онъ меня, и будуль я за нимъ?

ВОРОЖЕЯ.

О дѣво! Нещастная дѣво!

ФИНЕТТА.

Что такое?

ВОРОЖЕЯ.

Не имаши быти ему женою; не хощетъ бо тя въ жену пояти.

ФИНЕТТА.

Ахъ! . . . А я твердо уповала, что онъ меня любитъ.

ВОРОЖЕЯ.

Горе тебѣ, дѣво!

ФИНЕТТА.

КакЪ не горе! Я сама на себя руки подыму; я ево какъ душу любила: едакой обманщикъ!

ВОРОЖЕЯ.

Забуди ево, и меня возлюби, недостойнаго возрѣти на красоту твою.

ФИ-

ФИНЕТТА.

О! . . . Такъ ты плутъ.

ВОРОЖЕЯ.

Поцелуй меня душенька Финетушка.

ФИНЕТТА *[хочетъ итти.]*

А вотъ я о тебѣ раскажу; такъ тебя выгонятъ.

ВОРОЖЕЯ.

Постой, постой! . . . Посмотри на меня Финетта!

ФИНЕТТА.

Едакъ ты преобразился! . . . Фу батька напугалъ меня.

ВОРОЖЕЯ.

Спасибо тебѣ, мое сокровище, что ты меня столько любишь.

ЯВЛЕНІЕ 29.

БУРДА, ФИНЕТТА и ВОРОЖЕЯ.

БУРДА.

Скажи мнѣ что доброе.

ВОРОЖЕЯ.

Погибаеши, окаянная.

БУР-

БУРДА.

АхЪ, преизящный!

ВОРОЖЕЯ.

Много твориши беззаконїя, и нѣсть ни единыя минуты, воеже бы не шумѣти тебѣ: отЪ гласа твоего вся улица трепещетЪ.

БУРДА.

Да какЪ ваше преизящество, не шумѣть! ВотЪ и теперь слуга провалился сквозь землю, и не знаю гдѣ ево сыскать. РозмаринЪ! РозмаринЪ!

ВОРОЖЕЯ.

Изжени ево изЪ дома, и аще имать жену, изжени. . .

БУРДА.

ОнЪ холостЪ. . .

ВОРОЖЕЯ.

Не имать ли невѣсты или любовницы?

БУРДА.

ВотЪ на етой дѣвкѣ женишься хочетЪ; да и ее избаловалЪ; только и дѣла ей что на нево глаза пялитЪ.

ВОРОЖЕЯ.

Дѣво, изыди изЪ дома сего: не возмущай души сея миролюбивыя боярыни!

БУР-

БУРДА.

Я етому и рада.

ФИНЕТТА.

За что вы меня хотите выгнать?

БУРДА.

Молчижъ, дура! . . . Вотъ какія досады!

ВОРОЖЕЯ.

Безмолвствуй дѣво!

ФИНЕТТА.

Да мнѣ одной то, изъ дома не хочется.

БУРДА.

Вотъ высокопреизящный! . . . Съ двора долой негодная!

ФИНЕТТА.

Мнѣ и отъ тово польза: за Розмарина ийти я раздумала; такъ я ево и избавлюся.

БУРДА.

А я тебя сильно за нево выдамъ.

ФИНЕТТА.

Силою не обвѣнчаютъ.

БУРДА.

Вотъ, сіятельно-премудрый! . . . Можно ли съ едакими людьми ужиться! Я думаю чтобъ они и твое благоговѣніе смутили!

ВО-

ВОРОЖЕЯ.

Твердѣ есмь и постояненъ, а ты аще не хощеши смиренномудрїя ; исчезнешь : горе тебѣ !

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

[Всѣ]

АСИРЪ.

Поговорилаль ты съ нимъ, Бурда ?

ВОРОЖЕЯ.

Глаголахъ; но не обрѣтохъ во сердцѣ ея ни коего блага.

ЕРАСТЪ.

Какое благо, когда свою крушитъ дочь!

БУРДА.

Передъ такимъ мудрымъ мужемъ, ты меня едакъ обносишь !

ЕРАСТЪ.

Я ево высокоблагоутробїю доношу правду.

ВОРОЖЕЯ.

И змїя птенцовъ своихъ не поядаетъ.... Рцы ми чадо: чѣмъ крушишъ она дщерь свою?

БУРДА.

Молчи, Ерастъ! Или я съ тобой гостинцы то раздѣлю.

ВО-

ВОРОЖЕЯ.

Вѣмъ и безъ рѣчей его, яко разлучаетъ бракъ; сотвори яко же хотятъ.

БУРДА.

Ето очень тяжело мнѣ, премудрый!

[Розаліи.]

Я тебя, безсовѣстная!

РОЗАЛІЯ.

А я въ чемъ виноватa?

ВОРОЖЕЯ.

Погибнешь окаянная, аще не угомонишися и дщери препятствовати будеши.

БУРДА.

Что мнѣ дѣлать! Да дай мнѣ подумати, высоко-великій мудрецъ.

ВОРОЖЕЯ.

Рцы!

БУРДА.

Ахъ, мудрый мудрецъ!

ВОРОЖЕЯ.

Рцы!

БУРДА.

Выходи, воровка, за ково ты хочешь! Я тебя благословляю, хотя и не хочу.

ВОРОЖЕЯ.

А дѣвушку то изжени и съ тѣмъ . . . какъ бишь ево зовутъ?

ФИНЕТТА.

Розмариномъ.

ВОРОЖЕЯ.

Изжени и съ Розмариномъ.

БУРДА.

Объ етомъ дѣлѣ и говорить не чево: провалитесь они сквозь землю.

ЕРАСТЪ.

Такъ ето и о насъ и о нихъ свое благоволенїе заручите: а вотъ оно и написано.

БУРДА.

Да на что ето?

ЕРАСТЪ.

А на то, что бы вы послѣ не властны были етова перемѣнить, и не винили бы дочери, что она вышла за мужъ безъ воли вашей.

БУРДА.

На что подписывать; пропастъ васъ и безъ подписки поглотить можетъ.

ВОРОЖЕЯ.

Идѣже слово твое, тамо и рука твоя да будетъ!

БУР-

БУРДА *[становится на колѣни.]*

Помилуй превысоковсещедрѣйшій, и избавь меня отъ едакой напасти!

ВОРОЖЕЯ.

Аще едино противно слово речеши, абіе погибнеши.

БУРДА.

Дай мнѣ хотя постонати.

ВОРОЖЕЯ.

Подпиши, и послѣ стонай елико хощеши.

БУРДА *[встаетъ и подписываетъ.]*

ДУРАКЪ.

А о шапкѣ то моей вы и не написали: . . Умникъ!... Не слышитъ!... Разумникъ!... Не слышитъ . . . Зайти передъ нево . . . А!. . . Да ето Розмаринъ нашъ!. . .

БУРДА.

Розмаринъ!

ДУРАКЪ.

Здравствуй, братъ въ етомъ чину: да насъ не забудь: а шапку то вели . . .

БУРДА.

Розмаринъ!

ДУРАКЪ.

Вить бумага то не вся исписана; примолвте и о шапкѣ то.

БУРДА.

Что ето!

АСИРЪ.

СЪ едакой сумазбродной, что иное и дѣлать!

БУРДА *[брося въ мужа башмакъ,]*

Чтобъ тебѣ и въ тартарѣ мѣста не было!

[Брося другой башмакъ въ Розмарина.]

Чтобы ты и съ невѣстою своею исчезъ, и что бы твоего праха не осталось!

[Ерасту и Розаліѣ.]

А вы бы ссорилися и бранилися и денно и нощно, и грызлися бы какъ собаки!

АСИРЪ.

А ты бы впредь молчала! А ежели не такъ, такъ я тебя и со двора собью.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ПРИДАНОЕ
ОБМАНОМЪ,
КОМЕДІЯ
АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Дѣйствующія лица.

САЛИДАРЪ.

МИРСАНЪ, Братъ ево.

ТЕЛИДА, Служанка ево.

ПАСКВИНЪ, Слуга ево.

ПОДЪЯЧІЙ.

Дѣйствіе въ домѣ Салидаровомъ.

ПРИДАНОЕ ОБМАНОМЪ, КОМЕДІЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

САЛИДАРЪ и ПАСКВИНЪ.

ПАСКВИНЪ.

Какъ етому статься?

САЛИДАРЪ.

Ежели бы ты вчера былъ дома; такъ бы етому повѣрилъ: я испорченъ, и кликуши на свѣтѣ есть; я вчера весь день ужомъ и жабой мѣшался и самъ кликалъ.

ПАСКВИНЪ.

Кликалъ?

САЛИДАРЪ.

И кукушкой куковалъ, и кошкой мяукалъ,

калъ, и медвѣдемъ ревелъ, и волкомъ былъ, и собакой лаялъ.

ПАСКВИНЪ.

Точно кричалъ такъ?

САЛИДАРЪ.

Точнехонько.

ПАСКВИНЪ.

Хотѣлъ бы я етова послушать.

САЛИДАРЪ.

Вотъ едакъ: мяу, мяу! куку, куку!

ПАСКВИНЪ.

Кукушкай та куковать и я бы поучился.

САЛИДАРЪ.

На что?

ПАСКВИНЪ.

Я бы отъ етова скоро разжился: сталъ бы узнаватъ, кому сколько лѣтъ жить; объ етомъ только знаютъ одни Хиромантики, да кукушки. Не былъ бы я больше холопомъ у тебя, и былъ бы самъ таковъ богатъ, какъ ты.

САЛИДАРЪ.

Какое у меня богатство! пожри меня земля, ежели я не нищій: а что Пасквинъ, не въ

въ прямъ ли тому разжиться можно, кто кукушкой то куковать умѣетъ?

ПАСКВИНЪ.

Ето дѣло вѣдомое. Правда, что кукушкѣ не такъ прибыльно, какъ Хироманшику; кукушка знаетъ только то, сколько кому лѣтъ жить, а Хироманшикъ знаетъ то все, что кому ни будетъ. Намнясь Хироманшикъ узналъ то все, что со мною здѣлается, за цѣлые два дни, и такъ какъ обрѣзалъ.

САЛИДАРЪ.

Узналъ?

ПАСКВИНЪ.

Все, что ни есть.

САЛИДАРЪ.

А что такое?

ПАСКВИНЪ.

Звали меня на имянины: а мнѣ туда не хотѣлось, какъ будто сердце слышало, что быть худу? такъ я ево спрашивалъ ийти ли мнѣ туда или нѣтъ, и казалъ ему руку: не ходи, говорилъ онъ; ты будешь тамъ пить, будешь пьянъ, и будетъ у тебя на завтрѣ голова болѣть: и все ето збылось.

САЛИДАРЪ.

Нѣтъ, я думаю, что Хироманшикъ лут-

че кукушки; я самъ нынѣ кукушка; однако не вѣдаю, переживу ли я ету недѣлю: а онъ ето, я чаю, знаетъ.

ПАСКВИНЪ.

Какъ ему не знать! Да что тебѣ здѣлалось?

САЛИДАРЪ.

Испорченъ и умираю.

ПАСКВИНЪ.

Чѣмъ ты испорченъ, и отъ чево умираешь?

САЛИДАРЪ.

Тѣмъ я испорченъ, отъ чево я умираю; а умираю отъ тово, чѣмъ я испорченъ.

ПАСКВИНЪ.

Какъ ето на тебя нашло?

САЛИДАРЪ.

Захотѣлося мнѣ соленой поѣсть бѣлужины; велѣлъ принести звѣно рыбы, и чашу изъ кислыхъ щей ботвинья: ѣлъ сколько душѣ угодно было: а какъ лишь только наѣлся; пришелъ жаръ, и въ голову шумъ; ошалѣлъ я: сталъ мѣтаться и кликушей кликать. Ночь я всю не спалъ: миновалося

клику-

кликушество; однако скорбь моя умножилась, и смерть моя приближается.

ПАСКВИНЪ.

Надобно полѣчиться.

САЛИДАРЪ.

Да полѣчиться то стоитъ денегъ.

ПАСКВИНЪ.

Такъ надобно умереть.

САЛИДАРЪ.

Все плохо, и то и другое.

ПАСКВИНЪ.

Я за свой животъ послѣднюю отдамъ копѣйку.

САЛИДАРЪ.

У тебя копѣйки тѣ дешевы.

ПАСКВИНЪ.

Такъ изволь умирать, коли тебѣ тяжелѣ разстаться съ двумя рублями, нежели со всею своею казною.

САЛИДАРЪ.

Съ двумя рублями?

ПАСКВИНЪ.

Какъ же; вить докторъ ни полушки меньше не возметъ.

САЛИДАРЪ.

Собачїй онъ сынъ, скажи ты ему: что бы я два рубли далъ за то, что онъ строкъ пять напишетъ! намедни у меня подъячїй исписалъ цѣлую десть, а взялъ только восемь копѣекъ, да выпилъ чарку водки; побѣги лутче по Хиромантика; коли онъ скажетъ, что я буду живъ, такъ я буду живъ и безъ доктора: а коли скажетъ умру; такъ и докторъ не пособитъ.

ПАСКВИНЪ.

И то правда.

ЯВЛЕНІЕ 2.

САЛИДАРЪ *[одинъ.]*

Дорога ты жизнь, ежели за тебя по два давать рубли! Вотъ какъ люди животолюбивы! когда бы ума, а не страстей слушали; такъ бы етова не было! будто жизнь и диковинка! жизнь у всякаго человѣка есть, а деньги не у всякова: разуменъ тотъ человѣкъ, кто ихъ нажить умѣетъ: а кто не умѣетъ; у тово нѣтъ разума: а безъ разума человѣкъ скотина; тѣмъ то человѣкъ скотины

шины и почтенняе, что онъ деньги имѣть можетъ. Вотъ етова я не могу поняти; за что тѣхъ казнятъ, которыя изъ собственнова своево имѣнія дѣлаютъ деньги. По етому ужъ изъ своей муки и пирога испечь не льзя. Часто мнѣ ето въ голову приходило, чтобъ дѣлать деньги, да трусость не допускаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

САЛИДАРЪ и МИРСАНЪ.

МИРСАНЪ.

Куда ты какъ невоздержень братецъ! мнѣ сказали, что ты вчера чуть было не умеръ отъ своей невоздержности.

САЛИДАРЪ.

Я повоздержняе тебя: а отъ злыхъ людей не убережешься.

МИРСАНЪ.

Коли тебѣ захотѣлось рыбы; такъ бы ты могъ поѣсти свѣжей, а не испорченой.

САЛИДАРЪ.

Да свѣжая та рыба кусается.

МИР-

МИРСАНЪ.

Однако здоровье всево дороже.

САЛИДАРЪ.

Дорого оно; однако на нево ни чево не купишь: а денежки дѣло великое; да трудно ихъ доставать; да кто ихъ и имѣетъ, такъ нынѣ отъ нихъ прибавки не много. Прежде сево брали по пятнатцати, по дватцати рублевъ и больше, со ста процѣнтовъ: а нынѣ только по шести рублевъ со ста приказано брать; не разоренье ли ето, а особливо добрымъ людямъ, которые денежки беречь умѣютъ? Такую то прибыль приноситъ государственной банкъ! однако многіе берутъ по прежнему, которые поумняе, и на ето не смотрятъ; ежели во всемъ поступать по Священному писанію, да по Указамъ, такъ и никогда не разживешься.

МИРСАНЪ.

За что всѣ люди правительство благодарятъ, за то ты негодуешь.

САЛИДАРЪ.

Негодую таки, негодую; да и по неволѣ негодуешь; все разорилось, пришли послѣдніе вѣки и скоро преставленіе свѣта будетъ.

МИР-

МИРСАНЪ.

У насъ день отъ дня все лутче становится.

САЛИДАРЪ.

Да! день отъ дня у насъ умножаются ереси и безбожіе.

МИРСАНЪ.

Какія ереси и какое безбожіе?

САЛИДАРЪ.

Ты самъ ерешикъ и безбожникъ.

МИРСАНЪ.

По чему?

САЛИДАРЪ.

По тому что ты молишся въ парикѣ: а парикъ та же шапка; да ты же отдалъ дѣтей учиться басурманскимъ языкамъ и басурманскимъ хитростямъ въ какую-то новую школу. Вотъ такъ то учился въ какой то школѣ, проклятой цыфирѣ мальчикъ, моего древняго приятеля внучекъ: да научился красть.

МИРСАНЪ.

Въ школахъ красть не учатъ.

САЛИДАРЪ.

Еще и волшебству учатъ; а ето еще и кражи хуже.

МИР-

МИРСАНЪ.

Какому волшебству?

САЛИДАРЪ.

Какъ же ето не волшебство! иноземецъ иноземцу побормочитъ бара, бара, бара! а тотъ ему самъ на то бара, бара, бара: и другъ друга разумѣютъ; отъ чево ето? да не только большїя, да и маленькїя, лѣтъ по пяти рабяша бармочатъ и другъ друга разумѣютъ. Для чево жъ я ихъ не разумѣю?

МИРСАНЪ.

Для тово, что ты ихъ языка не знаешь; у тебя свой языкъ, а у нихъ свой.

САЛИДАРЪ.

У всѣхъ языки одинакїе: и у нихъ такїе же какъ и у насъ.

МИРСАНЪ.

Я говорю о нарѣчїи.

САЛИДАРЪ.

Какое у нихъ нарѣчїе! бармотанье одно. Скоро научатся красть и твои дѣти; етотъ мальчикъ фамалїею повыше твоихъ дѣтей, да избаловался. Дѣдъ ево былъ регистраторъ, и за отечество повѣшенъ; по тому что многимъ

гимъ людямъ дѣлалъ онъ услуги, и помогалъ не только съ легка: да для нихъ строки выскребалъ, и вписывалъ то, что имъ на пользу было! протоколы вышаскивалъ. Отецъ ево остался сиротою; однакожъ большому разуму сиротство и убожество не помѣха. Хотя грамотѣ и не учился, однако научился блины печь, и расторговался: а по томъ будто по наслѣдству, для возобновленія знатности фамиліи своей, взялъ чернилы на откупъ; не для собственнаго своево прибытка, да для государственной пользы; что бы чернилы вздорожали, а враки писцовъ поумалились. Да и то великое дѣло, что онъ изъ одной чернилъ бутылки, дѣлаетъ ихъ по цѣлой дюжинѣ; а отъ тово въ казну собирается великая пошлина: и въ водку воду мѣшаютъ, а въ чернилы для чево не мѣшать? вить ихъ не пишь: а книгъ за грѣхи наши, что бы ими деньги вытягивать, и такъ ужъ довольно: а пошлины съ нихъ ни какой нѣтъ. О откупы, святые откупы! какую вы приносите государству пользу! а вы проклятыя науки лишь только ево разоряете! ништо вамъ

ученые

ученые люди, что дѣти ваши послѣ васъ по мiру шаскаются.

ЯВЛЕНIЕ 4.

САЛИДАРЪ, МИРСАНЪ и ТЕЛИДА.

ТЕЛИДА.

Пришолъ, сударь, Хиромантикъ.

САЛИДАРЪ.

Милости прошу вонъ; мнѣ надобно спросить ево, скоро ли я умру: а тебѣ до етова нѣтъ нужды; ты по мнѣ не наслѣдникъ; у меня есть дочь; да и ей наслѣдовать нечево.

МИРСАНЪ.

Я о наслѣдствѣ себѣ и не думаю.

САЛИДАРЪ.

Думаешь иль нѣтъ; только знай, что я человѣкъ убогой, бѣдной, нищiй, и не имѣю пропитанiя: не имѣю дневной пищи. Понялъ ли ты ето? не имѣю дневной пищи.

МИРСАНЪ.

Понялъ, понялъ.

СА-

САЛИДАРЪ.

А ты позови ево ко мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

САЛИДАРЪ *[одинъ.]*

Диво шако не умеретъ ли мнѣ! о! денежки, денежки! сударушки мои денежки! душеньки мои денежки! разставаться мнѣ съ вами; *[плачетъ]* однако не думайте вы, что бы я васъ кому оставилъ; оставлю ль я васъ дочери! вы мнѣ ее миляе: я во гробъ, и вы во гробъ со мною.

ЯВЛЕНІЕ 6.

САЛИДАРЪ, ПАСКВИНЪ *[Хиромантикомъ]* и ТЕЛИДА.

САЛИДАРЪ.

Господинъ Хиромантикъ, все ли ты знаешь то, что кому ни будетъ?

ПАСКВИНЪ.

И то что будетъ, и то что есть, и то что было.

САЛИДАРЪ.

Телида покажи ему прежде свою руку; чтобы я зналъ хорошее ли онъ сказываетъ.

О ТЕ-

ТЕЛИДА *[показываетъ Пасквину руку.]*

Пускай ево смотритъ.

ПАСКВИНЪ.

Рука твоя показываетъ дѣвушка, что ты молода, и хороша.

ТЕЛИДА.

Благодарствую. Что еще?

ПАСКВИНЪ.

Что тебя любитъ хозяинъ здѣшняго дому, а ты ево не любишь.

САЛИДАРЪ.

Правда, правда.

ПАСКВИНЪ.

Что онъ любитъ тебя для тово, что ты молода и хороша; а ты ево не любишь для тово, что онъ старъ и дуренъ.

САЛИДАРЪ.

Былъ и я, и молодъ и хорошъ.

ПАСКВИНЪ.

Что и слуга хозяйской Пасквинъ тебя любитъ, и что ты и сама ево не много любишь.

ТЕЛИДА.

Что онъ меня любитъ, ето правда; а что я ево люблю, ето не правда.

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

А для чево ты ево не любишь?

ТЕЛИДА.

Для тово что онЪ обманщикЪ, картежникЪ, мотЪ и пьяница.

ПАСКВИНЪ *[особливо]*

Ета пѣсенка мнѣ не очень пріятна.

ТЕЛИДА.

Еще что?

ПАСКВИНЪ.

Что ты жениха своей госпожи слугу любишь, и что и онЪ любитЪ тебя.

ТЕЛИДА.

А можетЪ быть онЪ меня и не любитЪ.

ПАСКВИНЪ.

А ты ево любишь?

ТЕЛИДА.

Что тебѣ до етова дѣла?

САЛИДАРЪ.

Посмотри жЪ у меня на руку, и скажи мнѣ долго ли я буду жить; только не испугай меня.

ПАСКВИНЪ.

Линія жизни у тебя очень хороша.

САЛИДАРЪ.

Право такЪ?

ПАСКВИНЪ.

Право такъ; однако. . .

САЛИДАРЪ.

Что такое?

ПАСКВИНЪ.

Я боюся, чтобъ тебя не испугать.

САЛИДАРЪ.

Другъ мой, помилуй ты меня!

ПАСКВИНЪ.

Линія жизни у тебя очень хороша.

САЛИДАРЪ.

Такъ чевожъ мнѣ пугаться?

ПАСКВИНЪ.

Однако. . .

САЛИДАРЪ.

Помилуй!

ПАСКВИНЪ.

Боюсь тебѣ сказать.

САЛИДАРЪ.

Премилосердый государь, помилуй!

ПАСКВИНЪ.

Линія жизни у тебя очень хороша, однако она недавно въ ешомъ мѣстѣ пресѣклась.

САЛИДАРЪ.

Охъ! . . . отъ чево такая бѣда здѣлалась? ПАС-

ПАСКВИНЪ.

Конечно ты наѣлся бошвинья, и испорченной рыбы.

САЛИДАРЪ.

Согрѣшилъ окаянный.

ПАСКВИНЪ.

Худо, да пособить нечемъ.

САЛИДАРЪ.

СколькихЪ же я лѣтъ умру?

ПАСКВИНЪ.

Сколько теперь тебѣ?

САЛИДАРЪ.

Семьдесятъ четыре года, одиннацать иѣсяцовъ и два дни.

ПАСКВИНЪ.

Ты проживешь отъ рожденія своево семьдесятъ четыре года одиннацать мѣсяцовъ, и три дни.

САЛИДАРЪ.

Ахъ! . . . уморилъ ты меня.

ПАСКВИНЪ.

Не я тебя уморилъ; ты самъ себя: для чево ты ѣлъ такую рыбу?

САЛИДАРЪ.

Господинъ Хиромантикъ, на что мнѣ купить свѣжей рыбы; я человѣкъ бѣдной?

ПАСКВИНЪ.

Линїя на лбу твоемъ показываетъ великое богатство, а не бѣдность.

САЛИДАРЪ.

Лжотъ ета линїя.

ПАСКВИНЪ.

Ета линїя протянулася черезъ весь лобъ отъ уха до уха: а я будучи Хиромантикомъ, въ ней ясно читать могу.

САЛИДАРЪ.

Что жъ тутъ написано.

ПАСКВИНЪ *[на лобъ ему смотря читаетъ.]*

Закладовъ на десять тысячъ, да денегъ тритцать тысячъ.

САЛИДАРЪ.

Ета линїя болтунья, негодная, мерзская.

ПАСКВИНЪ.

Коли бы она мерзска была, такъ бы ты не былъ таковъ богатъ.

САЛИДАРЪ.

Хотя бы я и въ правду богатъ былъ; такъ она етова не сказывай; знай про себя.

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

На что ей сто таить; богатство у человѣка первое достоинство.

САЛИДАРЪ.

Сто хотя и такъ; да на что ей врать?

ПАСКВИНЪ.

Что бы сто людямъ извѣстно было: и что бы слава твоя простиралась.

САЛИДАРЪ.

Да! что бы меня окрали. . . . *[бьючи пальцомъ себя въ лобъ, зачинаетъ:]* А ты плутовка отъ сего времени свѣта видѣть не будешь; я стану всегда носить шапку, и никогда ее не скину.

ПАСКВИНЪ.

Развѣ ты и въ церковь ходить не будешь?

САЛИДАРЪ.

Не буду и туда; . . . чтобы люди, смотря на мой лобъ, не соблазнялись.

ПАСКВИНЪ.

А ежели какой большой баринъ съ тобой встрѣтится.

САЛИДАРЪ.

Такъ я отвернусь, будто не вижу.

ПАСКВИНЪ.

А ежели онъ съ тобою станетъ говорить?

САЛИДАРЪ.

Такъ я скажу: не прогнѣвайтесь Ваше Высокопревосходительство, что я шапки не скидываю; я человѣкъ старой; такъ боюся, чтобы не простудиться.

ПАСКВИНЪ.

Однако не позабылъ ли ты тово, что тебѣ сево дни умереть.

САЛИДАРЪ.

Стану лѣчиться: деньгами Доктора ослѣплю: брошу ему въ глаза копѣекъ тритцать.

ПАСКВИНЪ.

А мнѣ, государь мой, пожалуете ли что за работу?

САЛИДАРЪ.

За худыя вѣсши денегъ не даютъ.

ПАСКВИНЪ.

Однако за хорошее искуство награждаютъ.

САЛИДАРЪ.

Пропади ты и съ хорошимъ искуствомъ: я пошлю по Доктора.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 7.

ПАСКВИНЪ и ТЕЛИДА.

ПАСКВИНЪ.

Такъ то меня ты плутовка потчиваешь?

ТЕЛИДА.

Что? не съ ума ли ты сошелъ господинъ Хироманшикъ?

ПАСКВИНЪ.

Посмотри ка ты на меня попристальнѣе: узнаешь ли ты кто я?

ТЕЛИДА.

Ба, ба!

ПАСКВИНЪ.

Я не баба, и ты не баба: а бранить тебѣ меня дурно.

ТЕЛИДА.

Какъ я тебя бранила?

ПАСКВИНЪ.

Развѣ ты позабыла? обманщикомъ, картежникомъ, мотомъ и пьяницой.

ТЕЛИДА.

Что жъ? развѣ ето неправда?

ПАСКВИНЪ.

Пускай ето правда.

ТЕЛИДА.

Помиримся Пасквинъ.

ПАСКВИНЪ.

Только чуръ меня въ передъ не бранить; я и самъ отбраниваться стану.

ТЕЛИДА.

Да въ Хироманшика то для чево ты преобразился, ежели я твоему благородїю смѣю доложить?

ПАСКВИНЪ.

Я тебѣ это послѣ раскажу, для чево я въ Хироманшика преобразился, и для чево я еще въ Доктора преображуся.

ЯВЛЕНІЕ 8.

САЛИДАРЪ и ТЕЛИДА.

САЛИДАРЪ.

Пасквинъ, Пасквинъ!

ТЕЛИДА.

Онъ, сударь, пошолъ по Доктора.

САЛИДАРЪ.

Да! онъ ходитъ: а я умираю; можно бы и побѣжать; когда господинъ умираетъ, тогда всѣ ево домашнїя должны быть скороходами, и ты.

ТЕ-

ТЕЛИДА.

У меня, сударь, юпка долговата, а твоя милость еще не такъ скоро умереть изволитъ.

САЛИДАРЪ.

Ты еще издѣваешся, а господинъ въ могилу смотритъ.

ТЕЛИДА *[особливо.]*

Давно пора.

САЛИДАРЪ.

Что ты говоришь?

ТЕЛИДА.

Я говорю, сударь: дай богъ тебѣ здоровье.

САЛИДАРЪ.

Вотъ ето таки настать; однако вѣдаешь ли ты за что я тебя кормлю.

ТЕЛИДА.

За то, сударь, что я тебѣ служу.

САЛИДАРЪ.

Нѣтъ, я кормлю тебя для того, что бы меня любила.

ТЕЛИДА.

Полно, сударь! передъ смертью едакія изволишь говорити слова!

СА-

САЛИДАРЪ.

По Доктора послалъ, и не пожалѣю за ево труды и за лѣкарства, дать ему алтынъ двацать: а коли ужъ и етова мало; такъ пойду до семи гривенъ.

ТЕЛИДА *[особливо.]*

Едакой срамецъ!

САЛИДАРЪ.

Что ты говоришь?

ТЕЛИДА.

Я сожалѣю, сударь, о вашемъ убышкѣ.

САЛИДАРЪ.

Ай, душенька моя! я тебя за ето поцѣлую.

ТЕЛИДА.

Едакія поцѣлуи мнѣ не по вкусу.

САЛИДАРЪ.

Что ты говоришь?

ТЕЛИДА.

Я говорю, сударь, что дѣвкѣ съ мущиною цѣловаться не хорошо: *[особливо]* а иногда и хорошо.

САЛИДАРЪ.

Такъ за ето, что ты обомнѣ пожалѣла, вотъ тебѣ гостинецъ: вотъ тебѣ бумашка му-

мушекъ: я съ образца дочернихъ мушекъ ихъ самъ вырѣзывалъ.

ТЕЛИДА.

Ха, ха, ха! я етова отъ роду не видывала: китайчетыя мушки!

САЛИДАРЪ.

Кто ето разсмотритъ! все равно что тафтяныя, что китайчетыя: нынѣче почали носить и бархатныя; скоро станутъ носить парчевыя; по всему видно, что скоро преставленїе свѣта будетъ.

ТЕЛИДА.

Преставленїе свѣта можетъ быть и не скоро будетъ; да ты севодни преставишься.

[Плачетъ.]

САЛИДАРЪ.

Вотъ такова то жизнь наша! копи, копи денежки, да и умри. Вслушалася ли ты, что я молвилъ?

ТЕЛИДА.

Вы, не знаю, что то о деньгахъ говорили.

САЛИДАРЪ.

Я говорю, что такова то жизнь наша: купи, купи на денежки, да и умри.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТѢЖЪ и ПАСКВИНЪ *[Докторомъ]*

ПАСКВИНЪ.

Чѣмъ вы недомогаете?

САЛИДАРЪ.

Голова очень дурна.

ПАСКВИНЪ.

Не худо ли вы спали ету ночь?

САЛИДАРЪ.

Глазъ съ глазомъ не сходился.

ПАСКВИНЪ.

На которомъ вы лежали боку?

САЛИДАРЪ.

На обѣихъ.

ПАСКВИНЪ.

Съ постели вставъ, на которую ступили вы ногу?

САЛИДАРЪ.

Не примѣтилъ.

ПАСКВИНЪ.

Волачивалися ли вы съ молоду?

САЛИДАРЪ.

И то было; да и нынѣ не безъ тово то.

ПАСКВИНЪ.

Сколько вамъ лѣтъ?

СА-

САЛИДАРЪ.

Семьдесять четыре года.

ПАСКВИНЪ.

Сколько у васъ денегъ?

САЛИДАРЪ.

А до етова тебѣ какое дѣло?

ПАСКВИНЪ.

Доктору надлежитъ вѣдать о всѣхъ обстоятельствахъ больнова.

САЛИДАРЪ.

Воля твоя, господинъ Докторъ, стыдно выговорить, какъ я бѣденъ.

ПАСКВИНЪ.

Пожалуй мнѣ свой пульсъ пощупать. *[Щупаетъ пульсъ:]* закладовъ на десять тысячь, да денегъ тритцать тысячь, а жить только часъ.

САЛИДАРЪ.

Ахъ! . . . пожалуй господинъ Докторъ избавь меня отъ смерши; ты великой Докторъ, и все по пульсу знаешь; а денегъ право у меня нѣтъ ни ста рублевъ.

ПАСКВИНЪ.

Изволь три пилюли принять.

СА-

САЛИДАРЪ.

О! господинЪ ДокторЪ! я чаю они очень дороги для меня; для тово, что они вызолочены.

ПАСКВИНЪ.

Не вызолоченыя пилюли богатымЪ людямЪ недѣйствительны.

САЛИДАРЪ.

Я человѣкЪ бѣдной, и нечѣмЪ мнѣ за едакїя заплатить пилюли. *[Съ лилюль золото соскребаетъ]*

ПАСКВИНЪ.

Изволь такЪ принимать; я уже сказалЪ то, что не вызолоченыя пилюли въ желудкѣ богатова человѣка не дѣйствуетЪ.

САЛИДАРЪ.

Да я не богатЪ! однако что дѣлать! принять. *[Притявъ, Телидѣ]* ВотЪ не говорилЪ ли я, что скоро будутЪ парчевыя мушки; уже и лѣкарство золотятЪ.

ПАСКВИНЪ.

Подай столЪ, стулЪ, бумаги, чернилицу и перо, Телида.

САЛИДАРЪ.

По чему ты узналЪ имя ея?

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

По пульсу.

САЛИДАРЪ.

Да ты и руки у нея не бралъ.

ПАСКВИНЪ.

Я иногда и не бравъ руки глазами изъ далека многое узнаваю. — Какую вы чувствуете перемѣну? есть ли вамъ полегче?

САЛИДАРЪ.

Нѣтъ.

ПАСКВИНЪ *[сѣдши писать, и поставивъ палецъ ко лбу]*

Инструкція, инклинація и иллюминація. *[Пишетъ]*

САЛИДАРЪ.

Какимъ вы ето господа Докторы пишете языкомъ?

ПАСКВИНЪ.

Другіе пишутъ Турецкимъ, а я Китайскимъ; а ради того, что аптекари по Китайски не разумѣютъ, у меня своя собственная аптека: и всѣ мои лѣкарства выписываются изъ за моря; и ежели бы въ обыкновенныхъ аптекахъ продавали ихъ; куда бы ихъ дорого продавали! во всей подсолнечной нѣтъ ни гостинова двора, ни лавки, гдѣ бы столь-

ко обману было, какъ въ аптекахъ, а товары преузорочные шамъ, мышьякъ, сулема, и прочія тому подобныя драгоцѣнныя вещи, которыми васъ господа Докторы подчиваютъ: а я не такой Докторъ, какіе они, и учился въ Китаяхъ. Я врачь, а они только вракалы. Я ужъ и практики имѣлъ больше, нежели они; а практика по Руски, наука морить людей, чтобы чрезъ то научиться людей отъ смерти избавлять.

САЛИДАРЪ.

Напиши жъ господинъ Докторъ.

ПАСКВИНЪ.

Теперь ужъ не надобно.

САЛИДАРЪ.

Для чево?

ПАСКВИНЪ.

У тебя неизлѣчимая болѣзнь, и ты сегодни умрешь.

САЛИДАРЪ.

Ахъ, господинъ Докторъ! . . . да какъ же ты ешова давиче не говорилъ! по чему ты ето теперь узналъ?

ПАСКВИНЪ.

По пульсу пера.

СА-

САЛИДАРЪ.

Охъ! . . . охъ!

ПАСКВИНЪ.

Готовься ко смерти.

САЛИДАРЪ.

Господинъ Докторъ! ты человѣкъ великой; не знаешь ли ты, гдѣ моя душа будетъ?

ПАСКВИНЪ.

Въ тартарѣ.

САЛИДАРЪ.

Охъ, господинъ Докторъ! такъ на небѣ мнѣ не бывать?

ПАСКВИНЪ.

На небо бездѣльниковъ не пускаютъ: а что ты бездѣльникъ, ето я по пульсу знаю. Правда ли ето, что ты бездѣльникъ?

САЛИДАРЪ.

Есть такой грѣхъ.

ПАСКВИНЪ.

Пульсъ не обманываетъ никогда.

САЛИДАРЪ.

Охъ!

ПАСКВИНЪ.

Ежели бы ты еще два года прожилъ, такъ бы ты былъ между неба и земли; а на небѣ никогда.

САЛИДАРЪ.

Такъ былъ бы я между неба и земли?

ПАСКВИНЪ.

Конечно былъ бы; для того, что бы ты былъ повѣшенъ.

САЛИДАРЪ.

И то бы лутче было; я бы еще два года прожилъ.

ПАСКВИНЪ.

Не пора ли тебѣ дѣлать завѣщаніе?

САЛИДАРЪ.

Не хотѣлось было, да быть такъ. Пошли Телида, брата моево: скажи ему, что я хочу дѣлать завѣщаніе.

ЯВЛЕНІЕ 10.

САЛИДАРЪ и ПАСКВИНЪ.

САЛИДАРЪ.

Охти мнѣ!

ПАСКВИНЪ.

Не унывай; еще тебѣ спасеніе осталось.

САЛИДАРЪ.

Спатное ли дѣло?

ПАСКВИНЪ.

Только надобно тебя анатомить.

САЛИДАРЪ.

Анатомить?

ПАСКВИНЪ.

Да, анатомить: и посмотрѣть души твоей; что бы свѣдати тѣ тайны, о которыхъ ты самъ ни кому не скажешь.

САЛИДАРЪ.

Ето преочень худо, господинъ Докторъ: я лутче тебѣ свои тайны открою.

ПАСКВИНЪ.

Ето всево короче: и ежели ты самую истинную откроешь, и послѣдуешь моему совѣту; такъ я тебѣ исцѣленіе обѣщаю.

САЛИДАРЪ.

Все скажу, господинъ Докторъ; быть такъ.

ПАСКВИНЪ.

Сколько у тебя денегъ?

САЛИДАРЪ.

Сердце слышало, что онъ о томъ меня спросить. Тритцать тысячь.

ПАСКВИНЪ.

Есть ли у тебя дѣти?

САЛИДАРЪ.

Одна только дочь.

ПАСКВИНЪ.

Замужемъ она, или въ дѣвкахъ?

САЛИДАРЪ.

Въ дѣвкахъ.

ПАСКВИНЪ.

Сколькихъ лѣтъ она?

САЛИДАРЪ.

Семьнатцати.

ПАСКВИНЪ.

Выдай ее замужъ, сей часъ. А я тебѣ клянуся, что причина болѣзни твоей точно отъ того, что ты дочери замужъ не выдаешь.

САЛИДАРЪ.

Да о деньгахъ то на что ты спрашивалъ, господинъ Докторъ?

ПАСКВИНЪ.

Что бы ты ей хотя третью часть имѣнія своего въ приданое далъ.

САЛИДАРЪ.

Будто безъ приданова и замужъ выйти не льзя?

ПАСКВИНЪ.

Етова приданова дочери твоей требуетъ головы твоей замѣшательство: а докшору знать

знать надобно больше всѣхъ, какая въ деньгахъ сила; мы продаемъ здоровье и жизнь.

САЛИДАРЪ.

О! господинъ Докторъ! десять тысячь рублевъ дѣло великое.

ПАСКВИНЪ.

Да и жизнь дѣло немалое.

САЛИДАРЪ.

О! господинъ Докторъ! не знаю, что дѣлать.

ПАСКВИНЪ.

Скажи, или я вонъ пойду.

САЛИДАРЪ.

Будь по волѣ твоей. Пришло клинъ клиномъ выбивать!

ЯВЛЕНІЕ 11.

САЛИДАРЪ, МИРСАНЪ и ПАСКВИНЪ.

САЛИДАРЪ.

Братецъ, буди ты свидѣтель моево завѣщанія.

МИРСАНЪ.

Я не думаю, чтобы твоя смерть была такъ близка; однако завѣщаніе жизни не препятствуетъ.

САЛИДАРЪ *[Подъячему.]*

Пиши другъ мой! дочь выдаю я замужъ, и ей даю чистое благословенїе.

ПАСКВИНЪ.

Только?

САЛИДАРЪ.

Даю ей чистое благословенїе.

ПАСКВИНЪ.

Только?

САЛИДАРЪ.

Даю ей самое чистое благословенїе. Подай я тотъ часъ подпишу.

ПАСКВИНЪ.

А еще что?

САЛИДАРЪ.

Чистова родительскова благословенїя дѣтямъ нѣтъ лутче ни чево на свѣтѣ.

ПАСКВИНЪ.

А о болѣзни то своей ты никакъ позабылъ.

САЛИДАРЪ.

И . . .

ПАСКВИНЪ.

Ну!

САЛИДАРЪ.

И . . .

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

Ну!

САЛИДАРЪ.

Десять . . .

ПАСКВИНЪ.

Ну, ну, ну!

САЛИДАРЪ.

У меня умЪ мѣшается. . . . тысячь.

ПАСКВИНЪ.

Чево?

САЛИДАРЪ.

О хо, хо, хо, хо! . . . рублевЪ.

МИРСАНЪ.

Извольте брашецЪ подписать.

САЛИДАРЪ *[начиная лисать.]*

Перо худо, чернилы негодныя. ГосподинЪ ДокторЪ, не можно ли етова до завтра отложить?

ПАСКВИНЪ.

Не можно.

САЛИДАРЪ *[подлисывая.]*

ОхЪ ти мнѣ!

МИРСАНЪ *[беретЪ подлисаное обязательство и отходитЪ.]*

ЯВЛЕНІЕ 12.

САЛИДАРЪ, ТЕЛИДА, ПОДЪЯЧІЙ и ПАСКВИНЪ.

ПОДЪЯЧІЙ *[чеша голову.]*

Не поволите ли, ваше милосердіе, мнѣ за труды пожаловать?

САЛИДАРЪ *[считая]*

Копѣйка, двѣ, двѣ копѣйки съ денежкой, безъ четверти пири, три, четыре копѣйки. — Мѣлкихъ денегъ у меня больше нѣтъ; вотъ тебѣ грошевикъ: а копѣйку выдай мнѣ.

ПОДЪЯЧІЙ *[приняв деньги и выдавъ ему копѣйку.]*

Прикажите мнѣ чарку водки поднесть; я вчера былъ на веселѣ; того ради подлежитъ опохмѣлиться; понеже у меня голова не въ силу указовъ имѣется.

САЛИДАРЪ.

Телида, дай ему чарку водки.

ПОДЪЯЧІЙ.

Водочка нашему брату, милостивый государь, очень здорова; чарка водки приказному человѣку вторая жена.

ТЕ-

ТЕЛИДА *[подноситъ Подъячему чарку водки.]*

ПОДЪЯЧІЙ *[Салидару.]*

За здоровье вашей честной фамилїи.

ПАСКВИНЪ *[въ рукахъ ево чарку водки выливаетъ.]*

ПОДЪЯЧІЙ.

Высокоблагородный и высокопочтенный, господинъ Докторъ! вы ето учинили противъ государственныхъ правъ; понеже вышеозначенную чарку по силѣ регламента выпить подлежало мнѣ нижеимянованному, а не вашему высокопревосходительству.

ПАСКВИНЪ.

Едакая тварь дерзаетъ досаждать ученому человѣку!

ПОДЪЯЧІЙ.

Едакая тварь дерзаетъ досаждать человѣку дѣловому.

ПАСКВИНЪ.

Знаешь ли ты, что я Докторъ?

ПОДЪЯЧІЙ.

Знаешь ли ты, что я подканцеляристъ, и чинъ имѣю коптенармуса? а ты никакова не имѣешь ранга.

СА-

САЛИДАРЪ.

Господинъ подканцеляристъ, не изволь шумѣть.

ПАСКВИНЪ.

Помолчи бездушникъ.

ПОДЪЯЧІЙ *[пристулая къ Пасквину.]*

Какъ? во мнѣ души не имѣется?

ПАСКВИНЪ *[отталкиваетъ отъ себя Подъячева. Подъячій съ нимъ дерется и въ дракѣ сдергиваетъ съ него ларикъ и еланчу.]*

САЛИДАРЪ.

А! а! господинъ Докторъ, такъ и я тебя полѣчу. Я вижу, что и на руку то у меня ты же смотрѣлъ.

ПАСКВИНЪ.

Я же, сударь.

САЛИДАРЪ.

А я у тебя на спину посмотрю.

ПАСКВИНЪ.

Да у меня, сударь, на спинѣ нѣтъ никакихъ линій, по которымъ бы что узнать было можно.

САЛИДАРЪ.

Плутъ!

ПАС-

ПАСКВИНЪ.

Я, сударь, васЪ . . .

САЛИДАРЪ.

БеззаконникЪ!

ПАСКВИНЪ.

Я, сударь, васЪ . . .

САЛИДАРЪ.

БезбожникЪ!

ПАСКВИНЪ.

Я, сударь васЪ, ежели вы прикажете, отЪ страха смертнова совсѣмЪ освобожу, и о болѣзни вашей лутче всѣхЪ докторовЪ растолкую.

САЛИДАРЪ.

Я брѣда твоево больше не хочу слушать.

ПАСКВИНЪ.

Ето сударь, о чемЪ я вамЪ доносить хочу, не бредЪ; истинна: и все не во снѣ, да на яву дѣлалось.

САЛИДАРЪ.

Сказывай законопреступникЪ.

ПАСКВИНЪ.

Ботвинье, которое вы съ бѣлужиной кушать изволили, здѣлано мною было не изЪ кислыхЪ щей, да изЪ шампанскаго вина; вотЪ отЪ чево ваша голова повредилася: а желу-

желудокъ вашъ ошъ тово повредился, что вонючей рыбы шампанскимъ виномъ ни когда не запиваютъ; а для чево я ето дѣлалъ, о томъ вы теперь уже легко знать можете.

ПОДЬЯЧІЙ *[бѣжа вонъ]*

Ето дѣло завящивое!

ПАСКВИНЪ.

Ежели свою дочь вы любите, такъ вы должны меня простить.

САЛИДАРЪ.

Дочь я люблю: а деньги люблю еще больше.

ПАСКВИНЪ.

Да вить они не въ чужихъ рукахъ.

САЛИДАРЪ.

Мои мнѣ собственныя руки больше въ роднѣ, нежели руки дочери моей; да что! хотя ево колесуй: а деньги мои пропали. *[плачетъ]* Охъ денежки, денежки мои! пришло по мїру таскаться. О приданое, приданое! въ адѣ бы тому человѣку не было мѣста, кто тебя выдумалъ! ежели бы тебя на свѣтѣ не было; недолго бы прекрасныя небогатыхъ отцевъ дочери засиживалися въ дѣвкахъ: а вы бы дурныя дѣвки доспойныхъ жениховъ у красавицъ не отнимали!

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ЯДОВИТЫЙ,

КОМЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Дѣйствующія лица

МЕНЕДЕМЪ, }
ДЕМИФОНЪ, } Друзья.

КЛИТАНДРЪ, сынъ Менедемовъ.

АНГЕЛИКА, пріемышъ Менедемовъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

ДРОМОНЪ, слуга.

ИСМЕНА, служанка Ангеликина.

ПАРМЕНОНЪ, служитель Демифоновъ.

КУПЕЦЪ.

СЕКРЕТАРЬ.

ПОДЪЯЧІЙ.

Дѣйствіе въ домѣ Менедемовомъ.

ЯДОВИТЫЙ,

КОМЕДІЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

МЕНЕДЕМЪ *[одинъ]*

Кто ето восходитъ на лѣсницу! лицо ево мнѣ знакомо кажется, а назвать ево не умѣю, и не могу вспомнити кто ето.

ЯВЛЕНІЕ 2.

МЕНЕДЕМЪ и ДЕМИФОНЪ.

МЕНЕДЕМЪ.

А! другъ мой! отколѣ ты взялся? сколько лѣтъ мы съ тобою не видались! какъ ты скрылся? гдѣ былъ? обойми меня, и раскажи мнѣ свое подробно похожденіе.

ДЕМИФОНЪ.

Благоденствуешь ли возлюбленный мой другъ? въ добромъ ли ты здоровьи, и въ хорошихъ ли обстоятельствахъ?

МЕНЕДЕМЪ.

И такъ и сякъ; однако, какъ ты видишь, живъ еще по сїе время. Ты каковъ?

ДЕМИФОНЪ.

И я тебѣ то же отвѣчаю: и такъ и сякъ; могъ я возвратиться, да не могу возвратити потеряннова; и въ томъ мѣстѣ, гдѣ я въ достаткѣ жилъ, буду таскаться по мїру, оплакивая мою бѣдность и протчїя худобы горестнова моево состоянїя.

МЕНЕДЕМЪ.

Раскажи мнѣ все, другъ мой; друзья друзей своихъ дѣла жадно слушаютъ, и входя въ чувствїе друзей своихъ, о дѣлахъ ихъ какъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ разсуждаютъ.

ДЕМИФОНЪ.

Ты знаешь то мой другъ, какїя мнѣ были нападенїя отъ моихъ сильныхъ злодѣевъ, и что я принужденъ былъ деревни мои продать и въ чужїе отлучиться краи, и быти

тамъ

шамъ, поколь они ради возвращенія моево померли. Шестьнатцать лѣтъ жилъ я въ Нѣмецкой землѣ, терпя добровольное убожество, ради тово, чево я къ уязвленію сердца моево и поминать не хочу; а возвратився въ Москву, не имѣвъ уже пять лѣтъ писемъ отъ человѣка, которому все мое сокровище ввѣрено, не нашелъ я ни ево, ни моево сокровища.

МЕНЕДЕМЪ.

Для чево ты не оставилъ сокровищей своихъ у меня?

ДЕМИФОНЪ.

Я не хотѣлъ тебя тѣмъ отягощать: и все то оставилъ у вѣрнаго своево слуги, о которова вѣрности я, и все потерявъ, еще ни мало не сумнѣваюся, причитая мое нещастіе люотому року жизни моей, а не ево невѣрности, етова моево слугу и имѣнію предпочитая, крушася и о томъ тяжко, ко умноженію моей печали, что я и ево не вижу: и не могъ извѣститься, гдѣ онъ и живъ ли.

МЕНЕДЕМЪ.

А я чаялъ о твоемъ имѣніи, что оно все взято съ тобою, не о томъ разговаривая тог-

да, когда ты со мною разлучался, пораженный твоею напастью: и только о нападенїи твоихъ на тебя злодѣевъ ежедневно твердя, и видя утѣсненную невинность, обще съ тобою ко праведному небу жалобы свои возсылая, и прося тебѣ съ небеси вспоможенїя. Жалостно то было время: въ тотъ годъ переставилася твоя супруга: сына и дочь похитила свирѣпая воспа: ты лишился любезнова своево отечества, а я любезнаго своего друга.

ДЕМИФОНЪ.

Ахъ! МенедемЪ, МенедемЪ! не всѣ тебѣ мои нещастїя извѣстны.

МЕНЕДЕМЪ.

На что жъ ты отъ меня и тѣ сокрываешь?

ДЕМИФОНЪ.

Севодни свѣдаешь ты и о тѣхъ: дай только мнѣ отдохнуть.

МЕНЕДЕМЪ.

Буди по волѣ твоей, закрыто основанїе и притчины чужихъ сердцедвиженїй.

ДЕМИФОНЪ.

Дай мнѣ осмотрѣться, и увидѣти состоянїе твое, которое мнѣ столько же нужно какъ и мое.

МЕ-

МЕНЕДЕМЪ.

А я все то, что въ моемъ имѣю убожествѣ, съ тобою раздѣлю; ты меня снабдѣвалъ во дни достатка своево, а я тебя буду снабдѣвать во дни моево недостатка. Не терпѣлъ тогда я нужды, и получилъ десять тысячь отъ тебя въ день нашего разставанїя.

ДЕМИФОНЪ.

Оставь ето пожалуй; я стыжуся ето слушать.

МЕНЕДЕМЪ.

А я стыжуся не воспоминать.

ДЕМИФОНЪ.

Сыскать деньги трудно, а друга еще трудняе.

МЕНЕДЕМЪ.

А я отъ тебя имѣлъ и то и другое.

ДЕМИФОНЪ.

Я исполнялъ долгъ дружества.

МЕНЕДЕМЪ.

А я моими словами исполняю долгъ благодарности: а буду исполнять и дѣломъ и по благодарности и по дружеству.

ЯВЛЕНІЕ 3.

МЕНЕДЕМЪ, ДЕМИФОНЪ и ДРОМОНЪ.

ДРОМОНЪ.

Я, сударь, больше жить у васъ не могу: прикажите меня отпустить.

МЕНЕДЕМЪ.

Что тебѣ здѣлалось?

ДРОМОНЪ.

Не спрашивайте меня, только отдайте обратно къ Геростратy; а причина тому та, что одинъ рабъ не можетъ быть въ услуженіи у двухъ господъ: а особливо когда одинъ доброй человѣкъ, а другой плутъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Ты мнѣ одному служишь.

ДРОМОНЪ.

А другова долженъ я репортовать, а поясняе сказати: одному долженъ я служить, а другому какъ спіонъ переносить вѣсти ради поношенія здѣшняго дома, какихъ вѣстей мнѣ взять не гдѣ; развѣ мнѣ быти спіономъ и лжецомъ: а я не хочу быть ни тѣмъ, ни другимъ: однимъ быть не съ чево, а другимъ быть не для чево: да меня же хотя по самыя

уши

уши въ золото посади, такъ я подражая своему помѣщику плутать не хочу.

МЕНЕДЕМЪ.

Я тебя взавтрѣ отпущу; мнѣ истинно теперь не до тово; пріѣхалъ ко мнѣ другъ, которова я многія не видалъ лѣта и не уповалъ больше никогда увидѣть.

ДРОМОНЪ.

Мнѣ здѣшній домъ райскимъ кажется жилищемъ; да что дѣлать? ийши во адъ; адская мука во адѣ сносняе, нежели въ раю; легче не видѣть жизни доброй и мучиться, нежели мучиться и видѣть.

МЕНЕДЕМЪ.

Отпущу тебя, хотя мнѣ етова и жалѣ.

ДРОМОНЪ.

Мнѣ етова еще и больше жаль; да быть такъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

МЕНЕДЕМЪ и ДЕМИФОНЪ.

МЕНЕДЕМЪ.

Вотъ каково мое состоянїе, другъ мой: не только принужденъ я негодному человѣ-

ку ласкать, да еще и выдавать за него держимова вмѣсто дочери приемыша, которова я столько люблю, что ни какой отецъ не можетъ больше любить дочери, называя ее дочерью, и ничѣмъ отъ единороднова моево ее сына не отдѣляя

ДЕМИФОНЪ.

Что тебя къ етому принуждаетъ?

МЕНЕДЕМЪ.

Отцу моему, лѣтъ уже съ семдесятъ, пожалована выморочная деревня; а съ десять лѣтъ назадъ, былъ нѣкакой подъячій при архивѣ, и тотъ указъ изъ архивы выкралъ: а послѣ о той своей кражѣ такому же вору объявивъ, носящему такое же рода имя, какое носили владѣльцы той пожалованной отцу моему деревни, и воръ вору подалъ причину ради общаго прибытка, битьчеломъ, женився на дочери ево. И хотя и многія необманчивыя слѣды того пожалованія въ приказахъ осталися; однако глупые и безграмотные судьи ету деревню отдаютъ моему сопернику: деревня ета малова стоитъ, да пожилыя такъ возрасли, что я въ небогатствѣ моемъ долженъ буду лишиться дневной пищи. Помѣщикъ давишняго

няго слуги ето дѣло купилъ, вѣдая то, что оно беззаконно, за дватцать тысячь: а иску дватцать двѣ тысячи; такъ и не велика бы то ему была находка, да зная то, что я такова иску заплатить не въ состоянїи, вмѣсто того влюбився смертно въ моево приемыша, требуетъ ее себѣ въ замужство: а она хотя и ни малѣйшїя склонности къ нему не имѣетъ, да еще и величашее отъ нево имѣетъ отвращенїе, жертвуя моему спасенїю, принуждаетъ себя за нево выйти: а онъ своево слугу въ мой домъ отдалъ ради спїонства, не примѣтитъ ли онъ какова въ приемышѣ моемъ подозрѣнїя, и къ кому нибудь любовной склонности: а особливо ревнуетъ онъ ко Клитандру сыну моему.

ДЕМИФОНЪ.

Въ Германїи ругаютъ безграмотность Пїитовъ: а мнѣ кажется, что безграмотность ихъ не столько вредна, сколько безграмотность судей: однако судьи тамо всѣ грамотны; по тому что отъ грамоты судейской зависаетъ общее и каждаго участно блаженство. Потребно въ порядкѣ содержи-

мое оружїе, а въ порядкѣ содержимые законы еще потребняе. Потребенъ умъ Военачальникамъ, а Градоначальникамъ еще потребняе. Сожалѣю я и твоего приемыша и тебя другъ мой.

МЕНЕДЕМЪ.

Вотъ какимъ образомъ и какимъ порядкомъ бездѣльники доходятъ и въ любви до своево желанїя.

ЯВЛЕНІЕ 5.

МЕНЕДЕМЪ, ДЕМИФОНЪ и ГЕРОСТРАТЪ.

МЕНЕДЕМЪ.

Вотъ онъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Ѣздилъ, ѣздилъ и усталъ до смерти.

МЕНЕДЕМЪ.

Развѣ много было нужды?

ГЕРОСТРАТЪ.

Мнѣ когда безъ нужды. Да наѣхалъ я диковинки. Нѣкоторова моево милостивца дочь, да вы ево и знаете: третьева дни ѣхалъ онъ мимо вашева двора, и говорилъ вамъ, что васъ ни гдѣ не видать: со мною встрѣтилася, а за нею скачетъ въ одноколкѣ

кѣ какой то петиметръ, и всеконечно на сходбище; по тому что ета дѣвица не Лукреція, а часто видалъ я ее въ собраніяхъ: такъ она и съ тѣмъ и съ тѣмъ, то перешептывается, то перемигивается: словомъ сказать, дѣвка непотребная.

МЕНЕДЕМЪ.

Я никогда ни чево худова о ней не слыхалъ: а что она жива и рѣзва, такъ ето отъ молодости.

ГЕРОСТРАТЪ.

Другая диковинка: попался мнѣ въ каретѣ етотъ молодецъ, которой вчера у васъ былъ, такъ пьянъ и безобразенъ отъ тово что гадко смотрѣть.

МЕНЕДЕМЪ.

Онъ ни какова и не пьетъ питья хмѣльнова.

ГЕРОСТРАТЪ.

Заѣхалъ я къ вашему, вотъ етому сосѣду: а онъ не знаю съ кѣмъ заставъ жену свою, чудь было ее не высѣкъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Она образецъ постоянства, а онъ образецъ ласки, учтивства и всякой благопристойности.

ДЕ-

ДЕМИФОНЪ.

Не прогнѣвайтеся, государь мой, ежели я вамъ нѣчто во противомнѣніе выговорю.

ГЕРОСТРАТЪ.

Пожалуйте, сударь; я отто всѣхъ и совѣты и наставленіе приемлю; честной человѣкъ долженъ принимати все человѣколюбиво, и всегда, сколько можно, судить людей съ доброй ихъ стороны.

ДЕМИФОНЪ.

Пускай тѣ диковинки, которыя вы севодни видѣли, всѣ праведны; вамъ какой прибытокъ изъ тово, что вы вмѣсто прикрытія человѣческихъ слабостей ихъ разглашаете.

ГЕРОСТРАТЪ.

Когда я какія въ обществѣ вижу безпорядки, такъ тогда отъ любви къ добродѣтели сердце мое раздражается.

ДЕМИФОНЪ.

Да вашею разгласкою то не исправится: а ежели и исправится, такъ то уже не загладится, что всемірно объявлено: а легкомысленныхъ дураковъ и жестокосердыхъ злодѣевъ на свѣтѣ много, которые слыша другому

тому ругательство, то ругательство утверждаютъ, хотя разумные и добрые люди ни на вымыслы ругателей, ни на большинство въ народѣ голосовъ и не смотрютъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Такъ по етому и о разбойникахъ ни чево худова выговорить не льзя, когда добродѣтель требуетъ тово, что бы мы видя беззаконія ихъ прикрывали?

ДЕМИФОНЪ.

Сколько беззаконія должны быть разглашаемы, столько должны прикрываемы быть наши слабости и прошибки. Мы отъ злодѣянія можемъ воздержаться, по тому что мы не дїяволи: а отъ слабостей не всегда можемъ, по тому что мы не боги.

ГЕРОСТРАТЪ.

Человѣкъ и я; такъ ежели о комъ что и худо по немощи выговорю, то мнѣ отпустительно.

ДЕМИФОНЪ.

Нѣтъ, государь мой, отъятїе чести, жизни и имѣнія не ко слабости нашей причитаются, и не прикрытія достойны.

ГЕ-

ГЕРОСТРАТЪ.

Чево жЪ?

ДЕМИФОНЪ.

Вы прогнѣваешеся, ежели я скажу.

ГЕРОСТРАТЪ.

Пожалуй, государь мой, изволь вымолвить.

ДЕМИФОНЪ.

Висѣлицы.

ГЕРОСТРАТЪ.

Ето громконько сказано; однако я отЪ вашева слова повѣшенЪ не буду.

ДЕМИФОНЪ.

Я говорю цѣля на отнимателей чести, жизни и имѣнїя: а вы старайтеся заслуживать имя честнова человѣка.

ГЕРОСТРАТЪ.

Честь на свѣтѣ химера только, и состоитЪ она вЪ покровительствѣ вельможЪ и вЪ молвѣ народной! а меня вездѣ хорошо пріемлютЪ.

МЕНЕДЕМЪ.

Я сЪ тобою другЪ мой многїя не видался лѣта, такЪ пойдемЪ, да побесѣдуемЪ: а вы,

вы, господинъ Геростратъ, побудьте здѣсь: а между тѣмъ и дочь моя къ вамъ выйдетъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Изрядно.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ГЕРОСТРАТЪ *[одинъ.]*

О химера, химера, вымышленная ради обузданія совѣсти политиками, и почитаемая дураками, ради ушѣсненія свободы и чувствія, нарицаемая, по нашему легкомыслію, честностью! ежели бы ты имѣла важность, такъ были ли бы почитаемы твои противники и презираемы твои послѣдователи! за то ли кланяются людямъ низко, что они честны? у тѣхъ ли больше пріятелей и меньше непріятелей, которые честны? тѣмъ ли больше благотворятъ, которые честны? тѣхъ ли больше привѣтствуютъ, которые честны? садятся по чинамъ: великолѣпятся по богатству и по мотовству: высокопарятся или по силѣ, или по глупости: любятся, или по благообразію, или по случаю, или по слѣпой страсти:

сти: похваляются по большинству голосовъ народа: а въ народѣ кривова разсудка больше, чему еще зависть и ненависть помогаютъ; такъ на что ты странная химера? да тебя же и не тѣмъ приписываютъ людямъ, которыми ты владычествуешь: а тѣ, которые тебѣ покланяются, по большой части ходятъ по мiру; и ежели ты не подперта силою или богатствомъ, такъ ни кто тебѣ и не вѣритъ. Безчестный ограбленнымъ имѣнiемъ великолѣпно торжествуетъ день тотъ, который ево произвелъ на свѣтъ ради вреда и погибели ближнему: а честной тотъ день, который ево къ пользѣ ближняго произвелъ на свѣтъ, оплакиваетъ посаженный за долги въ темницу. А все ето видя, можетъ ли разумный человѣкъ тебя беспрочную, и пустымъ именемъ блестящую почитать химеру?

ЯВЛЕНIЕ 7.

ГЕРОСТРАТЪ и ДРОМОНЪ.

ДРОМОНЪ.

Тотъ часъ выйдетъ госпожа Ангелика.

ГЕ-

ГЕРОСТРАТЪ.

Кто у нея?

ДРОМОНЪ.

Ея дѣвушка, да братъ вошелъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Етотъ ея братъ уже мнѣ солонъ; по всему видно, что она мнѣ ево предпочитаетъ.

ДРОМОНЪ.

Вы еще не мужъ ей, а онъ уже братъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Онъ ей не прямой братъ: а разсуждая по Философски, что препятствуетъ любиться и съ прямою сестрою? все ето вздоръ и ни какова не имѣетъ основанія.

ДРОМОНЪ.

Однако отцы на дочеряхъ, а сыновья на матеряхъ не женятся ни гдѣ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Законы и обычаи, утѣсняющіе наше своеволіе, ради подлыхъ разумовъ выдуманы.

ДРОМОНЪ.

Да ты ко удержанію своеволія повинуешься ли чему?

ГЕРОСТРАТЪ.

Ни чему.

ДРОМОНЪ.

Да есть ли Богъ?

ГЕРОСТРАТЪ.

Есть.

ДРОМОНЪ.

Такъ мы своеволїе, приносящее ближнему вредъ, должны удерживать.

ГЕРОСТРАТЪ.

На что? Богъ будучи толь великъ, будетъ ли думать о дѣлахъ такой малой твари, каковы мы?

ДРОМОНЪ.

Богъ будучи толико праведенъ и щедролюбивъ, будетъ ли и добрыя и худыя наши дѣла почитать за едино?

ГЕРОСТРАТЪ.

Богъ не постижимъ.

ДРОМОНЪ.

Да наши и добрыя и худыя дѣла постижимы.

ГЕРОСТРАТЪ.

Добрыя наши дѣла тѣ, которыя намъ добро дѣлаютъ; а худыя тѣ, которыя намъ дѣлаютъ худо: ето и естественно и истинно.

ДРОМОНЪ.

Ты мнѣ съ собою откровенно говорить

доз-

дозволяешь; такъ я тебѣ безо всякаго притворства скажу, что ты человѣкъ обществу самый опасный.

ГЕРОСТРАТЪ.

Это правда; да потому то я и почтенной; весь мїръ моево языка и пера ужасается.

ДРОМОНЪ.

Скажи мнѣ: развѣ ты человѣкъ ученой, что ты столько пишешь? вить къ етому надобно знанїе.

ГЕРОСТРАТЪ.

Нѣтъ, къ етому потребно дерзновенїе автора, и невѣжество читателей; дерзновенїе у меня есть, а читателей такихъ много.

ДРОМОНЪ.

Многїе пишутъ и врутъ, да людей не ругаютъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Во Францїи были два автора Боало и Молїеръ: такъ тѣ и не такъ людей ругали.

ДРОМОНЪ.

Не тѣ ли, о которыхъ ты намнясь разсказывалъ, ко одобренїю себя, своимъ собесѣдникамъ, которые разинувъ ротъ слушали тѣ твои похожденїя, которыя тебѣ пригрѣзилися

во снѣ, и исторію о Мосохѣ, расказываемую тобою, такъ ясно и точно, будто какъ бы ты у нево былъ наперсникомъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Тѣ: одинъ писалъ Сатиры, а другой Комедіи: а многіе къ моему щастію все за одно почитаютъ, и Сатиру и Пасквиль; хотя ето и правда, что одна нравы правитъ, а другая портитъ. Да мнѣ какая нужда, правятся или портятся нравы! былъ бы только тотъ моимъ перомъ уколонъ, ково я не люблю.

ДРОМОНЪ.

Да ты ни ково не любишь?

ГЕРОСТРАТЪ.

Ради тово я противу всѣхъ и пишу: а сочиненія мои вездѣ.

ДРОМОНЪ.

Ето правда, что Прованскимъ и Флорентинскимъ масломъ рѣдко пахнетъ, а особливо для того, что и запахъ въ нихъ не проницательной, а отъ конопляна масла въ Москвѣ всѣ улицы протухли.

ГЕ-

ГЕРОСТРАТЪ.

Такъ должно сочинителю знати вкусъ тѣхъ читателей, которыхъ больше: а большинство голосовъ вездѣ важно: и не только хвала и хула авторамъ на немъ основаніе полагаетъ, да часто и все наше благоденствіе отъ него зависаетъ.

ДРОМОНЪ.

Да любочестіе ушѣшаетъ человѣка, когда знаетъ онъ то, что ево сочиненія къ чести ево и по немъ останутся.

ГЕРОСТРАТЪ.

По мнѣ хотя трава не росли: а на мой вѣкъ такихъ людей, которые меня хваляшъ, очень довольно.

ДРОМОНЪ.

Ежели бы всѣ едакъ разсуждали; такъ бы родъ человѣческой до насъ конечно не простянулся.

ГЕРОСТРАТЪ.

Что мнѣ нужды въ родѣ человѣческомъ? былъ бы я только сытъ и доволенъ.

ДРОМОНЪ.

А въ Пасквиляхъ то какой тебѣ прибытокъ? вишь ето тебѣ самому больше ругательно,

тельно, нежели тому досадно, ково ты ругать устремляешся.

ГЕРОСТРАТЪ.

Меня во всѣ честные домы, и послѣ сочиненїя и изданїя Пасквили впускаютъ: а то въ барышахъ, когда кому поношенїе учинено: вить не всѣ вѣдаютъ то, что объявленное мною ложь: да вить и не всѣ знаютъ, какїя правила Сатиры, какїя Пасквили: коли имени нѣтъ, ни того, ково я ругаю, ни моево; такъ и Сатира. Продолжайся невѣжество, ко своевольству нашему, и къ ушѣсненїю наказуемыхъ нами по нашему благоволенїю.

ДРОМОНЪ.

А ну какъ когда нибудь и узнаютъ автора, и сыщутъ таскающееся его сочиненїе?

ГЕРОСТРАТЪ.

Я скажу, что то и то прибавлено; такъ и отвертчуся: а Пасквиль ту силу свою возметъ; по тому что у насъ еще не вовсе извѣстно, что Пасквили у себя въ домахъ имѣть безчестно: и ради того слышалъ я, что такїя мои сочиненїя у многихъ какъ по-

полезныя рукописи въ библіотекахъ сохраняются, ради безсмертнаго, ругаемыхъ мною безчестія; и не только сторонніе, да и приятели чтеніемъ ругательства о своихъ приятеляхъ услаждаются; хотя въ моихъ Пасквиляхъ ни соли, ни вкуса нѣтъ: да полно не тѣ Сатиры больше въ модѣ, въ которыхъ вкусъ и соль: да тѣ, въ которыхъ много яду. А мои Пасквили такъ приятны ядовитостію своею, что съ великимъ услажденіемъ, родные братья противъ родныхъ сестеръ, а родныя сестры противъ родныхъ братьевъ, читаютъ ихъ.

ДРОМОНЪ.

Ето изрядное родство?

ГЕРОСТРАТЪ.

И самыя такія мои сочиненія, которыя всякою неизреченною мерзостію наполнены, читаютъ иногда дѣвицы о родныхъ братьяхъ своихъ.

ДРОМОНЪ.

Позволь вымолвити мнѣ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Говори.

ДРОМОНЪ.

Ежели бы Пасквильщики сожигаемы были; не было бы обществу убытка.

ГЕРОСТРАТЪ.

Очень ты гнѣвенъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

ГЕРОСТРАТЪ, АНГЕЛИКА, ДРОМОНЪ и ИСМЕНА.

ГЕРОСТРАТЪ.

Ето, сударыня, противу всей политики, что я васъ такъ долго имѣлъ терпѣніе дожидаться.

АНГЕЛИКА.

Я съ братомъ о домашнихъ дѣлахъ заговорилася.

ГЕРОСТРАТЪ.

Полно не о келейныхъ ли, сударыня? не было ли между вами чево тайнова?

АНГЕЛИКА.

Исмена всю нашу тайну слышала, какъ и здѣсь она нашу тайну услышитъ! а вы, сударь, должны памятовати, что вы говорите суровенько.

ГЕРОСТРАТЪ.

Чтожъ вы такъ, сударыня, шоборски?

АНГЕЛИКА.

Престаньте, сударь.

ГЕ-

ГЕРОСТРАТЪ.

Я только начинаю.

АНГЕЛИКА.

А я оканчеваю, и пойду, скажу отцу моему, что я за васъ нейду; я долго ваши наглости терпѣла.

ГЕРОСТРАТЪ.

Такъ вашъ батюшка по мїру пойдетъ: а съ нимъ и вы и любезный вашъ братецъ.

АНГЕЛИКА.

Лутче мнѣ съ моимъ любезнымъ братцемъ суму таскать, нежели съ вами первою быть боярынею. Я отца моево спасала, сколько могла: и когда опредѣляетъ судьбина ходить и ему и мнѣ съ братомъ по мїру, такъ пойдемъ; сердце батюшкино спокойняе будетъ, когда онъ меня въ нищенскомъ увидитъ состоянїи преодолѣвающу великодушно бѣдность, нежели мучиму въ достаткѣ. Пойду и открою ему теперь мое намѣренїе. *[Отходитъ.]*

ГЕРОСТРАТЪ *[идучи за нею.]*

Кто то ково переможетъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

ДРОМОНЪ и ИСМЕНА.

ДРОМОНЪ.

Они поссорилися: есть пословица: орлы дерутся, а молодцамъ перья; а намъ на выворотъ: они разойдутся, а я тебя лишуся и не будешь ты за мною.

ИСМЕНА.

Ахъ, Дромонъ, мой любезный Дромонъ! лишаюся я тебя, и вѣчно съ тобою разлучаюся.

ДРОМОНЪ.

Ежели бы я помалодушняе етова былъ, я бы расплакался. Ну ежели бы дворянскому сыну едакая пришла бѣда, да еще и Стихотворцу; онъ бы рубли на два бумаги перемаралъ, и кричалъ бы: померкло солнце, затьмилися звѣзды, изсохли озера, и рѣки возвратилися ко своимъ источникамъ.

ИСМЕНА.

А тебѣ меня и не жаль?

ДРОМОНЪ.

Какъ не жаль, Исмена? да вить не удавиться же мнѣ отъ печали?

ИСМЕ-

ИСМЕНА.

Да ты и не воздыхаешь?

ДРОМОНЪ *[тяжко нарочно воздыхаетъ.]*

Прекрасная, Исмена! душа моя съ тѣломъ разлучается.

ИСМЕНА.

Я плачу, а у тебя ни слезки нѣтъ.

ДРОМОНЪ.

Голова моя вся слезами наполнена; да у меня такой обычай, что изо лбу слезъ и долбней не выгонишь.

ИСМЕНА.

Развѣ у тебя не такое же сердце, какъ у меня?

ДРОМОНЪ.

У тебя сердце нѣжное, и можетъ быть отъ тово любовной перемѣнѣ оно ежеминутно подвержено: а у меня сердце какъ камень твердо, и однажды распалився, вѣчно будетъ горячо.

ИСМЕНА.

Какъ я кинжала не вонзаю во грудь мою!

ДРОМОНЪ.

Какъ я шила не втыкаю въ сердце мое!

ИСМЕНА.

Какъ еще воздухъ питаетъ меня!

ДРО-

ДРОМОНЪ.

Какъ меня щи питаютъ!

ИСМЕНА.

Какъ не разверзется земля подомною!

ДРОМОНЪ.

Какъ подомною полъ не обломится!

ИСМЕНА.

Ты издѣваешься, Дромонъ.

ДРОМОНЪ.

А ты дурачишься, Исмена.

ИСМЕНА.

Будто я дурачуся, что о тебѣ тужу?

ДРОМОНЪ.

Да вить я еще не умеръ; такъ на что такія огорченныя имѣти мысли? придетъ разлука, придетъ и расположеніе.

ИСМЕНА.

Да она уже пришла.

ДРОМОНЪ.

Да еще не усѣлась: а когда усядется, тогда о поправкѣ нашева дѣла и думати станемъ. Будетъ судъ, будетъ и расправа! а тоскою мы дѣла не поправимъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 10.

КЛИТАНДРЪ, АНГЕЛИКА, ДРОМОНЪ и ИСМЕНА.

АНГЕЛИКА.

Что я батюшкѣ сказала, то исполнено будетъ. Бывъ моимъ братомъ, будешь ты супругъ мой. Давно уже тебя люблю, какъ любовника, что ты, хотя я тебѣ о томъ и никогда не открывала, видѣлъ изъ поступка моево, и изо всево съ тобою обхожденія, когда я отягощаяся горестью и скрывая тоску, готовилася ко противному мнѣ сочетанію, и къ вѣчному о моей къ тебѣ любви молчанію, грозящему меня мучити до самой смерти, хотя бы она и скоро пресѣкла нещастнѣйшій вѣкъ мой.

КЛИТАНДРЪ.

Премѣняя приятное имя сестры въ приятнѣйшее имя любовницы, дарагая Ангелика, единственный, и бывшій до сего часа безнадежный видъ отчаяннаго моего желанія! ты меня вознесла на самый верьхъ моего щастія. И когда ты отваживаешься терпѣть и раздѣлять со мною бѣдность; такъ я не

буду

буду ее чувствовать, ешу мою бѣдность богатству, великолѣпїю и всему предпочитая, чѣмъ люди въ роскошахъ изобилуютъ. А и батюшкѣ сносняе терпѣти разоренье, нежели видѣть наше мученье. А я при тебѣ довольняе буду въ самой скудной хижинѣ, нежели безъ тебя въ огромныхъ палатахъ; не въ великолѣпномъ зданїи, да во спокойныхъ сердцахъ наше благоденствїе обитаетъ.

АНГЕЛИКА.

Не изъясненно мое веселїе, что спало съ меня то иго, которое терзало душу мою и разрывало мое сердце, и что я по самой крайности отъ ужаснаго батюшкѣ жертвоприношенїя освободилася. А вотъ и противный мой женихъ! пропадай онъ.

ЯВЛЕНІЕ 11.

КЛИТАНДРЪ, ГЕРОСТРАТЪ, ДРОМОНЪ и ИСМЕНА.

ГЕРОСТРАТЪ.

Развѣ ради тово отнимаете вы у меня невѣсту, чтобы ваше имя было всей Россїи извѣстно?

КЛИ-

КЛИТАНДРЪ.

Я бы желалъ тово, что бы мое имя всему отечеству моему какими заслугами извѣстно было.

ГЕРОСТРАТЪ.

И безъ заслугъ извѣстно будетъ: колкое мое перо увѣнчаетъ ваше достоинство.

КЛИТАНДРЪ.

Ваше колкое перо всему просвѣщенному свѣту столько гадко, сколько правиламъ, разуму и слуху противенъ складъ вашъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Кто знаетъ языковъ цѣлую дюжину; такъ кажется тому писать можно.

КЛИТАНДРЪ.

Двухъ или трехъ языковъ вы словъ нѣсколько знаете, ето и я засвидѣтельствую.

ГЕРОСТРАТЪ.

Изрядно. И кто всю подсолнечную изъѣздилъ.

КЛИТАНДРЪ.

Частїю во сновидѣнїи.

ГЕРОСТРАТЪ.

Изрядно. И кто разныя степени человѣческаго знанїя позналъ опытомъ, бывъ и при-

прикованнымъ на галерѣ гребцомъ и монархомъ на престолѣ.

КЛИТАНДРЪ.

Одно истинна.

ГЕРОСТРАТЪ.

Изрядно. И кто знаетъ опытомъ разныя богослуженія, теплыя принося молитвы и во Ерусалимѣ и въ Мединѣ.

КЛИТАНДРЪ.

Ето правда.

ГЕРОСТРАТЪ.

Кто знаетъ исторію Сима, Хама и Яфета такъ подробно, какъ будто бы съ ними во весь ихъ вѣкъ жилъ купно.

КЛИТАНДРЪ.

Ето вамъ однимъ извѣстно.

ГЕРОСТРАТЪ.

Кто былъ Лейбмедикомъ у великаго Могола, Оберштальмейстеромъ у Богдыхана, и Оберкригскомисаромъ у Кутухты.

КЛИТАНДРЪ.

И женихомъ у Ангелики.

ГЕРОСТРАТЪ.

Я былъ можетъ быть чѣмъ нибудь и больше, нежели женихомъ.

КЛИ-

КЛИТАНДРЪ.

Подобно какъ не знаю гдѣ королемъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Ето дерзновенное о ней слово скочило у меня съ языка, и вымолвилъ я ево не ради поношенія.

КЛИТАНДРЪ.

Поношенія твои маловажны; имъ ни кто не вѣритъ изъ прямыхъ людей: а нынѣ уже и самые легкомысленные вѣриши тебѣ перестаютъ. Одно тебѣ прибѣжище, ради скареднаго твоего языка, и ради гнуснова пера осталося уязвляти добрыхъ людей чужимъ языкомъ и чужимъ перомъ, покамѣстъ тебя и твоихъ помощниковъ не выгонятъ изъ государства.

ГЕРОСТРАТЪ.

Я офицерской чинъ имѣю; такъ я по тому дворянинъ; и слѣдовательно что я вамъ, сударь, и шпагою отвѣчать могу.

ДРОМОНЪ.

Такъ тебя можетъ быть за твои шалости не высѣкутъ, а меня за то, что я тебя не отдерживалъ отъ твоего забіячества, разсѣкутъ; такъ пожалуй хотя меня пожалѣй, и умягчи свой гнѣвъ.

КЛИТАНДРЪ.

Не унустятъ и ему, ежели онъ людей колоти устремляться станетъ; едакова преимущества благородные люди не имѣютъ, которымъ они не учинивъ беззаконія довольствоваться не могутъ.

ДРОМОНЪ.

Ежели бы я дворянинъ былъ, а дворяня бы такое имѣли преимущество; я бы конечно что нибудь укралъ, ради показанія моево преимущества.

ИСМЕНА.

А я бы тебѣ украсть помогла, когда бы и я дворянка была, ради показанія моево благородства.

КЛИТАНДРЪ.

Мнѣ кажется отличный почтеніемъ человѣкъ, отличнаго и жесточайшаго за беззаконіе достоинъ и наказанія.

ГЕРОСТРАТЪ.

Всѣ подлыя души ко утѣсненію естественной и политикою умноженной благороднымъ людямъ свободы клонятся.

КЛИ-

КЛИТАНДРЪ.

Сколько я свободу почитаю, столько своевольство ненавижу, которое такимъ, каковъ ты, надобно.

ГЕРОСТРАТЪ.

Такъ ты мнѣ Ангелику оставить не согласенъ?

КЛИТАНДРЪ.

Нѣтъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

И всѣ мои праведныя угрозы презираешь?

КЛИТАНДРЪ.

Презираю.

ГЕРОСТРАТЪ.

О дщери великаго Аполлона! о вы сладчайшія Музы! о крылатый Пегасъ! и ты чистый Ипокрены источникъ! усугубляйте пріятность колкаго моего пера, омоченнаго во Стиксѣ и Ахеронѣ; да вся подсолнечная возгремитъ о невѣрности Ангеликиной, и да пронесется ея безчестіе до краевъ востока, запада, сѣвера и юга.

ДРОМОНЪ.

Москву, да Петербургъ позабылъ ты.

ГЕРОСТРАТЪ.

Когда Піиты во изступленіи, такъ такія мѣлочи придутъ ли въ голову?

КЛИТАНДРЪ.

А вы, сударь, Пїитъ?

ГЕРОСТРАТЪ.

Какъ же не такъ, когда я авторъ Сатиръ, Комедїй и Пародїй. Комедїи мои на кабакахъ читаются: Трагическїя сцены представляемыя при дворѣ я во сквернословїе и въ ругательство автора превращаю, а Сатиры мои прибиваются на заборахъ.

ИСМЕНА.

А невѣста твоя выходитъ за Клитандра.

ГЕРОСТРАТЪ.

Менедемъ еще опомнится, когда не захочетъ таскаться по мїру, и слышать о себѣ и о своей дочери двенатцати томовъ Сатиры.

ЯВЛЕНІЕ 12.

КЛИТАНДРЪ, АНГЕЛИКА, ГЕРОСТРАТЪ, ДРОМОНЪ, ИСМЕНА, СЕКРЕТАРЬ и ПОДЬЯЧІЙ.

СЕКРЕТАРЬ.

У себя ли господинъ Менедемъ?

КЛИ-

КЛИТАНДРЪ.

Дома, сударь: а я сынъ ево.

СЕКРЕТАРЬ.

Дѣло батюшки вашева, въ учрежденной коммисіи разсматривано: и протестъ господина прокурора о неправомъ рѣшеніи основателенъ: батюшка вашъ правъ: судьи отъ мѣста своево отрѣшены, или ясняе сказати отброшены, а сопернику вашему указано заплатити всѣ проистии и волокиты.

ГЕРОСТРАТЪ *[особливо.]*

О Юпитеръ! о Магометъ! о безмолвный пустынникъ Бальтійскаго порта!

КЛИТАНДРЪ.

Извольте, сударь, къ батюшкѣ съ извѣстіемъ радости и правосудія.

ДРОМОНЪ.

Исмена, накорми меня; пришло заговѣнье; взавтрѣ не только мнѣ, да и господину моему будетъ постъ.

ЯВЛЕНІЕ 13.

ГЕРОСТРАТЪ и ПОДЬЯЧІЙ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Ваше благородіе какова ранга и какова званія? и по указу ли сюда пришли, или по пріятству?

ГЕРОСТРАТЪ.

Здѣшнява хозяина дочь моя была невѣста.

ПОДЬЯЧІЙ.

А по силѣ новоучиненнаго рѣшенія будетъ она еще и пріятняе невѣстою; понеже родной ея отецъ по приложенному при семъ дѣлу нашелся правъ, и иску платить не будетъ; того ради, ваше высокоблагородіе, не пожалуете ли вашего высокородія нижайшему слугѣ: чинъ и имя: или имярекъ: то есть мнѣ за роботу.

ГЕРОСТРАТЪ.

Слыхалъ ли ты о Геростратѣ?

ПОДЬЯЧІЙ.

Какъ не слыхать, когда къ радости здѣшняго дома, и къ удовольствію высокой вашего сіятельства особы, оный вышереченный Геростратъ нами обвиненъ.

ГЕ-

ГЕРОСТРАТЪ.

Да ты ево знаешь ли?

ПОДЬЯЧІЙ.

По слуху только.

ГЕРОСТРАТЪ.

Что же говорятъ о немъ?

ПОДЬЯЧІЙ.

Не помыслите ваше благоутробіе, что бы я о немъ яко бы въ ласкательство выговорилъ: да только самую сущую и истинную скажу правду.

ГЕРОСТРАТЪ.

Говори. Каковъ онъ?

ПОДЬЯЧІЙ.

Престественной плутъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Да по чему же?

ПОДЬЯЧІЙ.

По тому что въ противность государственныхъ правъ, и словесно и писменно всѣхъ ругаетъ безо всякихъ документовъ, безъ справокъ, безъ выписокъ, безъ конфирмаціи...

ГЕРОСТРАТЪ.

Да что онъ за человѣкъ?

ПОДЬЯЧІЙ.

Благородный; понеже имѣетъ чинъ комисара.

ГЕРОСТРАТЪ.

Какъ ево по сїе время не уймутъ?

ПОДЬЯЧІЙ.

Да есть ли полно благородному плуту какое тѣлесное наказанїе?

ГЕРОСТРАТЪ.

Тѣлесное наказанїе благородному человѣку?

ПОДЬЯЧІЙ.

Рѣдкому благородному человѣку такое преимущество надобно: намъ оно потребно; понеже мы такимъ преимуществомъ больше довольствоваться можемъ.

ГЕРОСТРАТЪ.

Етотъ Геростратъ, ково ты бранишь, я; видишь ли ты, что ты приказная душа покушила?

ПОДЬЯЧІЙ.

Какъ не стыдно вашему сїятельству такое на себя безчестное принимати имя.

ГЕРОСТРАТЪ.

Я ето.

ПОДЬ-

ПОДЬЯЧІЙ.

Въ какой силѣ?

ГЕРОСТРАТЪ.

Въ такой силѣ, что етотъ человѣкъ, которова ты видишь, Геростратъ и съ душою и съ тѣломъ, въ естественномъ видѣ. Всею моею честію клянуся тебѣ, что ето я.

ПОДЬЯЧІЙ.

Ему честью кляться не слѣдовательно; понеже въ немъ чести не имѣется.

ГЕРОСТРАТЪ *[вынимаетъ шлагу]*

Вотъ я тебя подьячишка!

ПОДЬЯЧІЙ.

Милостивые государи, извольте засвидѣтельствовать: — нѣтъ ли здѣсь хотя кошки или крысы.

ЯВЛЕНІЕ 14.

МЕНЕДЕМЪ, ДЕМИФОНЪ, КЛИТАНДРЪ, АНГЕЛИКА, ГЕРОСТРАТЪ, ДРОМОНЪ, ИСМЕНА, СЕКРЕТАРЬ и ПОДЬЯЧІЙ.

МЕНЕДЕМЪ.

Что вы за шумъ севодни у меня въ домѣ дѣлаете?

СЕКРЕТАРЬ *[спрашивая Менедема]*

Что ето за страшной у васЪ гость?

МЕНЕДЕМЪ.

ГосподинЪ ГеростратЪ: етова въ честныхЪ домахЪ не терпятЪ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Подлинной ГеростратЪ!

ГЕРОСТРАТЪ.

Я ни гдѣ, и ни отЪ ково ругательства себѣ терпѣть не намѣренЪ.

ПОДЬЯЧІЙ.

СпрашивалЪ меня, что о ГеростратѣЪ обществѣ говорятЪ, а я не зная ево милости, донесЪ ему то, какЪ носится молва: такЪ виненЪ ли я въ томЪ, когда ево здоровье заслужилЪ себѣ такое имя?

СЕКРЕТАРЬ.

Желаю вамЪ довольствоваться правосудіемЪ и защитою по законамЪ, вашего противу ябедниковЪ благоденствія.

МЕНЕДЕМЪ.

Продли Боже благополучное царствованіе нашея Государыни, и утверди вѣчно въ Россіи правосудіе!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 15.

ТѢЖЕ, *[кромѣ Секретаря и Подячаго]*

МЕНЕДЕМЪ.

Я ни проистей, ни волокитъ не взыскиваю; желаю только тово, что бы вы впредь никогда въ домъ мой не ходили; я васъ отягощаемымъ меня съ вами обхожденїемъ довольно знаю, и радуюся тому, что я отъ такова свойства избавился.

ГЕРОСТРАТЪ.

Все лишнее, что бы я вамъ теперь ни отвѣчалъ; я тогда вамъ буду отвѣтствовать, когда время поуменшитъ печали мои, и когда постигнетъ моево сердца треволненїе.

ДРОМОНЪ.

За происти и волокиты вырвите меня изъ рукъ ево, что бы я ни вашего навсегда дома, ни Исмены не лишился. А я, господинъ Геростратъ, твоихъ писемъ ни подбрасывать, ни прибивати къ заборамъ не хочу: самъ ето дѣлай; ты по чину коммисарскому дворянинъ, и отъ тѣлеснаго наказанїя можетъ быть будешь освобожденъ: а меня выпарятъ.

ГЕ-

ГЕРОСТРАТЪ.

Возми ету бестїю себѣ, коли она вамъ надобна.

МЕНЕДЕМЪ.

Крайне одолженъ вами: а происти и волокиты я вамъ уступаю; въ моемъ родѣ ни кто проистьми и волокитами не разживался, хотя они и безгрѣшны иногда.

ИСМЕНА *[Дромону тихонько]*.

Поцѣлуй меня Дромонъ.

ДРОМОНЪ *[Исменѣ тихонько]*.

Довольно времени будетъ; нацѣлуемся.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЕ, ПАРМЕНОНЪ и КУПЕЦЪ.

ДЕМИФОНЪ.

Ахъ, ПарменонЪ! тебя ли я вижу!

ПАРМЕНОНЪ.

Неописанное чувствуетъ веселїе вѣрный твой ПарменонЪ.

ДЕМИФОНЪ.

Что такъ долго о тебѣ не было ни слуху ни духу?

ПАР-

ПАРМЕНОНЪ.

Пять лѣтъ содержался я безвинно въ темницѣ: я оправдался, а соперники мои подверглися наказанїю: а все ето мое страданїе, за усердїе къ тебѣ и вѣрность. Деньги ваши у етова почтеннаго купца и безъ лихоимственнаго росту стали почти полумилїономъ. Ету всю казну можете вы принять отъ етова человѣка, когда хотите.

ДЕМИФОНЪ.

Твоя вѣрность и усердїе и ево честность и дружба, получатъ отъ меня достойное возмездїе.

КУПЕЦЪ.

Я тому только радуюся, что я честному человѣку могъ оказывати мое добросердечїе.

ДЕМИФОНЪ.

При такихъ щастливыхъ обстоятельствахъ, когда я тебя спрошу: не поразишь ли ты меня страшнымъ отвѣтомъ. Любезный Менедемъ! сынъ мой подлинно умеръ, а дочь моя подъ именемъ умершей, по отбытїи моемъ жива осталася, и сокровенно, что бы и она въ колыбели не была гонима, оставленна у етова вѣрнова моего слуги.

ПАР-

ПАРМЕНОНЪ.

У себя я не могЂ ее сокрыши; многїе видя ее у меня уже меня подозрѢвали; шакЂ отдана она отЂ меня.

ДЕМИФОНЪ.

Жива ли она?

ПАРМЕНОНЪ.

Жива и достойна имени своего родителя.

ДЕМИФОНЪ.

Дай ею насладиться моему зрѣнїю: покажи мнѣ ее.

ПАРМЕНОНЪ.

Ты ее видишь; она передЂ тобою.

АНГЕЛИКА *[бросяся къ нему]*.

О мой любезный родитель!

ДЕМИФОНЪ *[обнимая ее]*.

О моя любезная дочь!

ГЕРОСТРАТЪ.

О день, отЂемлющїй всѣ силы души моей!

КЛИТАНДРЪ.

О день, воздатель добродѣтели и отомстишель беззаконїя!

ГЕ-

ГЕРОСТРАТЪ.

Къ чему премудрость, когда хитрая политика добродѣтели побѣдить не можетъ!

ДЕМИФОНЪ *[отходитъ]*.

Сочетавайся дочь моя со Клитандромъ: а Менедемъ на то еще давиче согласенъ былъ.

МЕНЕДЕМЪ.

Сочетавайся сынъ мой съ Ангеликою, когда то Демифону не противно.

ДЕМИФОНЪ.

Симъ еще умножится древняя моя съ тобою дружба, умноженная ужѣ воспитаніемъ и родительскимъ моей дочери содержаніемъ.

КЛИТАНДРЪ.

Вы не зятя, сына во мнѣ имѣть будете.

АНГЕЛИКА.

А я ваши къ себѣ милости не меньше рожденія почитаю.

КЛИТАНДРЪ.

А ты, дражайшая Ангелика, люби меня столько, сколько я люблю тебя.

КОНЕЦЪ.

59543

99033

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Комедія Чудовищи - - - -	5
—— Лихоимецъ - - - -	71
—— Вздорщица - - - -	153
—— Приданое Обманомъ -	211
—— Ядовитый - - - -	255

Ч. Б. 1115.